

СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОСТИ

SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND MEDICAL ASPECTS OF CRUELTY

Информационный, научный журнал
№ 1, 2001

Издается с июля 2001 г.
Выходит 1 раз в квартал

Главный редактор Ирина Афонина

Редакционная коллегия:

Марина Ткаченко (ответственный редактор)
Александра Абессонова (научный консультант)
Лариса Логвиненко (литературный редактор)

Редакционный совет:

Арно Аадамсоо (Эстония)
Анита Апсите (Латвия)
Александр Беца (Украина)
Роберт ван Ворен (Нидерланды)
Инге Генефке (Дания)
Семен Глузман (Украина)
Владимир Евинтов (Украина)
Вивьен Натансон (Великобритания)
Юрий Нуллер (Россия)
Светлана Полубинская (Россия)
Николай Шульга (Украина)
Борис Юдин (Россия)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОСТИ

SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND MEDICAL ASPECTS OF CRUELTY

Информационный, научный журнал
№ 1, 2001

Издается с июля 2001 г.
Выходит 1 раз в квартал

Учредитель – Международный медицинский реабилитационный центр
для жертв войн и тоталитарных режимов (МРЦ)

Свидетельство о регистрации КВ № 5163 от 29.05.2001 г., выдано Государственным комитетом информационной политики, телевидения и радиовещания Украины

Адрес редакции: Украина, 04209, Киев, ул. Героев Днепра, 20.
Международный медицинский реабилитационный центр для жертв войн и тоталитарных режимов (МРЦ).

Для корреспонденции: Украина, 04209, Киев-209, а/я 74.

Контактные телефоны: (38 044) 412-30-94; тел./факс (38 044) 412-00-77.

E-mail: mrc@viaduk.net

Публикация журнала стала возможной благодаря технической и финансовой поддержке IRCT (в рамках программы регионального развития, которая финансируется Европейским Союзом, Добровольным фондом ООН для жертв пыток и фондом ОАК)

Перевод с английского *Ирина Гончарова*
Корректор *Изольда Антропова*
Макет *Оксана Хлопова*

Подписано в печать 17.07.01. Формат 60x84/16. Печать офсетная. Тираж 1000.

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО

Международный Благотворительный Фонд «Издательство «Сфера».

Украина, 04101, Киев, пер. Делегатский, 3.

Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей

ДК № 233 от 07.11.2000 г.

Материалы, опубликованные в журнале, не обязательно отражают взгляды редакции или издателя, если это не оговорено особым образом.

Ни редакция, ни издательство не несут ответственности за любые последствия, связанные с использованием предоставленной в журнале информации.

За достоверность фактов, дат, имен собственных отвечают авторы публикаций.

Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать принятые к публикации материалы.

Перепечатка или другое использование материалов журнала возможны только с письменного разрешения редакции.

Содержание

От редактора	5
И.ГЕНЕФКЕ. пытки в современном мире	7
Л.ВЕЙСЕТ. Психиатрические проблемы войны	18
В.ХЕЧИМОВИЧ. Нераспознанная потребность в психосоциальной помощи в условиях современной войны	31
Х.КВИРОГА, Р.ГУРР. Культуральные аспекты психотерапии переживших пытки	41
Организация Объединенных Наций и борьба против пыток	45
Декларация о принципах терпимости	50
О.В.РАСМУСЕН, Б.СЁРЕНСЕН. Комитет Совета Европы по предупреждению пыток (СРТ), 1989–1999	59
Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ)	69
Коалиция Международных неправительственных организаций против пыток (CINAT) призывает государства возместить ущерб, нанесенный жертвам нарушения прав человека	74
Дж.ЛИКК. Отчеты Международной амнистии о применении пыток и жестоком обращении в Тибете	77
Международная амнистия. Из отчета за 2000 год	82
Международный совет по реабилитации жертв пыток	85
М.ХОЛЬМ. Им мог бы стать любой	87
Л.Т.АРСЕЛ. Правосудие в кильватере палаческих режимов: качать или миловать?	92
Б.БЕТТЕЛЬГЕЙМ. О психологической привлекательности тоталитаризма	98

Доктор Лео Эйтингер	109
Л.ЭЙТИНГЕР. Совладание с агрессией	112
Н.АДЛЕР, С.ГЛУЗМАН. пытка психиатрией. Механизм и последствия	118
Л.ГУМЕНЮК. Профилактика насилия среди сотрудников ОВД (по материалам социологических и психологических исследований)	136
Региональная сеть реабилитационных центров	143

От редакции

Свобода не является гарантией счастья. Во многих отношениях рабство кажется даже предпочтительнее, поскольку лишает риска инициативы и выбора. Трудное счастье быть свободным оказалось непосильным для многих граждан бывшего СССР. Мы, родившиеся и воспитанные в тоталитарной стране, не можем немедленно принять новые ценности, новые возможности, новые риски. Пожалуй, единственное, что мы с успехом освоили сегодня, — это право говорить. Говорить и писать.

Предлагаемый вам журнал — символ нашего права говорить о ранее запретном. О жестокости. Жестокость имманентна тоталитарному обществу. Тоталитарные правители очень хорошо рассказывали нам о «жестокой правде диких капиталистических будней», умалчивая о собственных концентрационных лагерях, о многомиллионных репрессиях, о голоде 1933 года, о Катыни... Обслуживавшие тоталитаризм правоведа восторженно внушали: «воспитание жестокости и жестокостью — это путь, противоречащий взглядам коммунистов». В «Юридическом энциклопедическом словаре», изданном в Москве в 1987 году, разумеется, нет понятий «пытка» и «жестокость».

Сегодня мы строим правовые государства. Именно поэтому мы должны говорить вслух о том печальном, что сопровождало нас ранее и сопровождает сейчас. Еще в 1896 году профессор права Новгородцев писал: «Успех действия права в жизни вообще обусловлен тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается или в мертвую бук-

ву, лишенную жизненного значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли».

Если мы не будем знать всю правду о себе, у нас не будет будущего. В наших странах сегодня слишком много политики. И очень мало права. Этот журнал — еще одна попытка заместить политику конкретным Знанием. Психологическим, историческим, правовым, социальным. Знанием о себе.

Инге Генефке (Inge Genefke)

Пытки в современном мире

WAR VIOLENCE, TRAUMA AND COPING PROCESS: ARMED CONFLICT IN EUROPE AND SURVIVOR RESPONSE. Zagreb: Nakladništvo Lumin, (Ch. 1.2. pp. 34-42), 1998

© 1998 International Rehabilitation Council for Torture Victims (IRCT), Denmark;
Institute of Clinical Psychology University of Copenhagen, Denmark

В статье рассматривается одна из наиболее острых проблем в мире. Речь идет о применении пыток — чуме нашего времени. Я буду акцентировать внимание на ее медицинских аспектах и определенной ответственности врачей в данном контексте.

Почему именно о пытках?

Во-первых, пытки — глобальная проблема.

Во-вторых, это наиболее эффективное оружие против демократии.

Хотя Организация Объединенных Наций неоднократно заявляла о недопустимости применения пыток, подобная практика все еще существует во многих государствах — членах ООН.

Данное утверждение основывается на 20-летнем опыте изучения работы врачей и исследования феномена пытки — как на национальном, так и на международном уровнях. За эти годы число инициатив, направленных против применения пыток, возросло более чем в 100 раз по сравнению с 1997 г. Организации, борющиеся с этим злом, создали глобальную сеть.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЫТКИ

Международный совет по реабилитации жертв пыток (IRCT) использует сегодня определение пытки, приведенное в документе ООН «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» от 10 декабря 1984 г., который вступил в силу в июне 1987 г. В этом документе пытка определена как «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом, выступающим в официальном качестве, или по подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включается боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

КОНВЕНЦИИ И ДЕКЛАРАЦИИ

На глобальном уровне наиболее важными являются конвенции и декларации Организации Объединенных Наций и Совета Европы. Мне бы хотелось сделать акцент на статьях 2, 10 и 14 *Конвенции ООН «Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»*, которые мы в IRCT считаем наиболее существенными.

Статья 2.

- § 2. Никакие исключительные обстоятельства, *какими бы они ни были*, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток.
- § 3. Приказ вышестоящего начальника или государственной власти не может служить оправданием пыток.

Таким образом, в статье 2 есть три очень важных пункта:

- а) пытка как таковая недопустима;

- б) пытка *ни при каких обстоятельствах* не имеет никакого оправдания;
- в) приказ не является оправданием.

Статья 10 касается образования:

«Каждое государство-участник обеспечивает, чтобы учебные материалы и информация относительно запрещения пыток в полной мере включались в программы подготовки правоприменительных органов, гражданского или военного, медицинского персонала, государственных должностных лиц, которые могут иметь отношение к содержанию под стражей и допросам лиц, подвергнутых любой форме ареста, задержания или тюремного заключения или обращению с ними».

Следовательно, такое образование может рассматриваться не только как естественное обязательство мирового сообщества, но и как правовое обязательство государства.

Статья 14 касается помощи государства жертвам пыток:

«Каждое государство-участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение или имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате пытки право на компенсацию предоставляется ее иждивенцам».

Здесь мы хотели бы остановиться на трех основных пунктах, а именно:

- 1) мораль — жертва получает возмещение;
- 2) деньги — справедливая и адекватная компенсация;
- 3) медицина — означает полное, по мере возможности, физическое, умственное и общественное восстановление, включая семью.

Для контроля за выполнением «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» Организацией Объединенных Наций в странах, которые ратифицировали этот документ, был образован Комитет против пыток (САТ), состоящий из 10 экспертов. Комитет собирается два раза в год в Женеве. Подписавшие Конвенцию государства обязаны сообщать Комитету о том, как она реализуется внутригосударственным правом и на практике.

Немаловажной является «Венская декларация и программа действий» Организации Объединенных Наций, принятая Всемирной Конференцией по правам человека в июне 1993 г. Все 185 государств — членов ООН приняли Декларацию на основании консенсуса. В этом документе целая страница посвящена проблеме применения пыток и действиям, направленным против подобной практики. Отдельная страница по проблеме применения пыток содержит восемь параграфов, причем все они ясно и четко сформулированы, изложены понятным языком. В своей статье я приведу только наиболее важный, по моему мнению, параграф 57:

«Поэтому Всемирная Конференция по правам человека настоятельно рекомендует, чтобы все государства немедленно прекратили практику применения пыток и уничтожили это зло раз и навсегда путем безусловного исполнения «Всеобщей декларации прав человека» и соответствующих соглашений и, где необходимо, укрепления существующих механизмов. Всемирная Конференция по правам человека обращается ко всем государствам с призывом о всемерном сотрудничестве со Специальным докладчиком по вопросу о применении пыток в выполнении его мандата».

Кроме того, начиная с 1984 г. Организация Объединенных Наций, а следовательно, и мировое сообщество имеют *Специального докладчика по вопросу о применении пыток*, в 1981 г. был создан *Волонтерский Фонд Организации Объединенных Наций для жертв пыток*.

После Всемирной Конференции по правам человека, которая проходила в Вене в 1993 г., в апреле 1994 г. был назначен *Верховный комиссар ООН по правам человека*. Одной из наиболее важных его задач должна была стать работа, направленная против применения пыток. Посетив в июне 1994 г. Научно-исследовательский и реабилитационный центр для жертв пыток (RCT) в Копенгагене, он обратился с призывом бороться против применения пыток, который назвал *Копенгагенским обращением*. В нем он подчеркнул важную роль всех государств в этом процессе и в полной реализации Конвенции против применения пыток, особенно в отношении реабилитации жертв пыток и их семей.

СОВЕТ ЕВРОПЫ

«Конвенция о предотвращении пыток и жестокого или унижающего достоинство обращения и наказания» Совета Европы вступила в силу в 1989 г. *Комитет по предупреждению пыток (СРП)* проверяет исполнение Конвенции, а его члены посещают тюрьмы и другие места заключения, чтобы выявить, практикуют ли там пытки и/или другое жестокое обращение. Комитет конфиденциально докладывает о результатах своего визита стране, которую он посетил и дает различные рекомендации, основанные на результатах этого визита. Такая профилактическая работа весьма эффективна.

Всемирная Медицинская Ассоциация также выступила с серьезным заявлением против применения пыток в так называемой «Токийской декларации» (1975 г.). В ней содержится профессиональное медицинское определение пытки, которое аналогично определению, приведенному в «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» Организации Объединенных Наций. Однако определение ООН относится только к применению пыток, санкционированному правительством, т.е. на уровне, на котором мировое сообщество может оказать влияние. В «Токийской декларации» весьма четко сказано, что «нельзя одобрять и освобождать от ответственности врача, и он не должен участвовать в практике применения пыток...».

Таким образом, принято множество деклараций и конвенций, много формальных слов произнесено на официальном уровне представителями международных организаций по поводу различных аспектов пытки, и все они едины в том, что *применение пыток недопустимо*.

Но в работе, направленной против применения пыток, первостепенное значение имеют практические и прагматические действия. *Необходимо сорвать завесу молчания, окружающую пытку, и ликвидировать миф о том, что в современном мире пыток не существует.*

ЧТО ТАКОЕ ПЫТКА И КАКОВЫ ЕЕ МЕДИЦИНСКИЕ АСПЕКТЫ?

Пытка как процесс и метод

Процесс пытки начинается с ареста, обычно ночью, с проявления силы и неоправданного использования насилия. «Расслабляющая стадия», которая часто следует после ареста, обычно длится несколько суток, с несистематическим насилием и избиванием, ударами ногами и т.п. Затем начинается реальная систематическая пытка, когда истязатели исследуют слабые места жертвы, чтобы заставить ее сломаться. Как следствие, мы получаем раздавленного человека с уничтоженным чувством собственного достоинства и разрушенной индивидуальностью. В справке, выданной ему, отрицается факт применения какого-либо насилия. Итогом может быть и смертельный исход: тело со следами насилия палачи хоронят в общей могиле.

Систематические пытки могут быть физическими и психологическими, обычно их проводят одновременно. Они направлены на постепенное физическое и психологическое уничтожение жертвы. Изодранные пытки могут уничтожить личность и чувство собственного достоинства человека, однако нас будут убеждать в том, что жертвы никогда не подвергались насилию. Мы наблюдаем развитие новой науки, и во многих странах в пытках уже принимают участие психологи и врачи.

Ниже приводится краткое описание физических методов пытки. Удары током направляют на те части тела, которые обладают повышенной чувствительностью. Жертву подвешивают за руки или за ноги и удерживают в таком положении в течение нескольких часов. Голову жертвы насильно удерживают под водой, пока жертва не начинает задыхаться. Кожу прижигают сигаретами или раскаленными железными прутьями. Жертв систематически избивают до тех пор, пока они не будут зверски изуродованы. Довольно часты случаи изнасилования, в особенности женщин, и люди уже не в состоянии оставаться людьми. Выдрессированных собак используют для непосредственного нападения на жертву. Условия в местах заключения все более и более ухудшаются: продукты питания и питьевая вода непригодны к употреблению. Свобода передвижения ограничена, и заключенных размещают в крошечных камерах, вынуждая их,

таким образом, спать по очереди. Санитарные условия неудовлетворительные, и любая просьба о посещении туалета часто становится предлогом для новой пытки.

Психологическая пытка

Разрушение личности зачастую начинается во время ареста, с изъятием личных вещей, включая жизненно необходимые лекарства, очки и т.д., и выдачи ужасной, не по размеру униформы. Имена заменяются номерами, а к охране следует относиться с глубоким почтением. Но самой ужасной, среди прочего, является ситуация, когда бессильная и беспомощная жертва становится свидетелем пытки близких (детей, супругов, родителей). Очень часто различными способами жертву лишают сна, ослепляют, ограничивают ее контакты с окружением. Издевательские насмешки приводят к тому, что у личности нарушается восприятие действительности, а это приводит ее в кошмарное бессознательное состояние. Жертв могут заставлять истязать друг друга. Те, кого подвергают подобным пыткам, ощущают беспомощность и страх, и у них могут возникнуть галлюцинации. В течение длительного периода жертвы могут находиться в полной изоляции, и все это время они не знают, что же с ними будет дальше, а у их близких часто нет информации относительно их местонахождения. Многим жертвам угрожают, и они вынуждены делать или говорить то, что противоречит их идеологии или религиозным убеждениям, а все это приводит к тому, что разрушаются основы личности, например, человек утрачивает чувство собственного достоинства и самоуважение. Такие действия палачей направлены на политические и моральные ценности. Жертв принуждают петь песни, в которых они восхваляют то, против чего боролись.

Последствия применения пыток

Сегодня палачи способны создать условия, которые могут привести к тому, что жертва теряет индивидуальность, идентичность, как и способность впоследствии жить полной жизнью среди других людей. Самые страшные последствия пытки для оставшихся в живых — умственные отклонения. После пытки часто возникает чувство глубочайшей вины, позора. И причины тут

могут быть разные: человек выжил, а его друзья умерли под пыткой, либо он предоставлял информацию, которая могла причинить вред его друзьям. Кроме того, чувство глубочайшей вины может быть следствием так называемого «невозможного выбора», когда жертва должна, например, либо выдать имена друзей, либо наблюдать мучения членов семьи. Но независимо от того, что выбирает жертва, результат один — горе, за которое она чувствует себя ответственной, а это именно то, чего хочет истязатель.

В результате проводимых в РСТ психологических обследований выживших после применения пыток выявлены, в частности, такие признаки: тревога, пробелы в памяти, депрессия, снижение чувства собственного достоинства, ощущение измененной личности, частые кошмары, трудности с запоминанием информации и концентрацией внимания, тенденция к абстиненции, утомляемость, головные боли и нарушение половых функций. Мы рассматриваем эти реакции как нормальные реакции обычных людей, которые подвергались какому-либо патологическому жестокому воздействию, например, пытке.

Деятельность врачей

Деятельность врачей, направленная против применения пыток, начиналась, образно говоря, на пустом месте более 20 лет назад. Результаты длительного систематического медицинского исследования могут быть подытожены в виде следующих четырех «открытий».

Открытие № 1: пытка имеет последствия

Пытка не только ужасна и невыносима, но она производится в специальных пыточных камерах. Имеют место физические последствия, но самое страшное — это психологические последствия: депрессия, тревога, кошмары, ощущение измененной личности, чувство позора, вины, снижение чувства собственного достоинства, нарушения памяти, трудности концентрации внимания, абстиненция, головные боли и нарушение половых функций, утомляемость. В 1970-х годах эти сведения были новыми.

Открытие № 2: цель пытки

Ранее мы полагали, что цель пытки — получение информации, но дело обстоит не так. Главная цель — сломить, уничтожить идентичность и индивидуальность истязаемого человека. Зачем?

Открытие № 3: целевая группа подвергающихся пытке

После многих лет систематических медицинских исследований мы можем говорить о санкционированной правительством пытке, которая **проводится со знанием дела, кто-то берет при этом на себя ответственность; она кем-то одобрена, часто ее кто-то иницирует, иногда она даже может быть институционализована правительством.**

Мы знаем, что *целевая группа подвергающихся санкционированной правительством пытке* включает лидеров этнических меньшинств, правозащитников, членов политических объединений, политических деятелей, студенческих лидеров, журналистов и т.д., т.е. выдающихся личностей страны. В полицейских участках или тюрьмах их подвергают пыткам. В дальнейшем, сломленных, их возвращают в общество с их физическими и психологическими проблемами, проявившимися вследствие пыток. Они страдают, испытывают тревогу, не могут нормально питаться, им снятся кошмары, у них развивается депрессия и т.д. Естественно, страдают их семьи и дети. Другие люди в обществе боятся оказаться в подобной ситуации и поэтому избегают подвергать себя такой же опасности, которой были подвергнуты эти храбрые люди. Именно таким образом диктатура проводит репрессии и сеет страх в странах, где пытки санкционированы правительством. Эта политика помогает правительству оставаться у власти. Вся страна зажата в кулаке террора, и пытка становится общей, хотя и непризнанной, проблемой здоровья.

Конечно, в этих странах других людей также подвергают истязаниям, например заключенных, уголовных преступников, участников демонстраций и др. Это еще больше усиливает страх и репрессии в стране.

Но что такое пытка?

Пытка — это наиболее устрашающий, изуверский и варварский акт в мире. Сегодня ее осуществляют профессионалы с использованием научных методов. Нередко в ней принимают участие врачи. Это так называемые «врачи группы риска»: тюремные врачи, военные врачи и судебно-медицинские эксперты. Палачи пытаются уничтожить других людей, стремятся сломить их окончательно, используя различные технологии пыток. Вначале мы думали, что, например, самым тяжким опытом были пытка горящими сигаретами, избиение и пинание ногами, подвешивание за руки или за ноги и пытка с помощью электрического тока. Сегодня мы знаем, что психологические методы пытки, например насильственное принуждение наблюдать пытки других людей, намного хуже. Ведь ими могут оказаться ваш ребенок, муж или жена. Вы присутствуете при этом и бессильны, беспомощны, вы слышите их крики, но не можете им помочь.

Таким образом, социальные исследования, проведенные врачами, позволили установить, что *санкционированная правительством пытка — это наиболее эффективное оружие против демократии.*

Открытие № 4: мы можем реабилитировать жертв

Это открытие я все еще рассматриваю как чудо. Мы обязаны работать для того, чтобы реабилитировать жертв во всем мире. И мы это делаем.

Важно подчеркнуть, что мы рассматриваем жертв пытки и или оставшихся в живых после применения пыток не как пациентов, но как **воплне нормальных людей** с нормальными реакциями. **Это так естественно** — испытывать тревогу и чувствовать себя униженным, ощущать позор и вину, будучи подвергнутым такому кошмару, как пытка. **Что ненормально**, так это патологическая, извращенческая жестокость и варварство **пыток и истязателей**, и тех, кто стоит за спиной у этих палачей, кто **ответственен** за санкционированную правительством пытку, а именно **сами правительства**.

На основании многолетних медицинских систематических исследований и документирования мы располагаем сведениями о модели пытки, т.е. одни и те же методы пытки использу-

ются во всем мире: в африканских, центральноамериканских, латиноамериканских и южноамериканских, европейских и азиатских странах. Причина этого кроется в том, что цель санкционированной правительством пытки одна и та же, а именно желание сломить мужественных людей, которые борются за лучшие условия жизни и за права человека в их собственной стране. Но в такой же степени, в какой являются международными методы и цель пытки, международными являются и принципы реабилитации, конечно же, с учетом культурных различий.

Насколько серьезной является эта проблема?
В каких странах применяются санкционированные правительством пытки?

Санкционированные правительством пытки практикуются в одной третьей части государств — членов ООН и во многих странах, ратифицировавших «Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания» ООН.

Несмотря на это, мы вправе внести свой вклад в борьбу против применения пыток, поскольку располагаем всемирной сетью профессионалов-медиков. В настоящее время существует более 150 центров, в которых предполагается проводить реабилитацию жертв пыток во всем мире.

Мы знаем, как реабилитировать.

Мы знаем, что краеугольным камнем является психологическая реабилитация, и жертвы должны рассказать о своем опыте.

Необходимо также, чтобы профессиональная судебно-медицинская экспертиза была проведена для членов семей выживших после пыток, включая детей и самих пострадавших. Им должна быть оказана адекватная помощь. ■

Ларс Вейсет (Lars Weisæthe)

Психиатрические проблемы войны

WAR VIOLENCE, TRAUMA AND COPING PROCESS: ARMED CONFLICT IN EUROPE AND SURVIVOR RESPONSE. Zagreb: Nakladništvo Lumin (Ch. I.1. pp. 25-33), 1998

© 1998 International Rehabilitation Council for Torture Victims (IRCT), Denmark;
Institute of Clinical Psychology University of Copenhagen, Denmark

Война не проходит бесследно. Ее последствия для человека — проблема очень древняя. И тут стоит упомянуть об «Илиаде» Гомера, первом произведении западной литературы, в котором уже рассматривалась эта проблема (Shay, 1994). И почти через 2800 лет литература о войне достигла аналогичного уровня психологической сложности. Гомер изображает галантного, благородного и сильного Ахиллеса, который отказывается воевать. Однако когда его лучший друг Патрокл погибает в сражении, взяв перед этим у Ахиллеса доспехи, его охватывает ярость. Он с неистовством идет в бой и совершает военные преступления, причем столь жестокие, что даже греческие боги содрожаются. «Илиада» — произведение о воине, жертве и преступнике одновременно. До тех пор, пока Библия не стала главной книгой, «Илиада» и «Одиссея» были как бы основными учебниками по этому предмету для мальчиков и молодых людей западного мира. С одной стороны, в них прославляются достоинства воина. С другой стороны, они воспринимаются как антимилитаристские повествования о том, что происходило в былые времена.

СТАДИИ ВОЙНЫ

Нет двух одинаковых войн. Каждая из них имеет свои отличительные особенности. Но чаще всего в каждой войне можно выделить одновременно все или, по крайней мере, некоторые из следующих стадий (Weisæth, 1997): мир-1, угроза, нападение, вторжение, оккупация, освобождение, послевоенное время и мир-2. Описание стадии «мир-1» социологически определяет довоенное состояние, стадии «мир-2» — послевоенную ситуацию, которая может в дальнейшем использоваться для сравнения со стадией мир-1, с тем чтобы оценить длительные воздействия войны на общество. Каждой стадии присущи разнообразные специфические стрессоры и сопровождающие стресс реакции, или она вообще может состоять из нескольких стадий. Последствия могут быть общими. Однако люди нередко демонстрируют удивительную способность адаптироваться к военному стрессу.

Похоже, в повседневном употреблении концепция войны трансформируется в каждом национальном специфическом военном опыте. Для некоторых счастливых наций новейшего времени война, по существу, означала отправление солдат за границу, в то время как непосредственно в пределах той или иной страны военные действия не велись. Таковой на протяжении прошлого столетия была история Соединенных Штатов, Канады и Австралии. В других странах, например в Великобритании, гражданские цели в свое время подвергались бомбардировкам. Именно с этой точки зрения и с учетом опыта военнопленных можно осмыслить то воздействие, которое оказывает война, на чем делается основной упор в учебных курсах по психиатрии. Только в течение последних двух десятилетий исследователи стали концентрировать внимание на психиатрических проблемах, которые возникают у гражданского населения в военное время.

Бельгии и Дании пришлось испытать горечь поражения и оккупации; Нидерланды, Норвегия и Польша также были оккупированы, их правительства находились в изгнании, а их солдаты сражались в армиях союзников. Некоторые страны потерпели окончательное поражение и были подвергнуты тотальному уничтожению, а после войны была осуществлена реконструкция их тогдашних социальных, экономических и политических сис-

тем. В особенности это касается Германии и Японии. Стоит отметить, что некоторые страны прошли несколько военных стадий одновременно (например, Советский Союз).

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА/ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА

Принимая во внимание, что война между нациями традиционно сосредоточивалась на сражениях между армиями, а именно на разрушении военной машины врага, развитие событий в XX столетии привело к созданию концепции неограниченной войны, т.е. когда гражданское население все в большей мере становится жертвой военных действий. Похоже, что на протяжении всех веков на гражданское население в большей степени влияла гражданская война. Гражданские войны в Финляндии (1917–1918 гг.) и Испании (с 1936 г.) являются наглядными примерами такого положения. Гражданская война в США была также исключительно жестокой. Возникает вопрос, почему же война столь жестока, когда «брат воюет с братом». Возможным объяснением может быть то, что при разгуле насилия отбрасывается в сторону сходство между сражающимися группами населения. В то же время идеологические, этнические, религиозные и другие различия преувеличиваются и искажаются, а часто используются для того, чтобы создать эмоциональную атмосферу страха и ненависти, которые, по-видимому, необходимы для мобилизации части населения на беспощадную войну.

После окончания холодной войны между супердержавами стали возникать многочисленные внутренние конфликты, особенно в странах, которые искусственно удерживались вместе (например, Советский Союз, Югославия). Некоторые из этих конфликтов переросли в фактические гражданские войны. Эта ситуация создала острые проблемы для Организации Объединенных Наций, которая считает конфликт международным, если он происходит между суверенными государствами. Мировое сообщество оказалась практически беспомощным перед лицом внутригосударственных конфликтов, например, в Руанде, Сомали и Югославии. Единственное решение этой проблемы — ратификация всеми государствами Всеобщей Декларации прав человека как законного основания для того, чтобы направлять миссии ООН для поддержания мира (Egge и др., 1996).

ВОЙНА И ПСИХИАТРИЯ

Зависимость между войной и психическим заболеванием сложная. Не существует прямой зависимости между серьезностью проявления стресса и психиатрическими последствиями. Однако наблюдается весьма существенная зависимость реакции, в особенности когда речь идет о длительном, чрезвычайно серьезном и напряженном опыте военного времени. В мирное время стихийные бедствия и несчастные случаи, являющиеся следствием ошибочных действий человека, переносятся значительно легче, в сравнении с целенаправленными (жестокими) угрозами человеческой жизни (например, тяжкие преступления, взятие заложников и террор). Однако война делает различие, часто принудительно изменяя смысл жизни и смерти посредством воздействия на жизнь угрожающей ситуации. Военная профессия — единственный тип деятельности человека, где серьезный риск для жизни и фактическая потеря жизни могут быть оправданными и допустимыми. Между тем в мирное время жизнь военнослужащих и полицейских, врачей и медсестер подвергается некоторому профессиональному риску, а их смерть во время исполнения служебных обязанностей будет всегда расцениваться как случайная и весьма прискорбная. Во время войны больший приоритет по сравнению с человеческой жизнью могут приобретать другие ценности (например, свобода, национальный суверенитет и демократия). Этот фактор в значительной степени помогает понять, почему зависимость между остротой воздействия стресса и психиатрическими последствиями не всегда отчетливо прослеживается в военное время. В частности, изменение восприятия возможной смерти может в значительной степени повлиять на вероятность развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и других подобных расстройств (при диагностике которых стержневым критерием стрессора является угроза жизни) после перенесенного катастрофического события. Между тем в диагностических критериях ICD-10 стрессор при ПТСР (а также при острой стрессовой реакции и стойком изменении личности после катастрофического переживания) определяется с объективной точки зрения, а субъективное восприятие угрозы игнорируется. Включение в DSM-IV индивидуальной реакции на угрозу как часть критерия стрессора пред-

ставляет собой исключение. Критерии DSM-IV предусматривают, кроме того, реакции в виде чувства беспомощности и страха. Так выглядит недавнее изменение в диагностических критериях, и остается только подождать, какими будут результаты. Однако заранее можно предвидеть, по крайней мере, одну проблему. Исследования показывают, что вообще не сообщалось о силе воздействия в военное время интенсивной угрозы для жизни на лиц с высокой мотивацией (например, бойцы Сопротивления, подвергнутые заключению в чрезвычайно жестоких условиях, в частности, в концентрационных лагерях). В одном из исследований (Major, 1996) только 40 % из бывших узников концентрационных лагерей впоследствии сообщали о том, что испытывали серьезную тревогу. Вероятно, длительность пребывания узников в лагере и потребности в стратегиях выживания, допустимых для психологических механизмов, таких, как психическая бесчувственность и подавленность, снижали субъективное ощущение тревоги.

Критерии ощущения когерентности (Antonovsky, 1987), осмысления, управляемости и содержательности являются основными требованиями преодоления, которые могут увеличивать терпеливость лиц, подверженных серьезному и длительному стрессу. Данный феномен можно было наблюдать во время «смягченных» военных ситуаций, например при оккупации Норвегии нацистами (Edegerd, 1954) и оккупации Западного берега реки Иордан и Сектора Газа израильтянами (Giacaman и др., 1993). Факторы, указанные Antonovsky, могут объяснять некоторые другие результаты. Edegerd обнаружил, что количество некоторых психозов во время войны сократилось. Исследования, проведенные палестинцами на оккупированных территориях (в Секторе Газа), показали, что интенсивность стрессовых реакций не всегда зависела от наиболее серьезных стрессоров.

МИР-1

Нация, фактически не испытывающая страха перед войной, очень уязвима. Рефлективный страх пропорционален реальной опасности; вместо симптомов он создает отношения, требующие решения проблемы (Mortensen, 1982). Он подобен «работе возбужденности» и прививке стресса. Напротив, предполагаемая беспо-

мощность опровергается. Несмотря на наличие современных систем наблюдения, последние войны имеют тенденцию захватывать население и мировое сообщество врасплох (Ближневосточная война 1973 г., советское вторжение в Афганистан в 1978 г., споры по вопросу о Фолклендских островах 1982 г., вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г.). Напротив, исторически сложилось так, что среди психиатрического сообщества наблюдалась тенденция неверно предсказывать массовое ухудшение психического здоровья вследствие военных действий. «Массовый психоз», предсказанный перед Первой мировой войной, так никогда и не стал реальностью. То же самое можно сказать и о Второй мировой войне.

УГРОЗА

Стадия угрозы неоднозначна. Это фактор, который может сбивать с толку целевое население. Агрессор может организовывать военные маневры, которые практически всегда разделяют целевое население. Ястребы желают мобилизоваться, демонстрируя силу, а голуби рекомендуют бездействовать, чтобы не взвинчивать агрессора. Обе реакции потенциально ускоряют процесс начала войны.

НАПАДЕНИЕ

Внезапное нападение обычно вызывает реакции, сопровождающиеся параличом сознания и паникой. Оба состояния дезадаптивны, поскольку препятствуют эффективной самозащите. Среди военного персонала стрессовые реакции, вызванные боевыми действиями (шок сражения), намного чаще возникают после внезапных атак, чем в результате подготовленного сражения. Такое происходит из-за психологической уязвимости. Остроту воздействия, вызванного боевыми действиями, можно определить, используя различные объективные факторы, в частности интенсивность и продолжительность. Интенсивность боя традиционно определяется после того, как становится известно количество погибших (KIA), раненых (WIA) или пропавших без вести солдат. Отношение стрессовых реакций, вызванных боевыми действиями («шок сражения», вероятно, является формой острой стрессовой реакции), к KIA и WIA, предположительно,

составляет 1:1:4 в «усредненном» сражении с применением конвенционального вооружения. Как оказалось, риск возникновения ПТСР зависит от норм LSR (Solomon и др., 1987). Воздействия, вызванные войной, были связаны с высокой вероятностью развития ПТСР, равной 38,8 % в соответствии с репрезентативным национальным исследованием (Kestrel и др., 1995). В определенных трудно разрешимых ситуациях, например когда обстановка требует от военнослужащего двух или более несовместимых между собой реакций, а стимула к выбору той или иной из них нет, может развиться острая кататония. В частности, такие случаи отмечались, когда внутреннее чувство долга, предписывающее сражаться, вступало в конфликт с необходимостью воздерживаться от действий ввиду отсутствия высшего командного состава или в связи с утратой политического органа. При таких психозах прогноз неблагоприятный (Eitinger, 1990).

ВТОРЖЕНИЕ

Массовое вторжение после внезапного нападения, вероятно, вызовет среди гражданского населения психоз, обусловленный психической травмой. Такая ситуация создает условия для обусловленных шоком реакций, таких как растерянность и замешательство. Общее замешательство — это своего рода подарок нападавшему. Такой стресс вызывает психиатрические заболевания, соответствующие пяти критериям психогенных реакций по Jaspers: значительный стрессор; временная зависимость между событием и реакцией; признаки стрессора; малозаметная предболезненная личность; положительный прогноз.

У индивидуумов с неустойчивой личностью подобные состояния могут развиваться, даже если они находятся на периферии войны.

ОККУПАЦИЯ

При оккупации нападавшая сторона захватывает власть в побежденной стране и может устанавливать там свои законы по собственному усмотрению. Точные определения оккупации могут быть размыты: таким образом, обнаруживается множество серых зон, в которых могут действовать банды преступников.

Напавшая сторона иногда нанимает такие банды, чтобы они терроризировали население. Примерами могут быть банда Риннан в Норвегии во время Второй мировой войны и объединенных Служб Безопасности (GSS) в израильской зоне безопасности в Южном Ливане. Население всегда стоит перед выбором: в какой мере оно должно сотрудничать с оккупантами, чтобы сохранить управление обществом (т.е. обеспечивать поставки продовольствия, работу медицинских служб и т.д.). Существует тенденция, что подвергаются опасности, а именно вызывать огромную ненависть, коллаборационисты всех цветов. Ситуация особенно опасна для тайных и двойных агентов (и их детей), которые после войны уже не смогут документально подтвердить собственный патриотизм.

К группам особого риска можно отнести перебежчиков, тайных бойцов Сопrotивления, «незаконные» группы информаторов и шпионов. Наблюдается тенденция, что именно они подвергаются риску длительных стрессов, ощущают неуверенность и дефицит самозащиты. Этим людям обычно постигают страшные испытания жестокими пытками или казнь в случае их раскрытия. Особенно губительным является так называемое заключение «Nacht und Nebel» (ночь и туман) (Eitinger, 1964, Eitinger & Strøm, 1973), в котором безвестный военнопленный медленно погибает, а затем бесследно исчезает. Как следствие — возросшая смертность, распространение заболеваемости и частые посттравматические психические расстройства типа синдрома концентрационного лагеря, посттравматического стрессового расстройства и посттравматического изменения личности (Falger и др., 1992).

Видимо, члены войсковых или военизированных формирований находятся в несколько лучшем положении, чем гражданское население. Ведь совершаемые ими убийства заранее спланированы (включая определенный риск), их выбор осознанный, группы сплоченные, у них есть лидер и благородные побуждения.

Был описан так называемый синдром второго поколения, т.е. детей узников концентрационных лагерей, оставшихся в живых после окончания Второй мировой войны. Недавние тщательно контролируемые исследования представительных групп позволили установить, что психические расстройства отцов, связанные с войной, могут и не отразиться на умственном развитии их

детей (Major, 1996). Это можно объяснить только тем, что родители вернулись в мирное и стабильное общество, в котором их почитали и уважали. Отсутствие генетической мотивации возникновения психического заболевания и внешней причины посттравматического опыта первого поколения также немаловажно. Следовательно, последствия травмы, вызванной войной, не отразятся на последующих поколениях при условии, что ситуация в послевоенном обществе будет благоприятной. В этом контексте для поддержания ментального здоровья необходима триада защитных факторов Antonovsky.

В отличие от изучения воздействия войны на военнослужащих, только в отдельных исследованиях описываются и анализируются результаты обследования гражданского населения и последствия краткосрочных и долгосрочных психиатрических воздействий. После недавних военных событий на Балканах, вероятно, появится множество новых научных данных, свидетельствующих о подобном воздействии на детей и взрослых.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Стадия освобождения может сопровождаться жестокой и тяжелой борьбой, направленной на ликвидацию разрухи, и потерей многих жизней, например, как это происходило в Восточной и Западной Европе во время Второй мировой войны. Если воевавшие стороны истощены или разгромлены, освобождение может быть недраматичным. В первом случае возрастает риск правонарушений с серьезными последствиями как для военных, так и для гражданского населения (Берлин). Во втором случае у освобожденного населения в состоянии эйфории может возникнуть желание совершить акты возмездия против побежденных угнетателей. Учитывая это, необходимо иметь подготовленные полицейские силы, которые смогли бы умиротворить агрессивные элементы с целью гарантированного организованного перехода к послевоенной стадии. Во время неразберихи, которая может возникнуть на стадии освобождения, могут возникнуть различные психологические синдромы.

Окончание войны и последние дни свободы порождают не только эмоциональные вспышки радости, но и психопатологические реакции. В половине случаев это, скорее всего, будут

коллорационисты, а их депрессию или состояние спутанности сознания легко понять. В другую группу, вероятно, входят сверхчувствительные и легко ранимые люди, которые были активными членами «противозаконных организаций». В течение войны им удавалось справляться со стрессом, но они растерялись, когда их незаконная деятельность раскрылась. В этом случае прогноз неплохой.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

На стадии, которая начинается непосредственно после окончания войны, возникают различные опасные ситуации. В течение войны роли поменялись; как следствие, доверие к законности было утрачено. Многие люди нуждаются в помощи, тем не менее она не может быть предоставлена незамедлительно. Таким образом, материализуются критерии бедствия.

В такой ситуации крайне важно определить четкие приоритеты. За спасательными медицинскими службами немедленно должны следовать службы, призванные работать в чрезвычайных ситуациях: они снабжают водой и продовольствием, предоставляют временное убежище, защищающее от сложных метеорологических условий, и т. д.

Суд над предателями должен быть быстрым и справедливым, с соблюдением современных законов; в этом случае, возможно, удастся восстановить мирное гражданское послевоенное общество и повысить доверие к собственным властям. Некоторые жертвы войны, вероятно, не будут обнаруживать признаков психического расстройств, если их социальный статус будет официально поддерживаться.

Важно надлежащим образом провести демобилизацию и разоружение войсковых и военизированных формирований. Солдаты, которые вынуждены были сражаться, некоторое время должны подчиняться строгому военному командованию, чтобы у них под влиянием алкоголя не развился амок и они не подстрекали к преступным действиям. Во многих случаях разоруженные войсковые формирования могут использоваться для расчистки руин и восстановления инфраструктуры. Солдаты должны возвратиться к гражданской жизни только тогда, когда ситуация стабилизируется.

В послевоенном обществе может оказаться в изобилии психиатрический материал, не только среди победителей и побежденных, но и, более того, даже среди гражданского населения. Вследствие этого психиатрическая медицинская помощь должна сосредотачиваться на: а) случаях насилия и потенциальных преступлений; б) травмированных личностях, находящихся в зоне риска длительных посттравматических стрессовых воздействий, если они не обратятся за профессиональной помощью. Когда военнопленных отпускают на свободу, они часто стараются казаться психически более здоровыми, чем есть на самом деле. Драматическое освобождение порождает чувство эйфории, поэтому в течение длительного времени может казаться, что с ними все в порядке.

Особое внимание следует уделить детям, большинство из которых могут быть так или иначе травмированы из-за неминуемой опасности, которой они подвергались. В этом случае травмирующие воздействия могут трансформироваться в ненависть и, таким образом, способствовать формированию непрерывного цикла насилия.

МИР-2

В некоторых случаях травмированному войной населению хочется вернуть довоенное состояние, описанное в стадии «мир-1». С другой стороны, неразбериха, вызванная войной, может создать возможности для частичного или полного обновления общества. Чтобы добиваться улучшения, что в свою очередь будет способствовать мирному развитию, послевоенная власть, политическая и административная, должна знать нужды различных слоев населения и учитывать их пожелания относительно будущего.

Измученное войной общество при мудрой политике, реализуемой в течение критической послевоенной стадии «мир-2», могло бы со временем превратиться в мирное общество с хорошими перспективами. В этом случае зрелое и мудрое руководство, несомненно, является ключевым моментом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку воздействия, которые оказывает война на психику человека, имеют тенденцию трансформироваться от одной стадии к другой, схема стадий войны может рассматриваться как полезный аналитический инструмент. Вид обследования и прогноз на восстановление нередко зависят от временной перспективы. Отдельные лица и группы людей после нелегких травмирующих испытаний, которые выпадают на их долю, должны быть относительно быстро обследованы специалистами. В результате опроса группы солдат и другого персонала были получены неплохие результаты. Однако проведено еще мало контролируемых исследований (Mitchell & Every, 1996).

ЛИТЕРАТУРА

- Antonovsky, A. (1987). *Unravelling the mystery of health How people manage stress and stay well* San Francisco, Jossey Bass Inc.
- Eitinger, L. (1964). *Concentration camp survivals in Norway and Israel. Oslo, Universitetsforlaget.*
- Eitinger, L. (1990). World War II in Norwegian psychiatric literature. In: Lundeberg, J.E., Otto, U., Rybeck, B. (eds.). *Wartime medical services*. Stockholm, Försvarets forskningsanstalt FOA, 1990, 413–425.
- Eitinger L, Strøm, A (1973). *Mortality and morbidity after excessive stress a follow up investigation of Norwegian concentration camp survivors*. Oslo, The University Press, New York: Humanities Press.
- Falger, P.R.J., Opden Velde, W., Hovens, J.E., Schouten, E.G.W. (1992). Current Posttraumatic Stress Disorder and cardiovascular risk factors in Dutch resistance veterans from World War II. In: De Loos, W.S. and Op den Velde, W. (eds.), *Selected proceedings of second European conference on traumatic stress. Psychotherapy and psychosomatics*. Vol. 57,4; 164 –171.
- Giacaman, R., Stoltenberg, C., Weisaith, L., (1993). Health. In: Heibeig, M., Øv Jensen, G. (eds.) *Palestinian society in Gaza, West Bank and Arab Jerusalem A survey of living conditions* Fagbevegelsens senter for forskning, utredning og dokumentasjon, FAFO, Oslo, 99–130.
- Kessler, R.C., Sonnega, A., Biomet, E., Hughes, M., Nelson, C.B. (1995). Post-traumatic Stress Disorder in the National Comorbidity Survey. *Arc Gen. Psychiatry* 52(12), 1048–1060.

- Major, E. (1996). *War stress in transgenerational perspective. Norwegian concentration camp survivors and two other resistance groups and their children*. Oslo, University of Oslo, 323 pp.
- Mitchell, J.T., Everly, G.S. (1996). *Critical incident stress debriefing*. Ellicott City, Chevron Publishers.
- Mortensen, M.S. (1982). Fear of war and attitudes to defense — is there a Relationship. In: *The Norwegian Journal of Military Science*, 6, 239–250.
- Shay, J. (1994). *Achilles in Vietnam: combat trauma and the undoing of Character*. New York, Atheneum.
- Solomon, Z., Weisenberg, M., Schwarzwald, J., Miculinzer, M. (1987). Posttraumatic Stress Disorder among front line soldiers with combat stress reactions. The 1982 Israeli experience. *American Journal of Psychiatry*, 144(4), 448–454.
- Weisæth, L. (1997). War-related psychopathology in Kuwait. An assessment of war-related mental health problems. In: Fullerton C.S., Ursano, R.J. (eds.). *Post-traumatic Stress Disorder. Acute and long-term responses to trauma and disaster*. American Psychiatric Press, Washington D.C., 91–121.
- Ødegerd, Ø. (1954). The incidence of mental disease in Norway during World War II. *Acta Psychiatrica Neurologica*, 29, 333–353. ■

Владимир Хечимович (Vladimir Hećimović)

Нераспознанная потребность в психосоциальной помощи в условиях современной войны

WAR VIOLENCE, TRAUMA AND COPING PROCESS: ARMED CONFLICT IN EUROPE AND SURVIVOR RESPONSE. Zagreb: Nakladništvo Lumin (Ch. III.10, pp. 123-130), 1998

© 1998 International Rehabilitation Council for Torture Victims (IRCT), Denmark;
Institute of Clinical Psychology University of Copenhagen, Denmark

Трудно определить реальные размеры психосоциальных потребностей людей, травмированных войной. В данной статье анализируются факторы, которые не позволяют это осуществить. Среди них наиболее важными являются: сама жертва или непосредственно идентификация жертв в группе; недостаток психологического образования медицинских специалистов, общающихся с жертвами; низкий уровень побудительной мотивации помощников; возникновение у психоаналитика подавляющих эмоций; присутствие иностранных помощников и социальные факторы. Однако несмотря на то, что невозможно надлежащим образом реализовать большинство потребностей в психосоциальной помощи, в нашем распоряжении, тем не менее, еще есть много средств, позволяющих реалистически оценить потребности и имеющиеся ресурсы, а также установить приоритеты уже намеченной психосоциальной помощи, а не пытаться подавить факты психологической зоны смутной неуверенности.

ВОЕННЫЕ СТРЕССОРЫ И ПОТРЕБНОСТЬ В ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

Война, хотя и редкое событие, обладает, тем не менее, силой, которая движет нами и заставляет пересматривать семантическое содержание идей, остающихся в наших воспоминаниях с детства. Bellak (1974) обнаружил, что у так называемых нормальных людей существуют житейские заблуждения, которые защищают их от ужасов обыденного человеческого бытия (Hecimovic, 1981; Dakic, 1993). Возможно, некоторые идеи, постигнутые нами еще в детстве, не изменяются даже тогда, когда мы становимся взрослыми; если же ситуация требует их возрождения, возникает замешательство вследствие несовместимости наших идей с фактическим положением дел.

Так случилось с моими идеями относительно войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине. Я был потрясен, когда узнал, что эта война не была конфликтом между двумя сторонами, пытающимися достичь своих целей военными средствами при соблюдении правил военного сражения. Я должен был признать, что современная война — это попытка уничтожить более слабого врага. Те, кто наживается на войне, оказывают содействие, развязывают и обслуживают войну, скрываясь за маской цивилизации. А тем временем простые люди вовлекаются в войну под усыпляющим влиянием пропаганды и, по причине унаследованной человеком дикой животной природы, дают волю своим агрессивным инстинктам, направленным против таких же людей, но находящихся по другую сторону линии фронта, называя их жестокими или человекоподобными захватчиками. Бытует мнение, что убийство этих монстров — патриотическая обязанность освобожденного современного супермена (по-детски искаженный образ ницшеанского героя).

Таким образом приспешники современного оружия в экстатической эйфории убивали стариков, детей, гражданское население, невооруженных и раненных заключенных, разрушали здания, города и культурные памятники, уничтожали деревья (Caldarovic, 1993; Dakic 1993; Peic, 1993; Schiffler-Premac, 1993). Даже домашние животные становились мишенью неистовства агрессоров.

Разрушающая мощь современного оружия, в сочетании с военной пропагандистской и психологической машиной, возросла по сравнению с той, что была в прошлом. Логичный результат

такого положения вещей: психологические травмы участились и стали более глубокими в сравнении с предыдущими войнами. Дело обстоит именно так, несмотря на то, что еще Гомер в «Одиссее» повествует нам о том, что человеческая агрессивность не была меньше в античные времена, а психологические последствия травмы, нанесенной войной, были весьма схожими. Разрушительная мощь современного оружия больше, следовательно, больше и психологическая травма (Gabriel, 1991).

Существует несоответствие между потребностями в психосоциальной помощи людей, оказавшихся под воздействием фактора войны, и количеством профессионалов, выученных выполнять данную задачу. Оно приобретает такие размеры, что даже при оптимальной системе помощи и всей воображимой финансовой поддержке невозможно нейтрализовать все неблагоприятные последствия двух «маленьких войн» (коль скоро можно называть такими войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине). Вся мыслимая психосоциальная помощь не представляется достаточной при современных методах ведения войны, пусть даже маленькой.

В данной статье я попытался объяснить, почему так трудно определить реальные размеры неудовлетворенных психосоциальных потребностей в этих двух войнах. По-моему, существует несколько групп факторов, которые сокрыли истину.

ЖЕРТВА

Человек, психика которого травмирована, который перенес невозполнимую утрату — смерть дорогих ему людей, потерю собственности, общественного статуса, системы ценностей или источников восстановления смысла идентичности, — отказывается просить о помощи. Такое парадоксальное поведение сходно с поведением избитых или изнасилованных детей, которые стыдятся зверства своих родителей и поэтому пытаются скрыть их жестокое поведение. Травмированные жертвы часто испытывают страх, необоснованную вину, позор и дезориентацию, несмотря на то, что нет никаких причин для рационального обоснования эмоций вины или позора. Нарцисстическая регрессия стирает границы между личностью и целью.

Удивительным наблюдением во время работы с жертвами войны была степень зависимости между ежедневными соци-

альными контактами со знакомыми людьми и посещениями знакомых мест в их среде, с одной стороны, и чувством собственного достоинства, смыслом собственной идентичности и оценкой ценностей человеческой жизни — с другой. Многие беженцы совершенно изменились как личности в своем поведении после осознанного отказа от привычек и привычных ритуалов. Чудодейственные ментальные поступки (пребывание со знакомыми людьми в знакомых местах) являются попыткой возвратиться в то время, когда они знали, кем они были, чем были и чему принадлежали. Бутылка воды из Дуная или старые фотографии служат им своеобразным талисманом и свидетельствуют о существовании окружающей среды, в настоящий момент невидимой и недостижимой. Без поддержки явственного свидетельства интеллектуальное реструктурирование имеет огромную ценность. Помощник, который не в состоянии распознать этот опыт, приобретенный жертвами войны, воспринимается как осквернитель и разрушитель связей с идеализированным прошлым. В таком случае лучше всего было бы не признавать существования такого помощника или, по крайней мере, ценности ее/его усилий.

Если потеря части (или частей) тела либо нарушение его функций является компонентом процесса разрушения собственного образа, то осмысление собственной персоны как никчемного человека акцентируется и далее. Естественно, это не предполагает, что каждый человек, потерявший конечности или утративший некоторую телесную функцию, ощущает собственную никчемность и потерю чувства собственного достоинства. Лучше сказать, что такое состояние нередко представляется следствием подобного опыта. Нарушение чувства собственного достоинства у беженцев проявляется в их нежелании встретиться с членами своих семей и в маниакальной привязанности к людям с увечьями, подобными их собственным.

В таких случаях предложение помощи ощущается ими как страх перед возможной атакой на остатки разрушенной личности. Пациент воспринимает это предложение как следующее сообщение: «Вы неспособны заботиться о себе. Вы получили не только физическое увечье, но и психологическое». Как следствие, пациент пытается избежать или отказаться от травмирующего предложения помощи.

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ С ГРУППОЙ

Намного легче избежать обиды, если ты являешься адресатом психосоциологической помощи и находишься под наблюдением как человек с психическими расстройствами, когда тебя окружают люди, разделяющие с тобой одну судьбу. Особенно критические отношения идентификации формируются среди участников войсковых соединений на линии фронта, которые пытаются решить возникающие психологические проблемы посредством длинных ночных разговоров и выпивки. Они поддерживают друг друга и убеждены, что те, кто не имел подобного опыта, не в состоянии их понять.

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ, НЕ ИМЕЮЩИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Я обнаружил один удивительный факт: медицинский персонал не желает знать о психологической жизни своих пациентов и умело избегает любого упоминания, которое содержит хотя бы намек на информацию относительно психологического состояния пациента. Несмотря на очевидный недостаток опыта при рассмотрении психологических проблем, сами они чувствуют себя достаточно компетентными для того, чтобы оценивать психологическое состояние и потребности своих пациентов.

Часто они не допускают никаких обсуждений. С некоторой гордостью они объясняют, что у них нет времени на такие детские забавы. По их мнению, психиатр — это человек, который нужен, когда наблюдаются кое-какие нарушения в их палате, человек, который восстановит порядок, используя физическую силу или лекарства. Они не заинтересованы в сотрудничестве для осуществления контроля над пациентом, а больше заинтересованы в том, чтобы определить для себя отчетливую картину поступков.

Одним из примеров может послужить огромное расхождение в оценке палатными врачами и пациентами потребностей в психосоциальной помощи и профессионально-технической реабилитации в одном из реабилитационных учреждений в Хорватии. Редким явлением была чрезмерная опека со стороны врачей, которая была недолгой, потому что им требовалось много време-

ни и немало психологической энергии. Например, нанятый реабилитационным учреждением социальный работник игнорировал проблемы подавления эмоций. Это была женщина, которая попыталась настойчиво принудить параплегического пациента к любовной связи с нею. Больше всего ее беспокоило восстановление его потенции, и она открыто демонстрировала свою страсть перед безмолвствующим больничным персоналом. Ни комментарии пациента относительно несоответствия таких отношений положению, ни его реалистические комментарии не остановили социального работника. Ее вопросы к психиатру касались только методов преодоления защиты пациента. Она полагала, что ее попытки были достойным предложением большей помощи в сравнении с той, которую, как правило, предлагают.

МОТИВАЦИОННЫЕ ОШИБКИ ПОМОЩНИКОВ

Психотерапевты, занимающиеся с глубоко травмированными пациентами, должны иметь большое терпение и огромное сострадание. Другая проблема — нестерпимое бремя потребностей, размеры которых пугают. Потребность врача в отдыхе и нерешенный вопрос заработной платы могут истощить запас даже самого огромного патриотического энтузиазма и лучших намерений. Отсутствие понимания ситуации администраторами, которые принимают решения относительно организации работы врачей, усугубляет проблему. Например, во время войны в Хорватии заместитель министра прямо потребовал, чтобы стационарные пациенты имели возможность пользоваться услугами психиатра двадцать четыре часа в сутки, игнорируя тот факт, что ни у одного из реабилитационных учреждений не было в штате психиатра. Даже если бы они и были, вряд ли кто-либо из них был бы в состоянии работать как психотерапевтическая машина. При таком аподиктическом и некомпетентном отношении не учитывалась мера человеческих возможностей психиатра и полностью игнорировалась существующая система ухода за людьми с психологическими проблемами. В боевой обстановке проявление волюнтаризма и нежелание консультироваться с компетентным профессионалом все еще остаются скверной привычкой высоких государственных чиновников. Они дают команду: «Решите проблему!», при этом сами, скорее всего, никогда не решили ни одной проблемы.

Если работу психотерапевта с жертвами войны можно сравнить с работой с жертвами насилия, то совершенно очевидно, что врач должен набраться терпения и знать, что вознаграждения за успешную работу редки, а чаще всего она приносит неприятности. Сомнению подвергается образ врача, обладающего универсальными человеческими качествами, как человека с проявлениями примитивного архаичного гнева. Поэтому врач должен осторожно работать на собственный имидж. Известно немало случаев, когда психотерапевтическое вмешательство необходимо в тех местностях, где условия для осуществления такого вмешательства просто недоступны. Поэтому часто предполагается и даже требуется, чтобы врач начинал работу без предварительного налаживания отношений с пациентом. Сложности работы с жертвами военных действий и непонятность ситуации приводят к тому, что психотерапевты стремятся избежать такой работы. Они успокаивают свою совесть, рассуждая, что в действительности помощь не необходима, что помощники, таким образом, психиатризуют общество, и что помогать без безусловного на то разрешения пациента неэтично.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОДАВЛЯЮЩИХ ЭМОЦИЙ У ПСИХОТЕРАПЕВТА

Незначительная ошибка или неосмотрительность психотерапевта может стать причиной нарушения психотерапевтического процесса (Nesimovic и др., 1992). Я приведу личный пример: маленькая собака лаяла на неизвестных людей у реабилитационного центра. Бывший военнопленный, который провел больше шести месяцев в сербском лагере, где охрана имела обыкновение спускать собак на заключенных, очень встревожился. Психотерапевтическая сессия только началась. Поприветствовав пациента, я попытался его успокоить, объяснив, что собака очень маленькая и не может никому причинить никакого реального вреда. Пациент не появился на следующей сессии и, в конце концов, покинул курс психотерапии. Я пытался самооправдаться, думая: «Если бы он действительно нуждался в лечении, он бы пришел». Я знал, что пациент был очень подавлен, и мой комментарий был ошибкой, которая стала причиной его ухода.

Психотерапевтические сессии для ветеранов, в особенности для бывших военнопленных, требуют максимальной концентрации психотерапевта в течение всей сессии и очень осторожной оценки собственных ответов и комментариев. Велико искушение идентифицироваться с пациентом или группой пациентов. Если врач объявляет, что в процессе его работы с группой все ее члены всегда единодушно соглашались с ним или что вся группа полностью обеспечивала взаимоподдержку, можно почти с уверенностью сказать о развитии процессов идентификации.

ПОМОЩНИКИ ИЗ ДРУГИХ СТРАН

Если бы не помощь других стран, то влияние войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине на их население было бы более серьезным. Однако большая часть этой помощи была скорее игрой типа «я только пробую помочь Вам», описанной в книге Берна «Игры людей» (Berne, 1964), чем серьезной попыткой помочь жертвам войны. В этой игре помощник сознательно, цинично и самовлюбленно представляет собственные достижения как усилие, обеспечивающее помощь жертвам. Как еще можно объяснить пустые домашние аптечки или просроченные лекарства во многих благотворительных посылках, которые прибыли в Хорватию, Боснию и Герцеговину? Такую помощь можно расценивать как акт циничного презрения к страданию. Большинство неправительственных гуманитарных организаций свои офисы располагали в привлекательных местах на Адриатическом побережье и «раскручивали» свою активность в основном, весной и летом. Финансовая поддержка некоторых достигала соотношения 7:1 (транспортные издержки и жалованье визитеров: расходы на реальную помощь жертвам (включая зарплату местных работников). Доведенные до нищеты местные специалисты и неспециалисты были благодарны за работу, а малокомпетентные иностранцы, находясь у власти, принимали решения относительно приоритетов и программ, т.е. путей расходования фондов. Иностранцы помощники обычно имеют более низкий уровень образования и опыта, но в десятки раз более высокое жалованье в сравнении с местными специалистами. Возможно, самым неприятным случаем неправильного использования роли помощника является педофилия гомо-

сексуалиста в белом халате, пытающегося совратить детей в лагере для беженцев. Несомненно, люди, которые не могут говорить на языке жертв и не доверяют своим местным сотрудникам, люди, чье образование не вполне соответствует работе, которую они намереваются выполнять, и в особенности те, кто пытается удовлетворить свои эгоистичные интересы вместо оказания помощи жертвам, недостаточно компетентны, чтобы адекватно оценить размер потребностей, и не в состоянии определить их значительность.

Я не хочу оскорблять многих честных помощников, которые отдали свое время и огромную энергию этой бескорыстной работе. Мне бы хотелось просто засвидетельствовать многочисленные примеры злоупотребления служебным положением.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Вышестоящие должностные лица в области здравоохранения — обычно биологи и медики — некомпетентны в области психосоциологических вопросов. Поэтому они думают, что таких проблем просто нет. Они не могут даже представить реальные масштабы потребностей в психосоциологической помощи, а следовательно, и принять адекватные решения. Иногда достаточно иметь добрую волю, здравый смысл или приверженность и симпатию к жертвам, чтобы восстановить порядок и решить проблему. В том случае, если подобная попытка терпит неудачу и события принимают катастрофические размеры, необходимо учреждать советы, правления или другие «органы» в надежде, что они найдут какое-то решение накопившихся проблем либо, по крайней мере, заверят народ, что определенные шаги уже предпринимаются. Финансовый аспект таких решений обычно никогда не подсчитывается. Наиболее важная задача для большинства государственных чиновников состоит в том, чтобы успокоить общественное мнение. Однако возникает чувство вины из-за их отказа или неспособности обеспечить достаточную помощь в существующих условиях, из-за их собственной безмятежной жизни среди горя. Возникает также чувство гнева, потому что жертвы вызывают чувство вины у своих более удачливых соседей. Эти чувства включают механизмы защиты — подавление, опровержение или проекцию — в борьбе за спокойствие и успокоенность сознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несоответствие между потребностью в психосоциальной помощи и возможностями ее удовлетворения ломает защитную иллюзию самовлюбленного всечия так называемого нормального человека. Это несоответствие ведет его/ее к защитному опровержению или подавлению осмысления реальных масштабов проблемы. Несмотря на то, что невозможно надлежащим образом реализовать большинство потребностей тех, кто нуждается в психосоциальной помощи, в нашем распоряжении, тем не менее, еще есть много средств, позволяющих реалистически оценить эти потребности, имеющиеся ресурсы и установить приоритеты уже намеченной психосоциальной помощи. Прежде всего, необходимо избежать эгоистичной мотивации помощников в таком щекотливом с этической точки зрения вопросе.

ЛИТЕРАТУРА

- Bellak, L. (1974). Contemporary character as crisis adaptation. *American Journal of Psychotherapy*, 28:46–58.
- Berne, E. (1964). *Games people play; the psychology of human relationships*. New York: Grove Press.
- Caldarovic, O. (1993). *Grad i uhijanje grada*. Third Programme of the Croatian Radio; 38:15–20.
- Dacic, S. (1993). *Kuca i ubijanje kuce*. Third Programme of the Croatian Radio; 38:5-12.
- Gabriel, R.A. (1987). *No more heroes, madness and psychiatry in war*. New York: Hill and Wang.
- Hecimovic, V. (1981). *Slijepa ulice medicine*. *Nase teme*; 25:535–545
- Hecimovic, V., Supek-Ilic, D., Kulovic, S. (1992). Ranjenik. In Klain, E. (ed.) *Ratna psihologija i psihijatrija*. Zagreb: University of Zagreb, (pp. 122–129).
- Hecimovic, V., Supek-Ilic, D., Kulovic, S. (1992). The Wounded Soldier. In Klain, E. (ed.) *Psychology and Psychiatry of a War*. (pp. 118–137) Zagreb: University of Zagreb.
- Peic, D. (1993). *Ubijanje kulturnih spomenika* Third Programme of the Croatian Radio; 38:21-24.
- Schiffler-Premac, L.J. (1993). *Stable i ubijanje stabla* Third Programme of the Croatian Radio; 38:12–13. ■

Хосе Квируга*, Роджер Гурр**

Культуральные аспекты психотерапии переживших пытки

Из информационного бюллетня E-Research Newsletter (emailnewsletter@yahoo.com).
A FREE E-MAIL NEWSLETTER – CREATING A COMMUNITY BETWEEN CROSS-CULTURAL
PRACTITIONERS AND RESEARCHERS, Volume 8, Number 1, March, 2000 (ISSN 1527-2591).
Special Issue (Part 1 of 2 editions): Torture Survivors

Эта статья – выдержка из сообщения «Подходы к реабилитации после пыток: научное исследование последствий, эффективности затрат, участия и выносливости». Она подготовлена докторами медицины Х.Квиругой и Р.Гурром в 1998 г. для DANIDA (Министерство иностранных дел Дании) как часть консультативной помощи по вопросам прав человека.

Главной проблемой реабилитации (кроме того, что мы имеем дело с положительными признаками посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), которые во всех культурах, похоже, аналогичны, и к ним могут быть применены управле-

* Доктор Хосе Квируга (Jose Quiroga) – соучредитель и медицинский директор программы для жертв применения пыток (Лос-Анджелес, Калифорния). Его электронный адрес в Интернете: jquirogamd@aol.com.

** Доктор Роджер Гурр (Roger Gurr) – председатель службы в Сиднее (Австралия), занимающейся лечением и реабилитацией оставшихся в живых после пыток и травм (STARTTS).

мые воздействия), является восстановление смысла жизни, а также социальных связей и статуса человека, пережившего пытку.

Существуют основные различия между культурами в отношении их концепций процесса пытки и ее последствий, которые, по всей вероятности, влияют на вид необходимой терапии. Английское слово *torture* «пытка» происходит от латинского корня «*torto*» и означает «причинять боль», «истязать». В кхмерском языке соответствующее слово включает в себя корни, принадлежащие санскриту и пали, и не только означает «дикость», «жестокость», но и охватывает буддистское понятие кармы. Кампучийцы, жертвы пыток, убеждены, что страдают из-за своей кармы, а потому склонны безропотно принимать любые муки (Mollica, 1988). Так, в отличие от перенесших пытки чилийцев, они не политизируют перенесенные ими пытки и последующее их влияние на дальнейшую жизнь.

У представителей некоторых культур (например, афганских мужчин) считается недостойным выражать эмоции, плакаться или признаваться в том, что подверглись сексуальному насилию или пыткам. Чтобы восстановить по крупицам, что именно произошло, должны установиться исключительно доверительные отношения (Mollica, 1988), а это требует много времени. Так, в группах беженцев наиболее значимые обрывки информации время от времени обнаруживались во время неофициального контакта. Таким образом, подталкивание перенесших пытки и оставшихся в живых к тому, чтобы они рассказали предысторию своих пыток, может оказаться контрпродуктивным, а больше пользы могут принести так называемые сочувственные методы.

В некоторых обществах вообще не прибегают к психологической терапии, а используют врачевание или религиозные обряды. Бывает и так, что полностью полагаются на врача, считая, что он установит причину недуга и выберет лечение без активного участия пострадавшего. В культурах, где социальные связи ценятся больше, чем индивидуализм, воздействие групповой терапии может быть более полезным. Так, в некоторых общинах беженцев оказались полезными символические действия, например такие, которые помогали оплакать потерянных членов семьи, когда проведение надлежащих похорон и траурной церемонии невозможно.

Эти проблемы указывают на необходимость использования для каждой культуры различных подходов при разработке ме-

тодов воздействия. Таким образом, как в развитых, так и развивающихся странах должны быть предусмотрены различные формы оказания помощи.

Западная психология более субъективна в выборе ориентации, где могущество индивидуума является наиболее важным фактором, объясняющим психологические ощущения. Личность рассматривается как биопсихическая единица. Большая часть остального мира имеет социоцентричную идеологию, которая помещает личностные ощущения в сеть социальных отношений, являющихся источником чувства собственного достоинства, самореализации и самообладания. Западные методы терапии индивидуалистические и редко подчеркивают социальный и культурный контекст (Elsass, 1997).

В этих обществах болезни, напряженность и конфликты удалось побороть через существующие «встроенные» культурные процессы. Меры воздействия, которые не учитывают этих факторов, могли оказаться вредными (Chakraborty, 1991). Показателен в этом плане опыт Medical Foundation of London, представители которого были приглашены правительством Уганды с целью основать Центр оставшихся в живых после военной травмы и пыток в столице этой страны. Число оставшихся в живых, которых предполагалось охватить программой, было велико, независимо от широкого или узкого значения понятия «оставшиеся в живых». Несмотря на широкую распространенность психологического травмирования и соответствующей симптоматики среди населения, значительного увеличения частоты психических расстройств не наблюдалось: сплоченность и солидарность выступили как защитные факторы. Было очень важно не подорвать местную систему индивидуального и общественного реагирования, что могло бы произойти, если бы Центр был организован по европейскому образцу. Вот почему вместо Центра было решено поддержать местные усилия и создать специальные программы для тех, кто не получает необходимой социальной поддержки, например беженцы, дети, подвергшиеся насилию, женщины, пережившие изнасилование, и бывшие солдаты (Bracken и др. 1992).

Психологи, которые работают с жертвами применения пыток в странах, где пытки — реальия повседневной жизни, полагают, что посттравматическое стрессовое расстройство — слишком узкая диагностическая категория, не охватывающая весь объем по-

нятия «травма, причиненная пыткой». В случае пытки мы имеем дело с физической и психологической травмой, намеренно причиненной человеку человеком исходя из политических мотивов и в целях разрушения личности жертвы и устранения целых групп и слоев общества. Определение «посттравматическое расстройство» как бы подразумевает, что пытка была единственной изолированной травмой. Однако большинство уцелевших после пыток имеют опыт предыдущих совокупных травм, последствия которых проявляются после этого эпизода. Это касается даже тех, кто эмигрировал в страны с другими культурами, языками, без семьи и местной социальной поддержки (Reeler, 1994; Becker, 1995).

Посттравматическое стрессовое расстройство — подкатегория тревожных расстройств, которые классифицируются как психические заболевания в соответствии с DSM. Большинство психологов не рассматривают оставшихся в живых после применения пыток как действительно психиатрических пациентов, так как у них наблюдается нормальная реакция на патологический стрессор. Определение признаков последствий перенесенных пыток как психического заболевания рассматривается как медиализация социополитической проблемы (Becker, 1995; Lira, 1998).

ЛИТЕРАТУРА

- Becker, D. (1995). The Deficiency of the Concept of Post Traumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations. In Kleber, R.J., Figley, C.R. & Gerson, B. (eds.). *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics*. London Plenum Press.
- Bracken, P.J., Giller, J.E. & Kabaganda, S. (1992). Helping Victims of Violence in Uganda. *Medicine and War*, 8, 155–163.
- Elsass, P. (1997). *Treating Victims of Torture and Violence: Theoretical, Cross-Cultural and Clinical Implications*. New York: New York University Press.
- Lira, E. (1998). Commentary. In Managing the Care of Patients with Chronic Illness and Human Rights Survivors. *Journal Ambulatory Care Management*, 21(2): 51–55.
- Mollica, R.F. (1988). The Trauma History: The Psychiatric Care of Refugee Survivors of Violence and Torture. In F. M. Ochberg (ed.). *Post Traumatic Therapy in Victims of Violence*. Brunner/Mazel: New York.
- Reeler, A. P. (1994). Is Torture a Post Traumatic Stress Disorder. *Torture*, 4: 59–63. ■

Организация Объединенных Наций и борьба против пыток

По материалам информационной подборки для прессы – КАЛЕНДАРЬ ООН:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПОДДЕРЖКИ ЖЕРТВ ПЫТОК. IRCT, Дания, 1999

Если каждое государство как член мирового сообщества в первую очередь несет моральную и юридическую ответственность за предотвращение и пресечение пыток, то мировое сообщество в целом играет исключительно важную роль в установлении международных правовых норм, запрещающих применение пыток, а также в соблюдении этих норм. В рамках мирового сообщества главным действующим лицом в борьбе против пыток и безнаказанности палачей до сих пор выступает Организация Объединенных Наций.

КОНВЕНЦИЯ ПРОТИВ ПЫТОК

Организация Объединенных Наций давно проводит кампанию, направленную на искоренение пыток. С самого начала своего основания ООН в декабре 1948 г. приняла Всеобщую декларацию прав человека, где четко указывалось, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию». С тех пор ООН никогда не прекращала поиск путей и средств предотвращения пыток и последовательно осуждала их приме-

нение, что нашло отражение в ряде документов: в рекомендациях, касающихся правил поведения сотрудников правоохранительных органов, в резолюциях Генеральной Ассамблеи (среди которых следует особо выделить принятую в декабре 1975 г. Декларацию о защите всех лиц от пыток), а также в основных соглашениях по правам человека (например, в Международном пакте о гражданских и политических правах).

Однако наиболее важным инструментом Организации Объединенных Наций в борьбе против пыток является Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (именуемая далее Конвенцией против пыток), принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1984 г. На сегодняшний день эту Конвенцию ратифицировало 114 государств.

Конвенция против пыток, помимо всего прочего, обязывает каждое государство-участника принимать эффективные меры для предупреждения пыток на любой территории, находящейся под его юрисдикцией; указывает, что никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, не могут служить оправданием пыток; обязывает каждое государство-участника наказывать лиц, виновных в применении пыток на его территории, в соответствии с его уголовным законодательством; требует, чтобы все государства-участники оказывали друг другу помощь в привлечении палачей к уголовной ответственности, где бы те ни находились.

Конвенция против пыток предусматривает создание Комитета против пыток (САТ), именуемого далее Комитетом, и уполномочивает его, с согласия государств-участников, рассматривать конкретные сообщения и жалобы, поступающие от государств-участников или отдельных лиц, а также расследовать по собственной инициативе заявления о систематическом применении пыток.

Однако комитет не правомочен привлекать к судебной ответственности нарушителей Конвенции против пыток.

Из 114 государств, присоединившихся на сегодняшний день к Конвенции против пыток, 110 согласились предоставить Комитету право проводить расследования по собственной инициативе, 43 — рассматривать жалобы, поступающие от других государств-участников, и 41 государство согласилось предоставить Комитету право рассматривать жалобы отдельных лиц. Кроме

того, раз в четыре года каждое государство-участник должно представлять Комитету доклад о принятых им мерах по выполнению обязательств, налагаемых на него Конвенцией против пыток. В случае, если Комитет особо озабочен состоянием дел на территории какого-либо государства-участника, он может запросить внеочередной доклад.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАДЧИК ПО ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ПЫТОК

С 1986 г. Организация Объединенных Наций учредила должность Специального докладчика по вопросу о применении пыток, на которую назначается тот или иной признанный эксперт в области прав человека. Специальный докладчик наделен широкими полномочиями и правомочен расследовать случаи применения пыток в любом регионе мира. Он рассматривает полученные им жалобы, совершает поездки в ту или иную страну по приглашению правительства этой страны или же по собственной инициативе и направляет результаты расследования и свои рекомендации в Комиссию ООН по правам человека. Специальный докладчик не правомочен преследовать нарушителей Конвенции в судебном порядке, однако к его отчетам и рекомендациям прислушивается вся международная общественность. В настоящее время должность Специального докладчика ООН по вопросу о применении пыток занимает сэр Найджел Родли, профессор-правовед университета в Уэссексе (Великобритания).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

Трудно переоценить роль Организации Объединенных Наций в деле защиты прав человека, традиционно основанной на политическом диалоге, дипломатических переговорах и доводах нравственного порядка. Между тем мировое сообщество, судя по всему, приближается к новой важной фазе в своей борьбе, направленной на предупреждение серьезных нарушений прав человека, в том числе применения пыток. Вдохновленное опытом работы созданных ad hoc Международных уголовных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии, мировое сообщество во главе с Организацией Объединенных Наций не так давно

завершило подготовку документов относительно учреждения постоянно действующего Международного уголовного суда, которому предстоит тесное сотрудничество с ООН. Этот суд будет привлекать к судебной ответственности лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности, включая применение пыток. Суд приступит к своим обязанностям лишь через несколько лет, зато он будет вправе привлекать к уголовной ответственности за совершение жестоких широкомасштабных преступлений даже лиц, стоящих во главе государств.

В минувшем столетии человечество стало свидетелем величайших в истории кровопролитий и вместе с тем наиболее успешных попыток обуздать человеческую жестокость. Со дня своего основания более 50 лет назад Организация Объединенных Наций проводила последовательную, принципиальную политику, отражавшую наилучшие устремления международной общечеловечности. Международный совет по реабилитации жертв пыток (IRCT) намерен и впредь продолжать сотрудничество с ООН и странами мирового сообщества в надежде приблизить тот день, когда пытки станут далеким, хотя и мучительным воспоминанием. До тех же пор пока они будут представлять собой угрозу для человечества, ни ООН, ни страны — члены мирового сообщества не успокоятся на достигнутом.

12 декабря 1997 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 52/149: «Принимая во внимание тотальное распространение пыток, Генеральная Ассамблея объявляет **26 июня Международным днем поддержки жертв пыток** и эффективно действия Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая введена в действие 26 июня 1987 г.».

В 1998 г. Международный совет по реабилитации жертв пыток инициировал международную кампанию, в которой призвал реабилитационные центры и другие организации, которые работают с жертвами пыток, провести мероприятия в Международный день поддержки жертв пыток — выживших и погибших, а также их близких. Каждый год 26 июня IRCT координирует глобальную кампанию.

Целью кампании 26 июня является усиление международной осведомленности о необходимости и поддержке:

- реабилитационных потребностей жертв пыток;

- всеобщей ратификации и исполнения Конвенции ООН против пыток;
- искоренения практики пыток.

Поддержка, оказываемая IRCT:

- инициирование ежегодной кампании;
- бесплатные материалы для проведения кампании (подборка материалов для прессы, плакаты, футболки, значки, флажки, и т.д.);
- выпуск газеты с сообщениями о мероприятиях, проводимых во всем мире в ознаменование дня 26 июня,
- размещение информации и обновление данных на веб-сайте IRCT (<http://www.irct.org>).

Тема 26 июня 1999 г. — *«Безнаказанность палачей»* — была выбрана в знак уважения и сострадания к жертвам пыток и их семьям.

В фокусе 26 июня 2000 г. была тема *«Возмещение»*.

Тема кампании 26 июня 2001 года — *«Вместе против пыток»*. Эта тема отражает мультидисциплинарный подход и общую ответственность, необходимую в работе, направленной против применения пыток. ■

Декларация о принципах терпимости *

Государства — члены Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, собравшиеся в Париже на 28-ю сессию Генеральной конференции 25 октября — 16 ноября 1995 г.,

Преамбула

памятуя о том, что Устав Организации Объединенных Наций гласит: «Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности... и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи»,

напоминая, что в Преамбуле Устава ЮНЕСКО, принятого 16 ноября 1945 г., подчеркивается, что «мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества»,

напоминая также, что во Всеобщей декларации прав человека провозглашается, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии» (статья 18), «на свободу убеждений и на свободное выражение их» (статья 19) и что образование «должно содействовать взаимопониманию,

* Провозглашена и подписана 16 ноября 1995 г.

терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами» (статья 26),

принимая во внимание соответствующие международные акты, в том числе:

- Международный пакт о гражданских и политических правах,
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах,
- Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации,
- Конвенцию о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него,
- Конвенцию о правах ребенка,
- Конвенцию 1951 г. о статусе беженцев и Протокол 1967 г., касающийся статуса беженцев, а также региональные правовые акты в этой области,
- Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин,
- Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,
- Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений,
- Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам,
- Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма,
- Венскую декларацию и Программу действий Всемирной конференции по правам человека,
- Декларацию и Программу действий, принятые на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития, состоявшейся в Копенгагене,
- Декларацию ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках,
- Конвенцию и Рекомендацию ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования,

памятуя о целях третьего Десятилетия действий по борьбе против расизма и расовой дискриминации, Десятилетия обра-

зования в области прав человека Организации Объединенных Наций и Международного десятилетия коренных народов мира,

учитывая рекомендации региональных конференций, проведенных в соответствии с резолюцией 27 С/5.14 Генеральной конференции ЮНЕСКО в рамках Года Организации Объединенных Наций, посвященного терпимости, а также выводы и рекомендации других конференций и совещаний, организованных государствами-членами по программе Года Организации Объединенных Наций, посвященного терпимости,

испытывая чувство тревоги в связи с участвовавшими в последнее время актами нетерпимости, насилия, терроризма, ксенофобии, агрессивного национализма, расизма, антисемитизма, отчуждения, маргинализации и дискриминации по отношению к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, беженцам, рабочим-мигрантам, иммигрантам и социально наименее защищенным группам, а также с актами насилия и запугивания в отношении отдельных лиц, осуществляющих свое право на свободу мнений и выражение убеждений, представляющими угрозу делу укрепления мира и демократии на национальном и международном уровнях,

обращая особое внимание на обязанность государств-членов развивать и обеспечивать уважение прав человека и основных свобод для всех, без различия по признаку расы, пола, языка, национальной принадлежности, религии или состояния здоровья, и бороться с проявлениями нетерпимости,

**принимают и торжественно провозглашают
настоящую Декларацию принципов терпимости.**

Преисполненные решимости сделать все необходимое для утверждения идеалов терпимости в обществе, поскольку терпимость является не только важнейшим принципом, но и необходимым условием мира и социально-экономического развития всех народов,

мы заявляем следующее:

Статья 1. Понятие терпимости

- 1.1. Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость — это единство в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость — это то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира.
- 1.2. Терпимость — это не уступка, не снисхождение или потворство. Терпимость — это прежде всего активное отношение, формирующееся на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах терпимость не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности. Терпимость должны проявлять отдельные лица, группы и государства.
- 1.3. Терпимость — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного), демократии и торжеству права. Терпимость — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международно-правовых актах в области прав человека.
- 1.4. Проявление терпимости, которое созвучно уважению прав человека, не означает терпимого отношения к социальной несправедливости, отказа от своих или уступки чужим убеждениям. Оно означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими. Оно означает признание того, что люди по своей природе различаются по внешнему виду, положению, речи, поведению и ценностям и обладают правом жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Это также означает, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим.

Статья 2. Государственный уровень

- 2.1. На государственном уровне терпимость требует справедливого и беспристрастного законодательства, соблюдения правопорядка и судебно-процессуальных и административных норм. Терпимость также требует предоставления каждому человеку возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации. Отчуждение и маргинализация могут стать причиной пассивности, враждебности и фанатизма.
- 2.2. Для того чтобы сделать общество более терпимым, государствам следует ратифицировать существующие международные конвенции о правах человека и, если это необходимо, разработать новое законодательство с целью обеспечения в обществе равноправного подхода и равенства возможностей для всех групп и отдельных людей.
- 2.3. В интересах международного согласия существенно важно, чтобы отдельные люди, общины и нации осознавали и уважали многокультурный характер человеческого сообщества. Мир невозможен без терпимости, развитие и демократия невозможны без мира.
- 2.4. Нетерпимость может принимать форму маргинализации социально наименее защищенных групп, их исключения из общественной и политической жизни, насилия и дискриминации по отношению к ним. Как гласит Декларация о расе и расовых предрассудках, «люди и группы людей имеют право отличаться друг от друга» (статья 1.2).

Статья 3. Социальные аспекты

- 3.1. Терпимость особенно важна в современном мире. Мы живем в век глобализации экономики и все большей мобильности, быстрого развития коммуникации, интеграции и взаимозависимости, в век крупномасштабных миграций и перемещений населения, урбанизации и преобразования социальных структур. Каждый регион многолик, и поэтому эскалация нетерпимости и конфликтов потенциально угрожает всему миру. От такой угрозы нельзя отгородиться национальными границами, ибо она носит глобальный характер.

- 3.2. Терпимость необходима в отношениях между отдельными людьми, в семье и общине. В школах и университетах, путем неформального образования, дома и на работе необходимо укреплять дух терпимости и формировать отношения открытости, внимания друг к другу и солидарности. Средства коммуникации способны играть конструктивную роль, содействуя свободному и открытому диалогу и обсуждению, распространяя ценности терпимости и разъясняя опасность безразличия к поднимающим голову группам и идеологиям, проповедующим нетерпимость.
- 3.3. В Декларации ЮНЕСКО о расе и расовых предрассудках провозглашается, что особые меры должны приниматься в целях обеспечения равенства в достоинстве и правах отдельных лиц и групп людей везде, где это необходимо. В этой связи особое внимание следует уделять социально наименее защищенным группам, находящимся в неблагоприятных социальных или экономических условиях, с тем чтобы предоставить им правовую и социальную защиту в отношении жилья, занятости и охраны здоровья, обеспечить уважение самобытности их культуры и ценностей и содействовать, в особенности посредством образования, их социальному и профессиональному росту и интеграции.
- 3.4. В интересах решения этой глобальной задачи необходимо проведение соответствующих научных исследований и создание информационных сетей с целью координации деятельности международного сообщества, включая анализ исходных причин этого явления силами социальных наук, принятие эффективных контрмер, а также осуществление научных исследований и мониторинга, способствующих выработке политических решений и нормативной деятельности государств-членов.

Статья 4. Воспитание

- 4.1. Воспитание является наиболее эффективным средством предупреждения нетерпимости, воспитание в духе терпимости начинается с обучения людей тому, в чем заключаются их общие права и свободы, дабы обеспечить осуществление этих прав и укрепить стремление к защите прав других.

- 4.2. Воспитание в духе терпимости следует рассматривать в качестве неотложной важнейшей задачи; в этой связи необходимо содействовать разработке методики воспитания терпимости на систематической и рациональной основе, вскрывая культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, выступающие в качестве главных причин насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями.
- 4.3. Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.
- 4.4. Мы заявляем о своей готовности поддерживать и претворять в жизнь программы научных исследований в области социальных наук и воспитания в духе терпимости, прав человека и ненасилия. Это означает необходимость уделять особое внимание вопросам повышения уровня педагогической подготовки, учебных планов, содержания учебников и занятий, совершенствования других учебных материалов, включая новые образовательные технологии, с целью воспитания чутких и ответственных граждан, открытых навстречу другим культурам, способных ценить свободу, уважать человеческое достоинство и индивидуальность, предупреждать конфликты или разрешать их ненасильственными средствами.

Статья 5. Готовность к действию

Мы обязуемся содействовать распространению терпимости и ненасилия, используя для этого программы и учреждения в области образования, науки, культуры и коммуникации.

Статья 6. Международный день, посвященный терпимости

В целях мобилизации общественности, привлечения внимания к опасности, кроющейся в нетерпимости, и оказания всяческой поддержки распространению терпимости и воспитанию в ее духе мы торжественно провозглашаем 16 ноября ежегодно отмечаемым Международным днем, посвященным терпимости.

Претворение в жизнь Декларации принципов терпимости

Генеральная конференция,

принимая во внимание, что ЮНЕСКО в соответствии с обязанностями, которые возлагаются на нее Уставом в области образования, науки (как естественных, так и социальных наук), культуры и коммуникации, должна привлекать внимание государств и народов к вопросам, касающимся всех аспектов такой важной проблематики, как терпимость и нетерпимость,

напоминая о Декларации принципов терпимости, провозглашенной ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г.,

1) настоятельно призывает государства-члены:

- (а) ежегодно отмечать 16 ноября как Международный день, посвященный терпимости, путем организации специальных мероприятий и программ с целью распространения в каждом регионе среди граждан идеи терпимости совместными усилиями учебных заведений, межправительственных и неправительственных организаций и средств информации;
- (б) направлять Генеральному директору любую информацию, которой они хотели бы обмениваться, включая результаты научных исследований и итоги обсуждения общественностью вопросов терпимости и культурного плюрализма с целью более глубокого понимания явлений, связанных с нетерпимостью и идеологиями, восхваляющими нетерпимость, такими как расизм, фашизм и антисемитизм, а также принятия наиболее эффективных мер для решения этих проблем;

2) предлагает Генеральному директору:

- (а) обеспечить, по возможности, самое широкое распространение текста Декларации принципов и с этой целью опубликовать

ликовать этот текст и обеспечить его распространение не только на официальных языках Генеральной конференции, но, по возможности, на многих других языках;

(b) создать в рамках системы Организации Объединенных Наций и совместно с другими организациями-партнерами соответствующий механизм для координации и оценки деятельности, проводимой в целях укрепления идеалов терпимости и воспитания в духе терпимости;

(c) довести до сведения Генерального секретаря Организации Объединенных Наций Декларацию принципов и обратиться к нему с просьбой представить ее соответствующим образом 51-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в соответствии с резолюцией 49/213 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. ■

Оле Ведель Расмусен *, Бент Сёренсен **

Комитет Совета Европы по предупреждению пыток (СРТ), 1989–1999

TORTURE, Volume 9, Number 4, 1999

Работа над Европейской Конвенцией о предотвращении пыток и жестокого или унижающего достоинство обращения или наказания началась в июне 1984 г. Конвенция была подготовлена для одобрения к 26 ноября 1987 г.

Она вступила в силу, когда семь из тогдашних 23 государств — членов Совета Европы ратифицировали ее в феврале 1989 г. Комитет впервые собрался 13 ноября 1989 г. К этому времени уже 15 стран ратифицировали ее. Летом 1999 г. 41 государство с общим количеством 850 млн жителей имело членство в Совете Европы.

Таким образом, что касается ратификации, то успех СРТ абсолютный. В настоящий момент прилагаются усилия к тому, чтобы расширить сферу его действия.

Согласно приложению, 1 государства, которые не присоединились к Конвенции, по приглашению Совета министров могут стать действительными членами СРТ. Все 40 государств, которые

* Ole Vedel Rasmussen — член СРТ, консультант ИРСТ.

** Bent Sorensen — бывший Первый вице-президент СРТ, член Комитета ООН против пыток (САТ), кооптированный в ИРСТ.

ратифицировали Конвенцию, должны принять приложение 1, прежде чем данная Конвенция вступит в силу, но этого еще не сделали Андорра, Хорватия и Украина.

Идеи Конвенции инициированы Комитетом, как заявлено в статье 1, которая завершается описанием работы: «Комитет во время посещений должен изучить вопрос обращения с людьми, лишенными свободы, с тем чтобы усилить, если необходимо, их защиту против применения пыток и жестокого или унижающего обращения или наказания».

Мандат Комитета примечателен, вероятно, тем, что является одним из наиболее могущественных в международном контексте. Подробно мандат описан в статье 8, а содержание в основном сводится к тому, что члены Комитета:

- должны иметь «неограниченный доступ к любому месту, где находятся люди, лишенные свободы, включая право передвигаться внутри таких мест без ограничения»;
- могут брать интервью у лиц, лишенных свободы;
- могут обследовать все здания и сооружения, а не только камеры;
- могут проверять все документы, а не только заявления задержанных лиц;
- могут периодически посещать различные страны, заранее не уведомляя их об этом.

Важно подчеркнуть, что принципы работы предусматриваются статьей 3: «В приложении к данной Конвенции говорится, что Комитет и компетентные национальные органы проверяемой стороны должны сотрудничать друг с другом». Поэтому ключевое слово — «Сотрудничество» (первая буква — С).

В комитет входит по одному члену от каждой страны, отбранному Советом министров из трех претендентов, предложенных отдельными странами. Члены Комитета заседают в Совете четыре года, и могут быть переизбраны один раз. Комитет также решил, что его должны возглавлять три человека, т.е. Бюро, состоящее из Президента, Первого вице-президента и Второго вице-президента. Таким образом, будут отражены различные необходимые области компетентности.

К членам комитета предъявляются высокие требования относительно их характеристик (статья 4). Они должны:

- обладать «высокими моральными качествами»;
- быть «известными своей компетентностью относительно прав человека в военный обстановке или иметь профессиональный опыт в областях, включенных в данное Соглашение»;
- «исполнять свой служебный долг в соответствии со своей компетенцией»;
- «быть независимыми»;
- «быть беспристрастными»;
- «быть доступными для эффективного обслуживания нужд Комитета».

Очевидно, такие люди встречаются не каждый день. Тем не менее Комитет состоит из очень высококвалифицированных лиц. Так, в течение первых четырех решающих лет в Бюро входили три университетских профессора, всемирно признанные эксперты в различных областях знаний:

- *Президент — Антонио Кассес*, профессор в области прав человека и международного права Европейского Университета во Флоренции (позже — Председатель Международного Суда по военным преступлениям в Гааге);
- *Первый вице-президент — Бент Сёренсен*, профессор в области хирургии и эксперт по вопросам пыток;
- *Второй вице-президент — Жак Бернхайм*, профессор в области психиатрической судебной медицины, глава медицинского отделения тюрьмы в Женеве.

Вместе с секретариатом, и в частности с его главой Тревором Стивенсом (Великобритания), первое Бюро планировало работу, разрабатывало процессуальные нормы, организовывало обучение членов Комитета и сформулировало руководящие принципы и стандарты посещений и отчетов.

СРТ занимается исключительно проблемой *предотвращения*. Таким образом, он не может рассматривать отдельные случаи и не может подавать предложения. Его работа — часть работы Совета Европы, и он добавляет юридические инициативы, в особенности те, которые находятся в компетенции Суда. Короче говоря, Суд имеет дело ретроспективно с установленными случаями нарушениями прав человека, в то время как СРТ предположительно идентифицирует ситуацию или условия, которые

могут привести к злоупотреблению, и таким образом работает в направлении изменения будущих инструкций.

Практически его работа делится на две категории: периодические посещения и «другие посещения, которые необходимы в сложившейся ситуации» (статья 7).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ПОСЕЩЕНИЯ

Процедура первого уведомления. В определенный момент в течение года Комитет решает, какие страны необходимо периодически посещать в следующем календарном году. Эти страны уведомляются, а их список публикуется приблизительно через месяц. В этом случае различные неправительственные организации будут знать, из какой страны СРТ хочет получить информацию в будущем году.

За две недели до запланированного посещения руководство страны получает *второе уведомление*, с указанием даты прибытия делегации, возможной продолжительности посещения и состава делегации (все названы поименно):

- приблизительно пять членов СРТ;
- три-четыре эксперта;
- несколько переводчиков, в зависимости от страны, которая будет посещена;
- один-три секретаря.

Власти страны могут возражать против включения в делегацию экспертов и переводчиков, но не против посещения членами или секретарями СРТ. Практически протесты больше не поступают.

Третье уведомление посылается заранее, за 3–4 дня до предполагаемой даты прибытия. Указываются тюрьмы, отделения полиции, психиатрические больницы, приюты и т.д., которые делегация хочет посетить, и отмечается, что она вправе посетить любое учреждение по желанию и вынести решение относительно посещения после прибытия. Кроме того, необходимо, чтобы при встрече с администрацией в первый день посещения информация относительно вышеупомянутых мест была доступна.

ПОСЕЩЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ОСОБЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ

СРТ выработал практику, в соответствии с которой такие посещения являются частично *ad hoc*, частично продолжением; продолжительными или непродолжительными, нередко с четко установленной повесткой дня. Посещения *ad hoc* обычно вызваны острой ситуацией после сообщения о том, что могли иметь место серьезные нарушения Соглашения, например массовые аресты так называемых террористов. Соглашения о последующих посещениях обычно достигаются после диалога со страной, которая отказалась следовать рекомендациям Комитета относительно определенной тюрьмы или отделения полиции, которые СРТ в таком случае посетит повторно.

ПОСЕЩЕНИЕ

Посещения различных стран — краеугольный камень работы СРТ. Срок периодических посещений больших стран часто составляет две недели, меньших стран — десять дней, а очень маленьких, например Сан-Марино или Андорра, — один-два дня. Как основу для работы делегация вначале стремится получить всесторонний краткий обзор уголовного кодекса страны, уголовного законодательства и установленных законом инструментов.

Затем обычно следуют посещения отобранных тюрем, отделений полиции и других специализированных учреждений типа психиатрических отделений, лагерей для беженцев, пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних и т.д.

Впоследствии тюрьмы будут использоваться как модель. Такова неизменная политика СРТ, необходимая для проведения детальной и полной экспертизы отобранных тюрем, поскольку целесообразнее исследовать одну или несколько тюрем полностью, чем обследовать много, но поверхностно. Посещение большой тюрьмы может продолжаться до четырех дней.

Во время посещения делегация делится на подгруппы. Они осматривают все помещения, исследуют процедуры (прием и выпуск заключенных, меры наказания, возможности подачи жалоб и т.д.) и берут *интервью* у всех людей (от заключенных до директора тюрьмы). В состав делегации всегда входит врач,

который изучает методы лечения задержанных и другие условия содержания в тюрьме, имеющие отношение к здоровью.

После посещения делегация должна получить полную картину того, насколько неукоснительно соблюдаются условия содержания в тюрьме, действующие законы и инструкции, а также краткий обзор ситуаций или условий, которые могли бы стать причиной плохого обращения или даже пыток.

Другое важное учреждение — полиция. В странах, которые практикуют пытки, полиция, как правило, ответственна за них, и тюремные условия здесь могут быть жестокими или унижительными. Поэтому посещение полицейских отделений — очень важная часть работы СРТ, направленная против применения пыток. Как отмечалось, некоторые отделения полиции, возможно, получают информацию о предстоящем посещении СРТ, но чаще всего их не оповещают. Поэтому почти всегда посещения бывают неожиданностью, потому что СРТ предпочитает осуществлять проверки от случая к случаю, в особенности, когда отделение находится в цейтноте, с большим количеством задержанных лиц, обычно в пятницу или субботу после полуночи. Часто начальнику местной полиции нелегко понять тот факт, что члены СРТ могут беспрепятственно входить в любые камеры и требовать конфиденциального разговора с задержанными. Однако СРТ никогда не сдавался и всегда посещал учреждения, которые планировал. Иногда на это уходило несколько часов; например, однажды в субботу ночью пришлось связаться с министерским секретарем, чтобы он объяснил это специфическое право СРТ. Все члены делегации СРТ имеют всегда аккредитацию, подписанную, например, министром юстиции, в которой на местном языке перечислены права делегации.

Прежде чем делегация покинет страну, всегда организуется встреча с местными властями. Глава делегации организует брифинг для ознакомления с результатами посещения, которые позже будут занесены в отчет. На этом брифинге, однако, можно сообщить и о «непосредственных наблюдениях» (статья 8.5). Это обычно касается условий, которые требуют немедленного вмешательства властей, т.е. условий, недопустимых с точки зрения делегации, а поэтому требующих немедленного изменения. Опыт показывает, что власти всегда относятся к этому серьезно и часто сообщают Комитету в Страсбурге, что меры

были приняты незамедлительно. Во всех случаях власти представляли отчет не позже крайнего срока, т.е. в течение трех месяцев.

ОТЧЕТ

Учитывая замечания делегатов относительно их наблюдений, секретариат составляет отчет, начинающийся с изложения фактических результатов, на основании которых могут быть заданы вопросы, сделаны замечания и даны рекомендации. Отчет будет окончательно доработан на совещаниях СРТ в полном составе и секретно доведен до сведения правительства проверяемой страны.

Итак, вторая буква С — «Секретно».

Возможно, по причине секретности правительство, как правило, воспринимает критику положительно. Обычно необходимо дать ответы на вопросы СРТ до истечения некоторого крайнего срока. Проводится диалог между правительством и СРТ относительно того, как улучшить условия содержания тех, кто лишен свободы. Важной частью в этом непрерывном диалоге, несомненно, являются последующие периодические посещения.

Требуется приблизительно полгода, чтобы СРТ предоставил отчет и его одобрили на заседаниях Комитета в полном составе. Правительство должно ответить на изложенные вопросы, комментарии Комитета и разъяснить, как оно будет или намеревается следовать рекомендациям. Этот первый отчет называется «Interim Report» (Промежуточный отчет); спустя шесть месяцев, т.е. через год после получения отчета СРТ, составляется «The Follow-up Report» (Последующий отчет), в котором правительство разъясняет свои последние инициативы.

Отчет СРТ и отчеты правительства полностью конфиденциальны. Однако практически большинство стран пожелали опубликовать отчет СРТ и свои последующие отчеты. Так, Дания была первой страной, которая опубликовала отчет СРТ в сентябре 1991 г. В настоящее время почти все страны последовали ее примеру, но решение по этому вопросу, т.е. опубликовать отчет или нет, должна принимать заинтересованная страна, а не СРТ. Однако если страна опубликовала только *отрывки* отчета, СРТ издавал весь отчет.

К августу 1999 г. СРТ осуществил 63 периодических посещения и 27 посещений *ad hoc*. Было опубликовано 59 отчетов. В течение последних лет отчеты были доступны по адресу в Интернете <http://www.cpt.coe.fr>. Здесь же можно найти объявления прессы и разнообразную общую информацию о работе СРТ и ее членов.

Развитие СРТ начиная с 1989 г. показано на рис. 1 и 2. В 1989 г. членами были 15 стран с общим количеством заключенных 292 250; сегодня это 40 стран и 1 881 500 заключенных.

Расширение сферы действия СРТ (1989-1999 гг.)

Рис. 1. Положение на 13 ноября 1989 г. (дата первого заседания СРТ)

Государства, объединенные в соответствии с Конвенцией (15 государств)

Австрия	Мальта
Великобритания	Нидерланды
Дания	Норвегия
Ирландия	Турция
Испания	Франция
Италия	Швеция, агентство АП
Кипр	Швейцария
Люксембург	

Количество заключенных: 292 250.

Рис. 2. Положение на 1 августа 1999 г.

Государства, объединенные в соответствии с Конвенцией (40 государств)

Австрия	Испания	Румыния
Албания	Италия	Сан-Марино
Андорра	Кипр	Словакия
Бельгия	Латвия	Словения
Болгария	Литва	Турция
Бывшая Югославская Республика Македония	Лихтенштейн	Украина
Великобритания	Люксембург	Финляндия
Венгрия	Мальта	Франция
Германия	Молдова	Хорватия
Греция	Нидерланды	Чешская Республика
Дания	Норвегия	Швейцария
Ирландия	Польша	Швеция
Исландия	Португалия	Эстония
	Россия	

Количество заключенных: 1 881 500.

(Источник: <http://www.cpt.coe.fr/en/general/rep-9.htm>).

Следует отметить, что мандат СРТ охватывает также все другие категории мест, где люди лишены свободы органом государственной власти: полицейские отделения, места лишения свободы для подростков, места заключения военных, центры содержания иностранцев, психиатрические больницы и т.д.

Примечание. Это неофициальное представление государств, объединенных в соответствии с Соглашением. (По техническим причинам не было возможности показать полную территорию рассматриваемых здесь государств.)

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ СРТ

Согласно статье 10.2, если страна «не в состоянии сотрудничать или отказывается улучшать условия в соответствии с рекомендациями Комитета, Комитет может принять решение большинством в две трети голосов своих членов о необходимости сделать публичное заявление по этому вопросу, после того как Стороне будет предоставлена возможность изложить свои взгляды». Такие принудительные меры применялись СРТ только дважды, в обоих случаях по отношению к Турции (в 1992 и 1996 г.).

Мы считаем, что СРТ проделал огромную работу, к тому же весьма результативную. Большинство стран благодарны СРТ за работу, в частности за помощь в деле улучшения условий для людей, которые были лишены свободы. В этом контексте важно подчеркнуть, что СРТ является техническим комитетом. Он объединяет профессионалов в различных областях знаний. Среди его членов адвокаты, врачи (терапевты и психиатры), эксперты судебной медицины и пыток, психологи, тюремные и полицейские эксперты, а также священники. Поэтому критические замечания СРТ не имеют политических целей, а обращены исключительно к будущему, без осуждения прошлого.

Это, вероятно, одна из причин, по которым работа СРТ была признана и высоко оценена всеми странами. Поскольку большинство стран публикуют отчеты СРТ, а также свои ответы, общество может проследить за работой Комитета СРТ и проверить, выполняются ли его рекомендации.

Данная статья в сокращенном виде первоначально была опубликована в датском журнале «1949–99», издаваемом Europabevasgelsen (Датское Европейское Движение), по случаю 50-й годовщины Совета Европы.

IRCT

Международный совет по реабилитации жертв пыток

Borgergade 13

P.O. Box 2107

1014 Copenhagen K

Denmark

Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (СРТ)

«СУЩЕСТВЕННЫЕ» РАЗДЕЛЫ ОБЩИХ ДОКЛАДОВ СРТ

Страсбург, 5 ноября 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряде своих общих докладов СРТ представил некоторые существенные вопросы, выяснением которых он занимается при посещении мест лишения свободы. Таким образом Комитет надеется ясно продемонстрировать национальным властям свои взгляды в отношении того, как следует обращаться с лицами, лишенными свободы, а также, в более широком смысле, стимулировать дискуссию по этим вопросам.

В данном документе собраны «существенные» разделы, оформленные к настоящему времени и касающиеся следующих вопросов: содержание под стражей в полиции, тюремное заключение, подготовка персонала правоприменительных органов, медицинское обслуживание в тюрьмах, иностранные граждане, задержанные согласно закону об иностранцах, принудительное помещение в психиатрические учреждения, а также несовершеннолетние, лишенные свободы.

Последующие общие доклады будут включать другие существенные разделы, посвященные таким вопросам, как обращение с женщинами, лишенными свободы, и военные пенитенциарные учреждения. СРТ также намерен пересмотреть и дополнить разделы, касающиеся содержания под стражей в полиции и тюремного заключения (составленные в основном в 1992 г.), с тем чтобы более полно отразить стандарты, разработанные Комитетом в этой области за последние десять лет.

СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ В ПОЛИЦИИ

Извлечение из второго Общего доклада [СРТ/М (92) 3]

36. Комитет придает особую важность трем правам лиц, задержанных полицией: право информировать о факте своего задержания третью сторону по своему усмотрению (члена семьи, друга, консульство), право доступа к адвокату и право требовать медицинского осмотра врачом по своему усмотрению (в дополнение к любому медицинскому осмотру, проведенному врачом, вызванным полицейскими властями) *. Эти права, по мнению Комитета, являются тремя основными гарантиями против жестокого обращения с задержанными лицами, которые следует применять с самого момента лишения свободы, независимо от его названия в данной правовой системе (задержание, арест и т.д.).

37. Лица, взятые под стражу в полиции, должны быть непосредственно и незамедлительно проинформированы обо всех своих правах, включая те, которые упоминаются в пункте 36. Кроме того, в интересах правосудия следует ясно определить любые предоставляемые властям возможности по отсрочке в осуществлении того или иного из перечисленных здесь прав и строго ограничить по времени использование таких возможностей. Что касается, в частности, права доступа к адвокату и права

* Впоследствии формулировка данного права была изменена следующим образом: право на доступ к врачу, включая право на медицинский осмотр, если задержанное лицо того пожелает, врачом по своему усмотрению (в дополнение к любому медицинскому осмотру, проведенному врачом, вызванным представителями полиции).

требовать медицинского освидетельствования другим врачом, помимо вызванного полицией, то использование в качестве исключения заранее установленных списков адвокатов и врачей, составленных при согласии соответствующих профессиональных организаций, может исключить необходимость какой-либо задержки в осуществлении этих прав.

38. Право доступа к адвокату для лиц, содержащихся под стражей в полиции, должно включать в себя право вступать в контакт с адвокатом и возможность его регулярного посещения (в обоих случаях в условиях, гарантирующих конфиденциальность их обсуждений), а также право данного лица на присутствие адвоката во время допроса.

Что касается медицинского осмотра лиц, взятых под стражу полицией, то он должен проводиться вне пределов слышимости и, предпочтительно, вне пределов видимости сотрудников полиции. Кроме того, результаты каждого осмотра, так же как и соответствующие заявления задержанных и заключения врача, должны быть официально запротоколированы врачом и представлены задержанному и его адвокату.

39. В отношении процедуры допроса Комитет полагает, что должны существовать четкие правила или указания о методе проведения допроса сотрудниками полиции. Они, среди прочего, должны отражать следующие вопросы: информирование задержанного о личности присутствующих на допросе (имя и/или номер); разрешенная продолжительность допроса; периоды отдыха между допросами и перерывы в ходе допроса; места, где разрешается проводить допрос; возможность потребовать от задержанного, чтобы он стоял, когда ему задают вопросы; допрос лиц, находящихся под воздействием наркотиков, алкоголя, и т.д. Следует также потребовать, чтобы постоянно велись записи о времени начала и конца допроса, о всех просьбах задержанного, сделанных в ходе допроса, и о лицах, присутствующих во время каждого допроса.

Комитет хотел бы добавить, что электронная запись полицейских собеседований является еще одной полезной мерой предосторожности против жестокого обращения с задержанными (такая запись дает также значительные преимущества для полиции).

40. Комитет полагает, что основные гарантии прав лиц, задержанных полицией, были бы подкреплены (а работа полицейских сотрудников, возможно, весьма облегчена) существованием единой и всесторонней системы учета по каждому из них, отражающей все аспекты содержания под стражей и действия, предпринятые относительно задержанных (когда лишен свободы и причины такой меры; когда сообщено о правах; признаки телесных повреждений, психических болезней и т.д.; когда вступил в контакт с ближайшими родственниками/ консульством и адвокатом и когда был ими посещен; когда была предложена пища; когда допрашивался; когда переведен или освобожден и т.д.). По различным вопросам (например, предметы, находящиеся во владении лица, информирование о правах лица и применение или отказ от них) следует получить подпись задержанного или объяснить ее отсутствие. Кроме того, адвокат задержанного должен иметь доступ к таким записям учета пребывания под стражей.

41. Кроме того, существование независимого механизма рассмотрения жалоб касательно обращения во время пребывания под стражей в полиции является важной гарантией прав.

42. Пребывание под стражей в полиции, в принципе, занимает относительно короткий срок. Следовательно, нельзя ожидать, что материальные условия содержания в полицейских учреждениях будут такие же, как и в других местах заключения, где лица, лишённые свободы, могут содержаться в течение длительных периодов. Однако определенные элементарные требования в отношении материального обеспечения должны выполняться.

Все полицейские камеры должны иметь достаточную площадь для такого числа лиц, которое в ней обычно размещается, соответствующее освещение (т.е. достаточное для чтения, исключая периоды сна) и вентиляцию. Желательно, чтобы в камерах было естественное освещение. Кроме того, камеры должны быть оборудованы средствами отдыха (например, прикрепленные к полу стул или скамейка), а лица, вынужденные оставаться под стражей ночью, должны быть обеспечены чистым матрасом и одеялами.

Лица, содержащиеся под стражей, должны иметь возможность отправлять естественные потребности в чистых и приличных

условиях, им следует предложить соответствующие условия для мытья. Пища должна предоставляться ежедневно в соответствующее время, включая плотную еду, по крайней мере один раз в день (т.е. что-либо более существенное, чем бутерброд) *.

43. Вопрос о том, что можно считать разумным размером камеры (или любого другого помещения для содержания задержанного/заключенного) в полиции, является трудным вопросом. Для такой оценки следует принять во внимание многие факторы. Однако делегации Комитета сочли необходимым дать примерные рекомендации в этом вопросе. В настоящее время при оценке камер, предназначенных для одиночного содержания в полицейских участках в течение нескольких часов, используется следующий критерий (рассматриваемый скорее в качестве желательного, чем минимально необходимого): около 7 квадратных метров, 2 метра (или более) от стены до стены, с высотой потолка 2,5 метра. ■

* СРТ также выступает за то, чтобы лицам, содержащимся под стражей в полиции в течение 24 часов или больше, была предоставлена возможность ежедневно заниматься физическими упражнениями на открытом воздухе.

Коалиция Международных неправительственных организаций против пыток (CINAT) призывает государства возместить ущерб, нанесенный жертвам нарушения прав человека

По материалам веб-страниц APT (<http://apt.ch/cinat.htm>), IRCT (<http://www.irct.org>) и информационной подборки IRCT – КАМПАНИЯ 26 ИЮНЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ООН В ПОДДЕРЖКУ ЖЕРТВ ПЫТОК, 2001

Через год после основания CINAT шесть неправительственных организаций, членов этой коалиции, объединились с целью заставить государства возместить ущерб, нанесенный жертвам нарушения прав человека. Открытое заседание по этой проблеме было проведено 4 апреля 2000 г. во Дворце наций в Женеве. Вопрос возмещения ущерба следует рассмотреть безотлагательно.

Выступления мировых лидеров и членов Комиссии по установлению истины свидетельствуют о том, что намечается тенденция сделать факты нарушения прав человека достоянием общест-венности и принести извинения всем, кто пострадал. В некоторых случаях извинение является единственной компенсацией, тогда

как деятельность различных недавно возникших национальных фондов помощи жертвам Холокоста показывает, что это должно осуществляться только одновременно с финансовой компенсацией за причиненный ущерб. Все это заслуживает одобрения, однако возмещение ущерба жертвам нарушений прав человека все еще не является нормой. Комиссия по установлению истины отвечает за освещение злодеяний прошлого, но результаты ее деятельности редко приводят к вынесению обвинительного приговора преступникам или к возмещению ущерба жертвам, помимо признания совершенных преступлений. Руководителям недавно образованных демократических государств все еще хочется думать, что преступления, совершенные их предшественниками, принадлежат прошлому. И требования возмещения ущерба за преступления, содеянные мятежными силами, часто оказываются безрезультатными, поскольку государство отрицает, что оно несет ответственность за все правонарушения. Коррупцированная судебная власть не только не в состоянии призвать преступников к ответу с тем, чтобы был возмещен ущерб, но, по всей вероятности, снизит ответственность за будущие преступления. Все члены CINAT настаивают на праве жертв нарушений прав человека получить полное возмещение ущерба, что предполагает реституцию, компенсацию, реабилитацию, удовлетворение и гарантии того, что подобное не повторится. Чтобы выяснить, каким образом члены CINAT поощряют государства, обеспечивающие компенсацию, Коалиция организовала 4 апреля встречу под лозунгом **«Возмещение ущерба: время серьезно взглянуть на жертв нарушений»**. На ней основной докладчик профессор Шериф Васьюни, Независимый эксперт ООН по правам на компенсацию, представит проект основных принципов и руководство по возмещению ущерба жертвам нарушений прав человека и международного гуманитарного законодательства. **Все, кому потребуется какая-либо дополнительная информация относительно CINAT, пожалуйста, свяжитесь с Ассоциацией по предупреждению пыток (АРТ).**

Cecilia Jimenez, Francis Hickel, Celine Fossati,
Geneva — телефон (+41 22) 734 20 88
или по факсу (+41-22) 734 56 49

В SINAT входят следующие международные неправительственные организации: Международная амнистия (AI); Ассоциация по предупреждению пыток (АПТ); Международная федерация действий христиан за отмену пыток (Fi. ACAT); Международный совет по реабилитации жертв пыток (IRCT); Компенсация (REDRESS) и Всемирная организация против применения пыток (ОМСТ). Коалиция объединила различные международные неправительственные организации, выступающие против применения пыток, с целью скоординировать их усилия, направленные на предупреждение распространения этой бесчеловечной практики и реабилитацию тех, кто пострадал. ■

Джекоб Ликк (Jakob Lykke)

Отчеты Международной амнистии о применении пыток и жестоком обращении в Тибете

TORTURE SUPPLEMENTUM. No.1, 1999, pp. 21-22
© 1999 International Rehabilitation Council for Torture Victims, IRCT

Многочисленные отчеты Международной амнистии (МА) свидетельствуют о постоянных массовых нарушениях прав человека в Тибете, включая жестокое обращение, пытки и смерть заключенных во время или сразу после задержания. Эта статья – краткое резюме сообщений прошлых десяти лет.

ПЫТКИ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА

Было зафиксировано, что пытки и жестокое обращение во время допроса являются обычным делом. Заключенных избивают, надевают им наручники, длительно содержат на цепи либо в холодном помещении, мешают есть и/или пить, отказывают в медицинской помощи и т.п. В отчетах указывается, что пытки и жестокость по отношению к заключенным продолжаются, а лица, ответственные за эти нарушения, не привлекаются к суду.

ПЫТКИ В ТЮРЬМАХ И МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В сообщениях, включая свидетельства бывших заключенных и их родственников, которые нелегально покинули Тибет, указывается на то, что множество тибетцев, содержащихся в полицейских участках, местах заключения и тюрьмах, подвергались систематическим пыткам и/или жестокому обращению. Наиболее часто сообщалось о таких методах пыток: избиение, удары металлическими предметами по гениталиям, подошвам ног или по губам, использование наручников, кандалов или веревок для преднамеренного удерживания заключенных в определенном положении с целью причинить им боль и ослабить их физические силы, лишение сна или еды, переохлаждение.

СМЕРТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Согласно МА, по крайней мере, 11 узников совести умерли в тюрьме или вскоре после освобождения в течение 1987–1995 гг. Четверо из тех, кто умер вскоре после освобождения из заключения, были тибетские монахини моложе 26 лет; пятая — монахиня, которая отбывала трехлетнее заключение за участие в демонстрации в 1993 г., была переведена из тюрьмы Драпчи в больницу в январе 1995 г. Вскоре она умерла от болезни почек (удары по области почек могут привести к фатальному нарушению деятельности почек, а также к острому некрозу скелетных мышц после тяжелого повреждения мышц). Китайские власти не предоставили адекватного разъяснения причин этих смертей и не предприняли соответствующего расследования этих неожиданных смертных случаев молодых, ранее здоровых женщин.

ПЫТКИ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С АРЕСТОВАННЫМИ ПОДРОСТКАМИ

В других сообщениях МА указывается, что для наказания подростков прибегали к таким мерам: избиению, ударам током, одиночному заключению, лишению сна, еды и/или питья. По сообщениям, избиение подростков полицией во время ареста и в течение непродолжительного содержания под стражей в полицейских участках является обычным делом; пытки часто используются во время

допроса, во время нахождения под арестом в местах предварительного заключения, а также как наказание в тюрьмах или трудовых лагерях. Тибетские несовершеннолетние узники совести обычно содержатся в камерах без учета их возраста, поэтому подвергаются влиянию окружения, т.е. взрослых, для которых пытка является эндемической. С психологической точки зрения, этот факт может причинить серьезный вред здоровью, вызывая пограничные проблемы у несовершеннолетних заключенных: ведь даже если сами подростки не подвергаются физическим пыткам, пребывание в таком окружении может рассматриваться как психологическая пытка. Подростков часто вынуждают выполнять каторжные работы или работать в антисанитарных условиях, подвергая, таким образом, опасности их здоровье. Им не предоставляют специальные условия работы, не сокращают рабочее время, что может нанести психологическую и физическую травму и отразиться на развитии молодого человека.

СУДЕБНЫЕ ДЕЛА

Сонам Долкар, 24-летняя женщина из Лхасы, была арестована 29 июля 1990 г. приблизительно 20 полицейскими, которые также обыскали ее дом. Ее подозревали в том, что она принимала участие в акциях протеста. Сонам поместили в Центр предварительного заключения в Сейтру, а в феврале 1991 г. она была переведена в больницу, из которой сбежала в этом же году. Женщина сообщила о регулярных пытках в течение шестимесячного периода пребывания в одиночной камере в этом Центре. При аресте на нее надели кандалы и наручники. Во время допроса ее тело подвергали ударам тока до тех пор, пока она не теряла сознание, а во влагалище вводили электрический полицейский жезл. Женщина рассказала о том, что большой шрам у нее на груди — результат жестокого избития охранниками. Она сообщила, что ее содержали обнаженной в камере без окон, которая, как она полагает, была расположена под землей. Она не видела других заключенных, еды было мало, к тому же плохого качества. Сонам должна была спать на цементной полу камеры в холодные зимние месяцы. Здоровье ее ухудшилось, но медицинское обслуживание фактически отсутствовало; на некоторое время ее перестали подвергать пытке электричес-

ким током после поверхностного осмотра врачом перед тем, как она была переведена в больницу. Ей так и не предъявили обвинение. Не было назначено судебное расследование и в течение ее заключения. Сонам не была ни разу предоставлена возможность встретиться с кем-либо, кто находился за пределами места заключения.

Кеханг Тхутоб, 49-летний тибетский монах, который был заключен в тюрьму в апреле 1989 г.; скончался в 4 часа утра 5 июля 1996 года в тюрьме Драпчи в Лхасе в результате недуга, потому что ему было отказано в лечении. Источники в Тибете сообщили, что до ареста здоровье его было хорошим, но после длительного периода жестокого обращения и недоедания оно, как полагают, ухудшилось. Незадолго до смерти у него повысилось кровяное давление. На протяжении последних лет никому из членов его семьи не было разрешено посетить его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно докладам МА, в Тибете довольно часто нарушаются права человека. Сообщается, что большинство заключенных тибетцев, включая детей и подростков, которых допрашивают, задерживают или заключают в тюрьму, подвергаются жестокому обращению и/или пытке. При этом используются не только примитивные методы (например, избивание и удары ногами), но и более изощренные формы (например, введение электрических посторонних тел в рот или во влагалище). Жестокость, пытки и отсутствие надлежащего медицинского обслуживания заключенных является неотъемлемой частью работы китайской полиции и армии в Тибете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Amnesty International. *People's Republic of China (Tibet Autonomous Region): one year under martial law: an update on the human rights situation*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/10/90, March 1990.
2. Amnesty International. *People's Republic of China: recent reports on political prisoners and prisoners of conscience in Tibet*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa17/62/91, October 1991.

3. Amnesty International. *People's Republic of China: Amnesty International concerns in Tibet*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/02/92, January 1992.
4. Amnesty International. *People's Republic of China: repression in Tibet 1987–92*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/19/92, May 1992.
5. Amnesty International. *China: repression in Tibet appeal cases*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/24/92, May 1992.
6. Amnesty International. *People's Republic of China: new wave of arrests reported in Tibet*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/15/93, March 1993.
7. Amnesty International. *Medical concerns*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/38/95, June 1995.
8. Amnesty International. *People's Republic of China: persistent human rights violations in Tibet*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/18/95, May 1995.
9. Amnesty International. *People's Republic of China: 123 political arrests in Tibet in three months*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/27/95, May 1995.
10. Amnesty International. *China: six years after Tiananmen: increased political repression and human rights violations*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/28/95, June 1995.
11. Amnesty International. *People's Republic of China: crackdown on Tibetan dissent continues*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/74/95, September 1995.
12. Amnesty International. *People's Republic of China: Tibetan prisoner of conscience dies in prison*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/79/96, July 1996.
13. Amnesty International. *People's Republic of China: three Tibetans sentenced on political charges in Panchen Lama dispute*. London: Amnesty International Publications, AI index: asa 17/029/97, May 1997.
14. Amnesty International. *Amnesty International Report 1996*. London: Amnesty International Publications, 1996.
15. Amnesty International. *Amnesty International Report 1997*. London: Amnesty International Publications, 1997.
16. Amnesty International. *Amnesty International Report 1998*. London: Amnesty International Publications, 1998. ■

Международная амнистия

Из отчета за 2000 год

Amnesty International annual report 2000 (website – <http://www.amnesty.org>)

Международная амнистия (МА) — всемирное движение людей, борющихся за права человека. Работа этой организации основана на тщательном расследовании и проводится в соответствии со стандартами, согласованными с международным сообществом. Международная амнистия не зависит от той или иной правительственной, политической идеологии, экономических интересов или религии и объединяет активистов-добровольцев более 140 стран и территорий всего мира.

В этом отчете освещаются вопросы прав человека во всем мире на протяжении 1999 г., являющиеся предметом обеспокоенности Международной амнистии. В нем также отражены акции этой организации, которая взяла на себя обязательство в течение года содействовать соблюдению прав человека и проводить кампанию против выявленных случаев нарушения прав человека.

Отчет начинается с призыва к действию и Преамбулы Пьера Сана, Генерального секретаря Международной амнистии, а также введения.

В разделе «Краткая информация по регионам» приведены краткие обзоры по каждому региону (Африка, Америка, Азия, Европа, Средний Восток и Северная Африка).

Основу данного отчета составляет информация по отдельным странам и территориям, приведенная в разделе «Региональные

индексы». Каждое из информационных сообщений — это краткое описание ситуации по правам человека в конкретной стране или на территории и определенных обстоятельствах, вызывающих обеспокоенность Международной амнистии. Отсутствие информации по определенной стране или территории не свидетельствует о том, что в данном регионе на протяжении года не было случаев нарушения прав человека, вызывающих обеспокоенность Международной амнистии.

Следующие разделы отчета (часть 3) содержат информацию о Международной амнистии и ее работе в течение отчетного года. Заключительный раздел посвящен работе МА с межправительственными организациями и содержит информацию, предоставляемую государствами в соответствии с региональными и международными соглашениями.

ВВЕДЕНИЕ

1999 год большинству населения земного шара принес репрессии, бедность или войны. Правительства разных стран для подавления оппозиции и сохранения власти использовали такие меры, как лишение свободы, пытки и политические убийства. В некоторых странах все увеличивающееся разделение общества на богатых и бедных вызывало протесты отчаявшихся и лишенных всяких надежд людей, на которые власти отвечали зверством и насилием. В других странах политическая нестабильность выливалась в открытое вооруженное столкновение, в котором бесчисленное число мужчин, женщин и детей были покалечены или убиты. Миллионы людей во всем мире, спасающихся бегством в поисках безопасности, рассказывали о преследованиях и насилии.

Тем не менее отдельные активисты, борющиеся за права человека, не смирились с проблемами, несмотря на риск, которому они подвергались. Они организовывали акции протеста, мобилизовывали людей для усиления давления на правительства своих стран с целью проведения в жизнь реформ, они принимали меры в защиту жертв злоупотреблений. Они продолжали вовлекать новых людей в растущие ряды борцов за права человека, организуя всемирное движение за права человека, частью которого является Международная амнистия.

Страницы этого отчета не только являются мрачным списком злоупотреблений в области прав человека, но также раскрывают творческий потенциал, намерения и достижения движения за права человека.

Косово

Восточный Тимор

Сокрытые безнаказанные жертвы

Дело Пиночета

Израиль и оккупированные территории

Действия правительств против Международной амнистии

Совещание Международного Совета

Права детей

Права лесбиянок и гомосексуалистов

Борцы за права человека

Разоружение убийц

Кампания в США за *всеобщие права*

Смертная казнь в 1999 г. ■

Международный совет по реабилитации жертв пыток

В последнее десятилетие 20-го века возрос интерес к вопросу борьбы с пытками и их предотвращения. Такие конфликты, как в Косово, еще раз подтвердили, что пытки используются с целью подавить, унижить и разрушить личность и общество. Каждый день совершаются тысячи пыток, скрытых от глаз общественности, недоступных средствам массовой информации, в атмосфере полной безнаказанности. Ни для кого не секрет, что последствия пыток могут быть долговременными и распространяться не только на жертв, но и на членов их семей и общество в целом. Предотвращение применения пыток и реабилитация жертв насилия существенны для содействия делу мира и безопасности, для предотвращения конфликтов и для примирения во всем мире.

Международный совет по реабилитации жертв пыток (International Rehabilitation Council for Torture Victims — IRCT) — это независимая международная медицинская профессиональная организация, основанная в 1985 году с целью оказания медицинской помощи жертвам пыток и их поддержки. Кроме того, он проводит огромную работу, направленную на предотвращение пыток.

IRCT состоит из сети международных реабилитационных центров, представленных в Международном совете, штаб-квартира которого находится в Копенгагене (Дания). IRCT поддерживает более чем 200 реабилитационных центров и программ во всем

мире, способствуя реабилитации жертв пыток и предотвращению применения пыток.

Основная цель IRCT — полное устранение пыток. Реализация этой цели предполагает оказание информационной и финансовой поддержки существующим и вновь открываемым центрам и проектам во всем мире, путем обучения их работников. С этой целью проводятся конференции и семинары. Сеть IRCT — это уникальное сосредоточение медиков-профессионалов, занимающихся лечением и реабилитацией жертв насилия, часто в довольно сложных условиях, подвергаясь личному риску. IRCT признан международным сообществом за его борьбу по предотвращению пыток и имеет специальный консультативный статус в экономическом и специальном Совете ООН.

Цели IRCT:

- работа над расширением финансирования реабилитационных центров, программ и проектов;
- документирование проблем пыток и сбор результатов исследований в этой области;
- распространение информации в обществе и просветительская деятельность;
- формирование новых диагностических возможностей;
- предотвращение пыток.

В продолжение своей работы IRCT стремится расширить финансирование со стороны двусторонних, многосторонних и частных доноров. Такие финансовые источники позволяют IRCT продолжать свою деятельность в продвижении и организации реабилитации жертв пыток в уже существующих и вновь открываемых центрах, программах и проектах во всех регионах мира. ■

Метте Хольм *

ИМ МОГ БЫ СТАТЬ ЛЮБОЙ

По материалам информационной подборки для прессы – КАЛЕНДАРЬ ООН:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПОДДЕРЖКИ ЖЕРТВ ПЫТОК. IRCT, Дания, 1999

ПСИХОЛОГ: Палачи не обязательно являются отвязанными злодеями. Они повинуются и слепо доверяют властям. А также хотят добросовестно выполнять порученное им дело.

Каким образом можно воспитать палача? Как опознают и вербуют таких людей? Какие они? Жестокие от природы, с извращенным воображением, озлобленные, переполненные ненавистью и горечью?

Люди, практикующие пытки, не отличаются ни чрезмерной веселостью, ни меланхолией, ни чрезмерной беззаботностью, добродушием или же злобой. Это не главное. Главное, что они добросовестно относятся к своему делу и являются послушными исполнителями. Безоговорочно доверяют властям. И почти никогда не подвергают сомнению отданные сверху приказы.

Хотелось бы думать, что у палачей всего мира есть некие общие патологические черты, садистские наклонности, присущие от рождения лишь немногим. Что коэффициент их умственного развития ниже среднего. Что их так или иначе можно распознать и тем самым ограничить их преступную деятельность.

К сожалению, это не так. Теоретически любой из нас мог бы стать палачом. «Хороший» палач — палач по призванию, он,

Метте Хольм — независимый журналист .

как и представители других профессий, гордится своим ремеслом», — рассказывает Мика Хариту-Фатуру, профессор психологии Аристотелевского университета в Салониках (Греция).

Тем, кто занимается исследованием этой мрачной, отвратительной сферы человеческой деятельности, не так-то легко устанавливать факты и собирать статистические данные. Хариту-Фатуру изучала вопрос о подготовке и деятельности греческих палачей — полицейских следователей — в период правления военной хунты (1967—1974 гг.), а также о подготовке и деятельности членов отрядов смертников и военных полицейских в диктаторской Бразилии.

Вербовка — не самое сложное дело, хотя большинство новобранцев могут и не знать, с какой именно целью их вербуют, — им известно лишь то, что от них ожидают слепой преданности и исполнения долга перед родиной или же служения какой-либо иной высшей цели.

Следующий этап — непосредственное формирование кадровых палачей, готовых на крайнюю жестокость по отношению к собственным соотечественникам. Программа подготовки в спецшколах и лагерях чрезвычайно сурова и пропитана духом насилия.

В подготовку, рассказывает Хариту-Фатуру, входит «обучение на практике», «когда к новобранцам применяется крайнее насилие, причем всегда внезапно, без какого-либо повода». Иными словами, они неожиданно и беспричинно подвергаются жестокому наказанию: «Ни причины, ни логики. Напряжение огромное. Ты должен подчиняться без никаких. Это очень, очень тяжелое обучение, как в армии, наподобие того, как в США готовят морских пехотинцев, десантников-парашютистов и бойцов специальных подразделений».

Учителя вытравливают у новобранцев всякое понятие о добре и зле и пресекают любые попытки подвергать сомнению приказы командования. Таким образом командование, и только оно, становится путеводной звездой во враждебном мире, своего рода моральным якорем.

В Бразилии будущих палачей нередко набирали в сиротских приютах. Некоторые дети и вправду были сиротами, другие — отняты у родителей-диссидентов, которых власти считали «неспособными» к воспитанию детей.

Один из членов бразильского отряда смертников, опрошенный Микой Хариту-Фатуру, проанализировав свой жизненный путь, заключил, что диктаторский режим намеренно отбирал будущих палачей и убийц в сиротских приютах и что детей диссидентов помещали туда именно с этой целью. Сам он попал с приютом вместе с сестрой и двумя братьями потому, что их отец находился в оппозиции к правящему режиму.

«Наказания в этих приютах отчасти напоминали пытки политических заключенных. И во многом походили на греческие методы натаскивания палачей», — добавляет Хариту-Фатуру. Подготовка будущих палачей могла длиться и три месяца (Греция), и от двух месяцев до двух лет (Бразилия).

Подготовка палачей не обязательно является военной тайной, пусть даже в их школах и лагерях нет бросающихся в глаза указателей и вывесок. Одно из таких мест — Военная школа ЦРУ для уроженцев Северной и Южной Америки в Форт-Беннинге, Джорджия. «Многие вышедшие оттуда офицеры принимали потом участие в зверствах», — рассказывает Хариту-Фатуру. К числу самых знаменитых, вернее, снискавших себе недобрую славу, выпускников этой школы относится бывший диктатор Панамы Мануэль Норьега, отбывающий в настоящее время тюремное заключение в США за махинации с наркотиками.

В ходе своих исследований Хариту-Фатуру установила, что палачи используют, скорее всего подсознательно, тот или иной «отпускающий» механизм, чтобы ослабить чувство вины, когда они занимаются «делом». Существуют разнообразные способы сохранять дистанцию между собой и своей жертвой, вследствие чего пыточный процесс становится чем-то несущественным. «Палачи начинают мысленно унижать своих жертв, доказывают себе их ничтожность, ничтожность: таким образом они внушают себе, что жертвы — никакие не люди и потому заслуживают лишь наказания».

Палачи также убеждены, что «отстаивают высшие идеалы. Ими руководит идея борьбы с внутренними врагами государства — как правило, коммунистами. Жертвы же для них — не люди, а враги».

Палачи, опрошенные Хариту-Фатуру, выполняли непосредственно отданные им приказы. «В Бразилии им говорили, как убить и кого. Или же что требуется подвергнуть пытке конкретное лицо. Приказы обычно отдавались офицерами».

«В Греции их вознаграждали за оказанные услуги, устраивая на хорошее, спокойное место, например, в телефонной компании. Другими словами, обеспечивали будущее. После двух лет работы палача власти были *обязаны* позаботиться о его будущем».

«В Бразилии все было по-другому». Работавшая здесь исследовательская группа под руководством Хариту-Фатуру обнаружила, что бывшие палачи находятся на той или иной стадии внутреннего «распада». «Поверите ли, мы обнаружили у них многие синдромы, которые встречаются у врачей, медсестер, психиатров, учителей», т.е. у медицинских работников и представителей других профессий, непосредственно имеющих дело с людьми. «Они страдали синдромом «перегорания», для них были характерны крайнее переутомление, психосоматические симптомы, алкоголизм, сильная депрессия».

Из двадцати трех опрошенных в Бразилии палачей, за исключением двух или трех, все получили отставку. Один из них прямо назвал себя конченным человеком, считая, что его выкинули на свалку, как использованный презерватив. «И это при том, — отмечает Хариту-Фатуру, — что бразильские палачи не были отвергнуты обществом или осуждены, как в Греции. Они получили амнистию наравне с борцами за свободу».

«Все опрошенные утверждали, будто ладят со своими детьми. В действительности же большинство из них были разведены, что в Бразилии не очень принято, и совсем не виделись со своими семьями». Их жены так и не смогли примириться с их ремеслом. Семьи распались.

Мика Хариту-Фатуру рассказывает о проведенном в 1963 г. исследовании, описанном в книге Франца Фэнона «Несчастные смертные». Речь идет о палаче, который обратился к психологу за помощью: его беспокоило, что, возвращаясь с работы, он не в силах оставить за порогом дома жестокие дневные привычки. Его не терзали угрызения совести из-за того, кем он работает, — он переживал из-за того, что привносит рабочие методы в семейные отношения. Он не хотел мучить жену и детей, но не знал, как этого избежать.

Палачи выполняют свою работу, не слишком над этим задумываясь. Они хотят преуспеть в своем ремесле. «Да-да, пока они при деле, они видят в этом свое призвание». Однако ощущение успеха постепенно проходит. «Когда дела перестают идти

на лад, они начинают испытывать неуверенность. Они чувствуют, что непомерно отдавались своей работе». И что их «преданность» отечеству или иной высокой цели ничем не вознаграждается. В конечном итоге палачи оказываются брошенными своими хозяевами — и обществом — на произвол судьбы. И тогда их охватывает горечь.

Мика Хариту-Фатуру вспоминает бывшего греческого палача, отца двоих детей. У одного ребенка было тяжелое хроническое заболевание. Отец считал, что эта болезнь — «Божья кара за совершенные им злодеяния». На судебном процессе после падения режима греческих полковников этот человек сказал, что он и другие палачи заслуживают наказания, пусть даже они «только выполняли приказы, а вся вина лежит на офицерах».

По сведениям Мики Хариту-Фатуру, палачи — и «действующие», и бывшие — разобщены и не поддерживают друг с другом контактов. Они не встречаются и не обсуждают совершенные ими преступления или полученные ими травмы. Не обсуждают они и травмы, которые нанесли жертвам и их семьям и которые настолько глубоки, что передаются последующим поколениям. Равно как и травмы, нанесенные всему обществу в результате мощной волны узаконенного насилия.

И общество в целом, и отдельные жертвы преступных режимов нуждаются в исцелении — это длительный, болезненный и зачастую неосуществимый процесс. Необходимо открыть всю правду о палачах и признать их существование — точно так же, как мы открываем правду о страданиях жертв. Палачи и те, кто отдавал им приказы, должны быть судимы и понести наказание. Только тогда можно будет залечить раны.

Такое, правда, случается крайне редко. Приводя в пример Южную Африку, Мика Хариту-Фатуру определяет деятельность Комиссии по установлению истины и примирению как «средний путь»:

«Обществу необходимо нечто большее, чем *видимость* прощения. Попытки — это глубочайшая травма, нанесенная обществу. Пример Южной Африки не так уж и плох. Но общество не может жить в атмосфере затяжной ненависти. Последствия же глубокой травмы, которую представляют собою пытки, могут затронуть не одно поколение». ■

Либби Т. Арсел *

Правосудие в кильватере палаческих режимов: карать или миловать?

По материалам информационной подборки для прессы – КАЛЕНДАРЬ ООН:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ПОДДЕРЖКИ ЖЕРТВ ПЫТОК. IRCT, Дания, 1999

Диктаторский режим свергнут, пушки, грохотавшие на всем протяжении вооруженного конфликта, смолкли — и перед новым правительством встает необычайной важности вопрос: как быть с нарушениями прав человека, допущенными при старой власти? Репрессивные режимы, как правило, оставляют после себя раздробленное общество, разрушенную социальную и экономическую инфраструктуру, идеологическую поляризацию — и тысячи жертв. На пути к демократии новому режиму приходится иметь дело с таким наследием, как пытки, изгнание, лишение свободы и автономии, убийства, похищения, незаконное заключение в тюрьму, исчезновение сотен или тысяч граждан. Установление или восстановление демократии и перестройка общества требуют решения коренного вопроса: как поступить с виновниками всех этих преступлений? Карать или миловать?

Ответы на этот вопрос в каждом отдельно взятом обществе будут различными, в зависимости от политической обстановки и равновесия сил, — от массового привлечения преступников и

* Либби Т. Арсел — психолог, член Международного совета по реабилитации жертв пыток (IRCT)

пособников прежнего режима к уголовной ответственности до безоговорочной амнистии, освобождения виновных от наказания и сокрытия прошлого. Последнее означает: никаких расследований и уголовных разбирательств. «Все это дело прошлого, — говорят приверженцы такого подхода. — Не будем заново разжигать вражду. Мы должны простить и забыть». К великому сожалению, путь, избираемый многими новыми правительствами, — это освобождение виновных от наказания.

Приверженцы разоблачения преступлений считают, напротив, что и жертвы, и общество в целом имеют право на то, чтобы знать всю правду. По их мнению, только Комиссия по установлению истины наподобие той, что была создана в Южной Африке, судебные процессы наподобие тех, какие проходили в Греции после свержения военной хунты в 1974 г., или Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии способны установить, что же происходило в действительности, и тем самым создать условия, в которых и общество, и отдельные жертвы смогли бы примириться с прошлым.

Международный совет по реабилитации жертв пыток, чья деятельность направлена на оказание помощи жертвам, выступает против концепции безнаказанности палачей и забвения прошлого. Люди, которые подвергались преследованию со стороны властей, которые были заклеены как граждане второго сорта и обречены на маргинальное существование, остро нуждаются в признании общественнойностью того факта, что они — пострадали. Только получив моральную компенсацию и будучи восстановлены в правах, они смогут заживить душевные раны и реинтегрироваться в общество. Жертвы пыток травмированы психически — не только потому, что перенесли жесточайшую телесную боль, но также из-за преследований социального характера. Они подверглись пыткам, их лишили свободы, репрессивный режим отнял у них возможность распоряжаться собственной жизнью. Более того, в глазах общества они нередко предстают политическими изгоями, которые самолично навлекли на себя и своих близких всевозможные напасти, — а все лишь потому, что оказывали режиму сопротивление или же отказывались с ним сотрудничать.

По убеждению IRCT, достоинство жертв может быть восстановлено только в том случае, если общество признает, что этим

людям было причинено зло. Основой психической и социальной реабилитации жертв пыток является материальная компенсация, раскрытие правды, а также наказание виновников применения пыток и других нарушений прав человека. Публичное признание совершенной несправедливости — в форме юридических санкций — важно не только для пострадавших, но и для примирения членов общества в целом. Примирение между поляризованными этническими, политическими или религиозными группами может произойти только путем раскрытия правды и осуществления истинного правосудия. Освобождение преступников от наказания, безнаказанность их способны лишь увековечить эпоху насилия.

Правда, примирение, безнаказанность, прощение, справедливость — и без того чрезвычайно сложные понятия — приобретают в наше время дополнительный нравственный, политический, философский, религиозный и правовой оттенок.

Тем не менее они глубоко проникли в мысли и чувства тысяч и тысяч людей, пусть даже их не всегда удается адекватно выразить. Жертвы пыток в Боснии, а также их близкие дорого заплатили за право иметь собственное мнение по поводу наказания/безнаказанности палачей. Пользуются ли они научными терминами или самими что ни на есть простыми словами, каждый из них имел возможность основательно продумать и прочувствовать эти понятия.

С.С., 58-летний продавец из Приедора (Босния), арестованный в 1992 г. и подвергшийся пыткам в трех различных концлагерях (Омарска, Маньяча, Трнполье), говорит о наказании, прощении и о своем психическом состоянии, которое напрямую связано с надеждой на то, что его палачи понесут наказание:

«Когда по телевизору показывают наших уголовных преступников, я не выдерживаю, до того это тяжело. Меня прошибает пот, а по ночам мучают кошмары, мне снится Омарска, и я опять вспоминаю себя в Омарске, где потерял нескольких моих лучших друзей. До тех пор, пока я не буду знать, что случилось с каждым преступником в отдельности, я не буду иметь покоя, и я клянусь всех, кто считает, что их нужно простить... Никто не имеет права прощать! Ни один человек не имеет права прощать — во имя тех, кто столько потерял. А мои бессонные ночи, а все, ради чего я работал и чего лишился, а то, что я влачу здесь

жалкое существование (в качестве беженца в Хорватии. — Л.А.)! Никто не имеет права прощать за других».

Н.П., 62-летний преподаватель университета из Добоя (Босния), арестованный в 1992 г. и подвергшийся сексуальной пытке, считает, что безнаказанность палачей может привести к травмам в последующих поколениях и создать предпосылки для мщения в будущем:

«Мы ни в чем не виноваты, и если преступники уйдут от наказания, мы так навсегда и останемся травмированными. Мне 62, моим дочерям передалось множество моих переживаний и эмоций, и они, в свою очередь, передадут это своим детям. Если преступники не понесут наказание за то, что подстрекали друг друга к ненависти, это ляжет огромным бременем на плечи последующих поколений».

Говоря об утраченном достоинстве и необходимости моральной компенсации, он признается:

«... Самое тяжелое здесь (имеется в виду сексуальная пытка. — Л.А.) — это унижение. А ведь я был уважаемым лицом в городе. По правде говоря, я уже забыл о физических истязаниях, но вот унижение забыть не могу».

И еще: «... невозможность, неспособность сопротивляться и бессилие (во время пытки. — Л.А.) вызывают у меня иногда чувство вины... Если бы преступники были наказаны, я получил бы какое-то удовлетворение, почувствовал, что нравственность все-таки существует — как и человеческое участие».

Ф.Ф., 67-летний крестьянин из Приедора (Босния), двое сыновей которого сперва подверглись жестокой пытке, а потом были убиты в лагере для интернированных, потерял всякую веру в осуществление правосудия. Прославившийся своими зверствами лагерный охранник и палач его сыновей Душан Тадич предстал перед Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии и был приговорен за это и другие преступления к десяти годам тюремного заключения.

«Если бы мои сыновья были убиты в бою как солдаты! А их, прежде чем убить, десять дней пытали, связали им проволокой язык. Я бы поехал в Боснию, я знаю, где они лежат, в лесу, я бы поехал и похоронил их. Но нельзя, я должен ждать и помалкивать. Кто-нибудь преступников да накажет, и на то будет Божья воля, только сколько же этого дожидаться?»

Мы хотим, что они были пойманы и наказаны. Но даже когда их отправляют в Гаагу (т.е. отдают под трибунал. — Л.А.), они там себе живут припеваючи, а вот когда мы попали в концлагерь, со мной был трехгодовалый внук, и мне нечем было его кормить. И если нам выдавали по два куска хлеба, я оставлял от своего, чтобы дать внуку. А этот преступник живет себе в Гааге барином и ходит при галстукке. Без силы ничего не добьешься, сила решает все. На нас пошли с пушками и выгнали, вот и нам надо вернуться с пушками».

С.П., 55-летний учитель средней школы, арестованный в Боснии в 1992 г. и подвергшийся пыткам, убежден, что нравственность и справедливость — нечто большее, чем просто наказание и материальная компенсация:

«Всякая справедливость начинается с уничтожения созданной преступниками системы. Материальная компенсация — это хорошо, но сперва нам нужно возвратиться домой. Тогда они, преступники, почувствуют свое ничтожество, а мы почувствуем свою силу. Мы победим морально. Иначе это будет похоже на операцию по пересадке почки, когда главное — выжить. Но это не будет означать, что ты одержал моральную победу».

Ф.Х., 40-летняя женщина, перенесшая сексуальную пытку и потерявшая мужа, проводит различие между преступниками и прочими членами враждебной группировки:

«Иногда я просто захожу в тупик. Но я не могу сказать, что ненавижу всех сербов. Я знаю, кто из них приступал ко мне с домогательствами, знаю, кто убил моего мужа, кто разорвал мой дом, я готова была целовать их флаги, только бы они перестали меня избивать. Я знаю, кто из них вспрыгнул мне на спину в сапогах, поэтому я пока еще ненавижу не всех. Если бы мы только могли добиться выдачи Младича и Караджича, тогда бы на душе у меня отлегло».

На протяжении всей своей истории человечество слышало призывы к справедливости. Чтобы справедливость восторжествовала, виновники преступлений должны быть опознаны. Справедливость должна носить направленный характер. Не будет справедливости — не будет прощения. Без прощения нечего ждать примирения. Чтобы прощение было безоговорочным, чтобы исчезло всякое желание мести, а рецидивы насилия были исключены, справедливость должна восторжествовать полнос-

тью. Соккрытие правды и забвение прошлого непременно приведут к очередному кругу насилия. Правда по-древнегречески — Aletheia, слово это сложилось из приставки «а-», т.е. «не-», и Lethe, что означает «забвение». Умы людей, переживших пытки, больше всего волнуют две вещи — безнаказанность палачей и Aletheia. Aletheia — это значит одолеть забвение. ■

Бруно Беттельгейм

О психологической привлекательности Тоталитаризма *

ЗНАНИЕ-СИЛА, № 8, 1997

Жизнь Бруно Беттельгейма — австрийского еврея, политического заключенного, затем эмигранта и наконец крупнейшего практикующего психиатра Америки — оказалась почти что равной веку: он родился в 1903 году, а умер в девяносто первом. На исходе шестидесятых Беттельгейм говорил о трех пережитых его поколением катастрофах, в которых оно переламывалось и формировалось, — это Первая мировая война, Освенцим и Хиросима. Добавлю экспатриацию и необходимость вполне взрослым человеком опять начинать жизнь едва ли не сначала, в иной цивилизации, в другой языковой среде. Двадцать катастро-

фических лет пришлось осмысливать еще как минимум два десятилетия. Он был одним из свидетелей случившегося с миром (и с его собственным миром), нашел в себе мужество исследовать произошедшее и сумел помочь своим современникам признать и осознать ими пережитое. В октябре 1943 года в американском «Журнале патологической и социальной психологии» (издании узкоспециальном) появилась ставшая тут же знаменитой статья Беттельгейма о повседневном существовании в нацистских лагерях — «Индивидуальное и массовое поведение в экстремальных ситуациях». После этого едва ли не каждая публикация

* Пер. с англ. Б.Дубина

ученого на протяжении последующих пяти десятилетий становилась общественным событием. Среди них «Одной любви мало» (1950) — о лечении детского аутизма, «Символические раны» (1954) — о проблемах и ритуалах мужского созревания, «Сведущее сердце» (1960) — о личности в условиях тоталитарного государства, «Чары у нас на службе» (1977) — о символике и психотерапевтической роли волшебных ска-

зок, «Сносные родители» (1990) и многие другие. Думаю, мало кто еще в XX веке заслужил такую прижизненную славу врача-лечителя душ и мало кому в этом столетии она принадлежала до такой степени заслуженно. Публикуемая статья увидела свет в «Американском журнале экономики и социологии» в 1952 году. Перевод сделан по книге «Выживание и другие эссе» (1979).

Борис Дубин

Прежний деспотический правитель либо не требовал от подданных добровольного согласия, т.е. внутреннего одобрения своих взглядов и методов, либо не имел возможности подкрепить подобные требования силой. Предполагалось, что тирану подчиняются все; но поскольку это было так, он уже, как правило, не слишком заботился о том, что про него думают подданные, лишь бы они держали свои мысли при себе, — и не в последнюю очередь потому, что не мог обнаружить, о чем они, собственно, думают.

В тоталитарных государствах нашего времени средства массовой коммуникации обладают почти неограниченными возможностями воздействовать на мысли каждого. Современная технология обеспечивает наблюдение за любым шагом частного лица. Это и многое другое позволяет тоталитарной диктатуре утверждать, что подданные свободны в своих мыслях — а нынешняя технология и массовое общество с неизбежностью требуют этого во многих областях приложения человеческих сил, — и тем не менее добиваться, чтобы подданные придерживались убеждений, которые им считает нужным внушить государство. Так что при диктатурах прошлого можно было существовать внутри системы и поддерживать известную независимость мыслей, а нередко и определенных действий, сохраняя уважение к себе, тогда как в современном тоталитарном государстве сохранять это самоуважение и вместе с тем жить во внутреннем противодействии

системе невозможно. Практически каждый сегодняшний нонконформист стоит перед выбором: или выказать себя врагом этой власти, подвергшись преследованиям и чаще всего уничтожению, или исповедовать на людях то, что глубоко ненавидишь и презираешь втайне.

Нацистское приветствие ввели именно для того, чтобы, сталкиваясь друг с другом в местах публичных и частных встреч — в ресторанах, вагонах железной дороги, конторах, на заводах или просто на улицах, — без труда опознавать тех, кто все еще цепляется за устаревшие «демократические» формы приветствия друзей. Для приверженцев Гитлера ежедневно и многократно повторяемое приветствие служило выражением уверенности в себе, свидетельством господства. Всякий раз как законопослушный субъект его повторял, его «я» укреплялось. Для противников режима — наоборот. Встречая кого-то в публичном месте, нонконформист каждый раз переживал состояние, разрушавшее его «я» и ослаблявшее целостность личности. Если бы приветствие сопротивлялось лишь его сверх-Я, ему было бы легче, но приветствие раскалывало надвое именно его «я», задача которого, согласно психоаналитической теории, — обеспечивать внутреннее и внешнее благополучие индивида, и прежде всего — его выживание, служа посредником между внешним и внутренним мирами и приводя их в соответствие друг другу.

Оставалось одно: убедить себя, что приветствие как бы не в счет, поскольку по нормам окружающей реальности приходится на него отзывать, если не хочешь попасть в гестапо. Целостность личности определяется соответствием ее поступков убеждениям. Поэтому сохранить целостность, отдавая приветствие, можно было только перестав считать его недопустимым.

А это еще больше закабалало, поскольку приветствовать надо было по многу раз в день, и не только официальных лиц — скажем, учителя, полицейского, почтальона, но и ближайших друзей. Даже зная, что друг с тобой заодно — а полагаться на друзей можно было далеко не всегда, — приходилось учитывать других. Стоило ли осложнять положение случайно встреченного человека, отступая от нормы? Поскольку обо всех отклонениях в приветствии требовалось неукоснительно сообщать властям, нарушитель ставил под удар не только себя, но и другого. Так противника нацизма вынуждали или становиться мучени-

ком, испытывая тем самым смелость и убежденность других, или терять уважение к себе.

Если сознание в конфликте с бессознательным, это немедленно скажется на содержании снов. Типичный случай — сон одного свидетеля первых лет фашизма, который решается открыто выразить свой протест против нацистского режима. Повинуясь тому, что сознание считает его моральным долгом, он принимается во сне за письмо протеста. Но отправив его по почте, понимает, что послал в заботливо запечатанном конверте чистый листок бумаги. Дело здесь не только в том, что герой совершает типичную ошибку «по Фрейду» и справедливая тревога за себя заставляет его поступить наперекор сознательным намерениям; во сне ему открывается, что эта тревога — скажем иначе, самозащита — рано или поздно победит его убеждения. Человек даже во сне понимает, к каким разрушительным для его самоуважения последствиям ведут подобные внутренние конфликты и способы, которыми реальность принуждает их так или иначе разрешать. Сначала он чувствовал себя очень гордым, решившись-таки выразить протест, а потом — глубоко пристыженным, не сделав этого. В конце концов сон оставил в нем чувство униженности и стыда за себя.

Душевный конфликт в связи с гитлеровским приветствием переживали многие немцы. Это находило бессознательное выражение в снах, один из которых я здесь приведу. Вскоре после прихода Гитлера к власти некий фабрикант увидел во сне, что его предприятие посещает Геббельс. «Перед строем рабочих я должен был вскинуть руку в нацистском приветствии. Мне понадобилось полчаса, чтобы поднять ее сантиметр за сантиметром... И вот я стоял на собственной фабрике, с поднятой рукой торча перед своими рабочими. И стоял так, пока не проснулся».

Этот в корне не принимавший нацизма человек решал во сне ту же проблему, которая занимала и его сознание: должен ли он — и сможет ли — поступиться своими убеждениями ради того, чтобы сохранить за собой фабрику? (В первые годы гитлеровского режима отказ от фашистского приветствия еще не угрожал жизни, касаясь лишь благосостояния.) Сон предсказывал, каким, скорее всего, будет итог, воспринятый, однако, с глубочайшим отвращением. По словам героя, борьба во сне за то, чтобы поднять руку, «переломила ему позвоночник». Позвоноч-

ный столб — обычная метафора твердых убеждений и действий в согласии с ними. Сон приоткрыл сновидцу то, что он знал, но таил от себя: только он сам может перебить себе моральный хребет, никакому режиму это не под силу. Не Геббельс заставил его поднять руку в приветствии — он сам принудил себя это сделать, чтобы не выдать своих разногласий с системой. Факт, что режим способен заставить людей делать такое с самими собой, показывает, до каких разрушительных последствий доводит его воздействие. Сны активно сражавшихся с системой и потому не осаждаемых внутренними вопросами, решаться на это или нет, были совсем иными. Не то чтобы эти люди вовсе не ведали тревог: им, скажем, снилось, что их поймали и пытаются гестаповцы — опасность вполне реальная. А в другой раз им могло присниться, что они победили. Так или иначе, им не снилось, что они вынуждены, ломая собственные убеждения, подчиниться врагу.

Сказанное о фашистском приветствии относится, конечно, и к другим повседневным чертам нацистского режима. Приведу еще один пример из жизни школьницы. Однажды ей с одноклассницами предложили участвовать в переписи населения. Уклониться значило опять-таки рисковать своим и семейным благополучием, к тому же внешне предложение выглядело вполне безобидным. Но уже во время переписи девочка вдруг почувствовала, как что-то в ней сопротивляется заданию расспросить о подробностях существования у одной еврейской семьи. Она поняла, что собеседники ненавидят ее как представительницу режима, и это вызвало в ней озлобление — озлобление против них. Тут она догадалась, что именно этого и добивался от нее режим, и оценила его способность вызывать чувства наперекор воле. Это пробудило в ней презрение к себе. Теперь она ненавидела себя за участие в программе, направленной — под видом переписи — против евреев. Конечно, она ненавидела режим, который вверг ее в это безвыходное положение, но еще больше — себя. Это окончательно разрушало в ней остатки самоуважения.

Так тоталитарный режим почти ежедневно ставил человека перед требованиями, которые он должен был исполнять либо рисковать собственной жизнью. Многие противники системы, подчиняясь подобным требованиям, начинали ненавидеть и ее, и самих себя. Вскоре это ввергало их в тяжелейший внутренний конфликт: действовать ли по убеждениям и рисковать, либо

остаться в безопасности, но чувствовать, что трусишь и предаешь самое дорогое. Режим, нимало не трогаясь их ненавистью, продолжал существовать, тогда как они по-настоящему мучились, так как не могли примирить явное поведение и скрытые ценности; тем самым режим оказывался разрушительным для их целостности, а также — поскольку они поступали вопреки убеждениям — и для их уважения к себе. И самоуважение, и целостность личности — это, подчеркну, единственные психологические подпорки, которые способны поддерживать нас, давая силу жить в мире, постоянно угрожающем уничтожением.

Чаще всего противник системы не находил избавления даже внутри собственной семьи. Крайне редки были семьи, целиком состоящие из антифашистов. Особенно чувствительными к внушению — в школе, в юношеских гитлеровских организациях — оказывались дети. Их убеждали следить за родителями и сообщать властям. Подчинялись немногие. Но дети тех, кто придерживался антифашистских взглядов, попадали в трудный конфликт между приверженностью родителям и обязанностями по отношению к государству, которое учило их, что выдать изменника — долг каждого. Подобные конфликты мучили ребенка, и он начинал ненавидеть всех, кто вверг его в такой психологический тупик.

Рано или поздно ребенок озлоблялся против политических убеждений родителей, если не против них самих — ведь именно они создавали для него все эти проблемы. С другой стороны, и родители, понимая давление, оказываемое на их ребенка, старались скрывать свои подлинные взгляды, не то чтобы опасаясь предательства, а не желая осложнять жизнь ребенку. Поэтому даже дома и в кругу семьи невозможно было избавиться от лицемерия: оно сопровождало и в четырех стенах, в самых задушевных проявлениях семейной жизни.

Лишь убежденные нацисты были согласны друг с другом во всем, и это еще теснее сплачивало семьи приверженцев режима. Противникам же приходилось, напротив, сражаться не только с самой системой, но куда чаще — друг с другом, и если не по принципиальным вопросам, то хотя бы по обиходным мелочам. Всегда оставалась одна беспокоящая проблема: как сопротивляться, не подвергая опасности всю семью, и мучительный вопрос, имеет ли человек право рисковать свободой, благополучием

и существованием партнера или ребенка ради собственных политических и моральных убеждений.

В подобных политических разногласиях внутри семьи рано или поздно выносились на поверхность и получали запоздалое оправдание все прежние семейные конфликты, которые сами по себе не имели с политикой ничего общего: раздоры между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами. Вот лишь один пример.

Жена некоего высокопоставленного правительственного чиновника придерживалась непримиримых антифашистских взглядов. Ее муж, неплохой в общем человек, не принимал многое из того, с чем по положению был вынужден мириться. Обеспеченная супруга могла не работать и не работала, а потому имела возможность уклоняться и от неприятного ей гитлеровского приветствия, и от тех или иных бесчисленных официальных и партийных обязанностей (они практически не различались), которые, соответствуя требованиям системы, приходилось выполнять ее мужу.

Разумеется, никто в семье не хотел, чтобы глава семейства поступил своим положением и тем самым вверх родных в крайнюю нищету. А заподозри государство, что у него все эти годы было на уме, семья подверглась бы публичному ostracismu, кто-то, вероятно, — и открытым преследованиям. Пользуясь удобствами, которые давало ей и всей семье внешнее сотрудничество мужа с нацистами (включая возможность не появляться на улице и не отдавать приветствие, а потому и не входить в конфликт с собственными ценностями), супруга резко критиковала мужа за то, что он изменяет своим убеждениям. Спор подпитывался и обострялся старыми разногласиями между супругами, давно уже избегавшими друг друга.

Обида на жену, которая его критикует и стыдит, постепенно отвращала отца семейства и от ее антифашистских взглядов. Страх, что они обнаружатся и подвергнут опасности всех, давал дополнительный повод раздражаться на жену, чьи убеждения и поступки замыкают семейство в изоляции, еще больше осложняя официальное общение нашего героя с сослуживцами. Поскольку дома на него, ради сохранения статуса попросту следовавшего официальной политике, смотрели свысока, тогда как вне дома его внешнюю приверженность системе, напротив, го-

рячо одобряли, у главы семейства постепенно, но неуклонно исчезали те мысленные увертки по поводу режима, которые так отяжеляли ему служебную и домашнюю жизнь. В итоге наш герой, как ни трудно это было, примирился с режимом. Тем самым он проявил, наконец, приверженность собственным ценностям, как жена — своим, т.е. как бы сделал то, чего она от него столько времени требовала. И теперь он уже не чувствовал себя ниже ее, жившей все эти годы в согласии со своими ценностями; больше того, он даже мог испытывать моральное превосходство над нею, как прежде она над ним: ведь отвергая его политические взгляды, она не отказывалась пользоваться тем, что ему эти взгляды давали.

Дети разделились между матерью и отцом. Сыновья давно приняли нацизм, поэтому после своего обращения отец, презираемый женой и дочерью, стал пользоваться полной поддержкой мужской половины; теперь он был уже не так одинок. Сыновья не поддерживали взглядов матери, но и не придавали им особого значения, считая ее несовременной, непросвещенной и старомодной особой. Дочь же целиком встала на сторону матери и, как она поняла позднее, не столько по несогласию с отцом, сколько из соперничества с братьями; кроме того, ценности матери казались ей очень привлекательными, а последовательность в их отстаивании не могла не впечатлить девочку.

Став старше, дочь поняла, что политические разногласия родителей уходили корнями в их давнюю семейную размолвку. Раздор между близкими был для дочери очень болезнен, она хотела, чтобы в доме царил мир. В ней нарастало озлобление против политики, а политические взгляды все больше представлялись простым оружием в борьбе одного человека с другим, ведь политика лишила ее семейной жизни, в которой она так нуждалась. Но поскольку все относящееся к политике казалось ей в равной мере отвратительным, она теряла и свои антифашистские — или продемократические — убеждения.

В конце концов дочь хотела одного: чтобы семья снова сплотилась и родители жили дружно. В отрочестве она поняла, что взгляды ее матери объединить семью не сумеют; из-за них отцу придется лишиться работы, а она и братья не смогут поступить в университет. Она все еще восхищалась матерью, верной своим убеждениям, но вместе с тем и ненавидела ее, разрушившую един-

ство семьи. Это ввергало девочку в глубокий внутренний конфликт, у истоков которого лежал конфликт между родителями.

Дочь, повзрослев, смогла оценить ситуацию трезво. Она увидела, что мать порвала все связи с миром, оставшись — ради верности своим убеждениям — совершенно одинокой даже в собственном доме. Девочка чувствовала, как ей все труднее расходиться во взглядах со сверстниками, и в конце концов признала нацизм. Отвергнув все, что отстаивала мать, дочь освободилась от внутреннего конфликта между восхищением смелостью матери и обидой на нее за раскол семьи. Перелом освободил ее и от конфликта между собственными ценностями и требованиями общества. Она впервые чувствовала глубокое душевное успокоение, однако приписывала эту новую способность наслаждаться жизнью не разрешению застарелого внутреннего конфликта, а более позитивному взгляду на мир, внушенному ей воспринятым нацизмом, что еще раз говорило в его пользу.

Как видим, на самом грубом, внешнем уровне привлекательность тоталитаризма в том, что, примиряясь с ним, достигаешь согласия с ближними и остальным миром, переставая тем самым быть чужаком. На более глубоком — или высоком — уровне тоталитаризм притягателен тем, что восстанавливает внутреннюю целостность человека, подвергающуюся опасности, когда он вынужден поступать вопреки собственным чувствам. На некоторых людей потребность в разрешении этого противоречия давила так сильно, что они шли на самоубийство. Другие попадали в руки гестапо как бы из-за случайной небрежности, подсознательно мотивированной желанием покончить с этим противоречием, даже если придется отправиться в концлагерь. Но подавляющее большинство прежних антифашистов сложили оружие и встали на сторону режима. Не присоединяясь к партии и не разделяя до конца ее ценности, они стали видеть в режиме некие светлые стороны, хоть и сохранили критическое отношение к некоторым аспектам системы.

Фашистское приветствие — столь малозначительная, но оказывающая такое воздействие на людей деталь системы — касалось лишь внешнего поведения, как и настенная карикатура на Гитлера или, скажем, в других обстоятельствах — на Сталина. Они приобретали чудовищную важность лишь потому, что всякий день и час сознательной жизни напоминали неконформис-

ту о его неспособности жить в согласии со своими ценностями. При всей психологической грубости подобных механизмов вряд ли кто станет отрицать их высочайшую эффективность.

Были нити и потоньше. Столь мощная сила контроля извне возобновляла в человеке детские взгляды и чувства. Только в детстве другие люди — родители — обладают подобным могуществом ввергать нас в безнадежные внутренние конфликты, если наши желания расходятся с их собственными. Вначале ребенок, как и нонконформист, противится контролирующей его силе. Но она столь же велика, сколь и притягательна (ведь ничто так не удается, как успех!), и чем господство над ребенком успешнее, тем большей привлекательностью оно обладает, в конце концов усваиваясь в качестве сверх-Я.

Стоит на минуту задуматься о системе воспитания в стране перед приходом Гитлера к власти, о системе, в которой ребенок всюду видят, но никогда не слышат, и мы легко поймем особую притягательность гитлеровского режима для немецкого юношества. Почти в любом обществе дети страдают от принудительного воздействия взрослых. Тоталитарная система делает юношей и девушек свободными, убеждая их высказываться во весь голос, следить за родителями и сообщать, если они не повинуются законам системы.

Не стоит забывать, что тоталитарные системы обычно возникали в обществах с жесткой иерархической организацией — если и не собственно феодальных, то по крайней мере патерналистских. Глава государства, органы исполнительной власти (скажем, полиция), армия, учителя выступали мощной заменой родительского образа или, точнее, суррогатом сверх-Я. Суррогатами сверх-Я служили представители власти, которые психологически отождествлялись с родителями и повеления которых воспринимались поэтому как усвоенные родительские приказы.

Нередко даже в концлагере вера во власть и справедливость полиции была настолько сильна, что заключенные не хотели признавать несправедливость своего наказания. Они заставляли себя найти хоть какую-то собственную вину. Внутреннее желание опеки со стороны сверх-Я очень велико, и чем слабее «я», тем это желание сильнее. Поскольку же в тоталитарных системах самыми могущественными заместителями сверх-Я служат вожди и их представители, короче говоря — система как тако-

вая, добиться одобрения можно только отождествившись с системой. Подчиняясь приказу извне, чувствуешь себя свободным от вины, а потому — в безопасности.

Таить и постоянно чувствовать в себе сверх-Я с его критикой общества, в котором вынужден жить, крайне болезненно. В целом это возможно только если тебе доступны и другие, альтернативные образы сверх-Я. Американцам нелегко понять наши трудности: они растут в свободном обществе, где их окружают различные образы сверх-Я, из которых можно выбирать. Есть, например, пуританин или приверженец свободы воли, мужчина в сером сюртуке или ковбой, а также много других. Но в гитлеровской Германии все образы сверх-Я сводились к одному, и было чрезвычайно трудно сформировать или поддерживать глубоко личный образец, расходясь с окружающим обществом.

В тоталитарных государствах противники режима живут в постоянном страхе совершить ошибку — раскрыть свои подлинные чувства, поставив на карту жизнь — свою, а то и своей семьи. Поэтому им приходится быть безупречными актерами. Но для этого надо прочувствовать роль, сжиться с ней. Лишь превратившись в послушного члена тоталитарного государства, человек может быть спокоен, что его не заподозрят в невыполнении какого бы то ни было приказа.

Привлекательность тоталитаризма — в его обещании разрешающего самые суровые внутренние конфликты мира с собою и дающего чувство собственной безопасности согласия с окружающим. К несчастью для противника режима, согласие и мир достигаются лишь утратой самостоятельности, самоуважения и человеческого достоинства. Царящее в тоталитарных государствах спокойствие оплачено гибелью души. ■

ДОКТОР ЛЕО ЭЙТИНГЕР

(12.12.1912–15.10.1996)

A TRUE HUMANITARIAN. Torture, Volume 3, Number 1, 1993

Inge Genefke. SJOA 1912–1996.
(from ICTD Documentation Center)

Лео Эйтингер родился 12 декабря 1912 года в городе Ломница (тогда — часть Австро-Венгерской империи, теперь — Чехия). После получения диплома врача в 1937 году был призван в Чешскую армию. Ему запретили заниматься врачебной практикой, поскольку он был евреем. Позднее ему отказали во въездной визе, поскольку он был врачом!

Лео Эйтингер эмигрировал в Норвегию в 1939 году благодаря содействию Fridtjof Nansen («Nansen Aid Programme»).

На новой родине ему позволили практиковать как врачу, но после оккупации Норвегии нацистами в 1940 году отказали в этом праве вторично, снова из-за еврейского происхождения. Он был арестован в марте 1942 года и находился в различных тюрьмах и концентрационных лагерях.

В лагере он лечил союзников-евреев, потому что они не имели права получать какую-либо медицинскую помощь; в то же время ему приходилось работать в каменоломнях, где большинство узников подвергались садизму нацистов.

В 1943 году Эйтингер был депортирован в лагерь Освенцим (Auschwitz KZ-camp), где стал работать врачом. (Шестьсот евреев из Норвегии были отправлены в Освенцим,

и только 12 из них выжили). Во время пребывания в этом лагере он помог некоторым своим товарищам избежать газовых камер, сфальсифицировав их документы. В январе 1945 года его отправили в концлагерь Бухенвальд, где он оставался до конца войны.

Освенцим показал ему, «что может совершить в человеке зло в сочетании с сумасшествием расизма», как сказано в его книге «Experiences of Life». В отличие от многих, кто помогал бывшим узникам концлагерей после войны, Лео Эйтингер знал ситуацию изнутри и имел последствия такого трагического опыта. Поскольку это знание базировалось на его опыте пребывания в нацистских лагерях, его последующая работа в качестве психиатра фокусировалась на таких вопросах: возможно ли вообще снова стать целостной и нормально функционирующей личностью после того, как были пережиты такие ужасы? возможно ли осознать последствия такого нечеловеческого обращения? каковы возможности помощи этим людям? Бывало, он цитировал философа Теодора Адорно: «Возможно ли думать о гуманности и роде человеческого после Освенцима? После Треблинки возможно ли будет снова писать поэзию?».

После освобождения Лео Эйтингер возобновил врачебную практику в Норвегии и стал врачом-психиатром. Естественно, его беспокоило состояние бывших узников концлагерей и он всячески помогал им. Он был профессором психиатрии в Психиатрической клинике в Осло с 1966 года до ухода на пенсию в 1984. На-

учные исследовательские публикации Эйтингера с 1945 года до 1990-х посвящены травмам бывших узников концлагерей. Психиатрические исследования беженцев в Норвегии показывали, что они имели более высокий уровень заболеваемости, чем население этой страны в целом.

Лео Эйтингер получил признание во всем мире за большую бескорыстную работу по оказанию помощи своим товарищам — узникам концлагерей. Его исследовательская работа по KZ-синдрому (синдром концлагеря) стала основой для всей дальнейшей работы в этой области.

Исследования KZ-синдрома отражены в его работах «Concentration Camp survivors in Norway and Israel» и «Morality and Morbidity after Excessive Stress», в которых вместе с Axel Strom он описал типы и степень изменения здоровья у норвежцев, оставшихся в живых после пребывания в концентрационных лагерях, спустя много лет после освобождения.

Лео Эйтингер — один из основателей медицинской виктимологии, исследующей последствия жестокости у ее жертв. Он был одним из главных вдохновителей Реабилитационного исследовательского центра для жертв пыток в Копенгагене.

Исследуя влияние агрессии на жертв, он первым сосредоточил свое внимание на жертве, а не на агрессоре. Основным объектом его исследований стала способность жертвы преодолевать тревогу, страхи и другие последствия, например изнасилование, нападение, взятие в заложники (вместе с профессором психиатрии Lars Weisæth Эйтингер

задокументировал «Стокгольмский синдром».

В одной замечательной книге о Лео Эйтингере «Доктор для жизни» приведено высказывание о нем одного из многочисленных узников концлагеря, Нобелевского лауреата мира Эли Визеля, который многим ему обязан: «Даже там внизу, в человеческом аду, даже там можно быть человеком. И добрым. Чему мы научились от Sjoa? Это тому, что

человеческое существо должно доказать, что оно человек даже в мире, где ему предстоит пережить унижение и ужас. Среди слез жертв и насмешек палачей, среди боли, болезней и слез пациентов возвышается благородный представитель рода человеческого».

Профессор психиатрии Лео Эйтингер умер 15 октября 1996 года в Осло в возрасте 83 лет.

Лео Эйтингер (Leo Eitinger)

Совладание с агрессией

Mental Health and Society, 1, 1974, pp. 297-301

Приведено краткое обзрение механизмов совладания, использованных заключенными концлагерей и описанных несколькими авторами, а также предпринята попытка определить механизмы совладания. На основании интервью с более чем 2000 бывших заключенных концлагерей показано, что те из них, кто сохранил свою систему ценностей более или менее неразрушенной даже в условиях социальной аномалии, были в состоянии мобилизовать наиболее адекватный механизм совладания. Это также оказалось наилучшим способом выживания без чрезмерных психологических нарушений после войны.

Жестокость и агрессия многолики. В своих исследованиях я больше сталкивался с жертвами, чем с причинами агрессии либо самими агрессорами. Я намерен представить некоторые результаты полуструктурированных интервью, проведенных в течение нескольких лет с примерно 2000 человек, которые уцелели после нацистских концлагерей. Около половины из них были норвежцы, родившиеся и воспитанные в Норвегии, неевреи, остальные — евреи и неевреи из Центральной Европы, бежавшие в Норвегию и уцелевшие в Израиле. Во время этих интервью один из поставленных вопросов был таким: почему одним людям удалось пережить ад лаге-

рей, а другим — нет? После установления адекватного межличностного контакта вопрос задавался непосредственно интервьюируемому.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что определенный физический минимум возможностей для выживания должен присутствовать вообще для того, чтобы дифференцировать проблемы механизмов совладания. Первая теория совладания с агрессией в концлагерях была изложена Беттельгеймом [1] в 1943 году. По его мнению, большинство людей, заключенных на длительные сроки, старались совладать с жестокостью и агрессией, с которыми они сталкивались в лагерях, идентифицируя себя с агрессорами. Беттельгейм не определяет совладание детально, поэтому я попытаюсь сделать это и рассмотреть как позитивную форму механизма совладания реакцию индивидуума, которая помогла ему не только выжить, но и насколько возможно сохранить свое психическое здоровье ненарушенным, как во время пребывания в лагере, так и на протяжении постлагерной жизни. Уже само определение характеризовало бы механизм совладания, описанный Беттельгеймом как негативный. К тому же описание его основано на лагерном опыте, который не имеет ничего общего с реалиями военных концлагерей. Я не могу развить эту мысль в деталях, но хотел бы упомянуть только критические моменты. В довоенных лагерях общепринятой целью было своего рода перевоспитание заключенных, во время войны — их истребление. В довоенных лагерях заключенных-евреев часто освобождали, особенно если у них была возможность эмигрировать (что подтверждает судьба самого Беттельгейма). Во время войны был практически лишь один путь из лагеря — через трубы крематориев. Заключенные-евреи фактически все были приговорены к смерти; их пребывание в лагере было лишь последней возможностью использовать оставшиеся силы и отсрочить исполнение смертного приговора.

Несомненно, некоторые заключенные отождествляли себя с агрессором. Это также становилось возможным благодаря тому, что эсесовские охранники передавали часть своей неограниченной власти тщательно отобранным заключенным. Но любая смена режима в лагере, любое перемещение в другой лагерь или в другое его подразделение заканчивались развенчанием этих суперзаключенных, обычно очень резко и с фатальным исходом

для тех, кто был в это вовлечен. Как подобные случаи, так и мои интервью подтверждают, что отождествление себя с агрессором было негативным механизмом совладания, приводящим к гибели тех, кто в этом участвовал, и в нескольких случаях, когда они выживали, — к сильным патологическим изменениям их личностей. (С точки зрения общей психической гигиены должно считаться неприемлемым то, что теория Беттельгейма до сих пор принята и даже преподается в некоторых школах в США.)

В противовес точке зрения Беттельгейма, Франкл [4] правильно подчеркивает, что если у вас есть ради чего жить, количество страданий, которые вы можете вынести, практически безгранично. Описание соглашения с судьбой, которое приводит Франкл, предполагает, что каждое несчастье, каждое травмирующее событие и т.д., которым подвергался заключенный, избавит его товарища в другом лагере от такого же несчастья. Такое соглашение, конечно же, очень трогательно и глубоко человечно, но случаи, собранные в моих интервью, свидетельствуют о том, что это крайне редкая форма механизма совладания, которая, скорее всего, является самообманом. Трудно сказать, насколько это может помочь человеку, когда он в конце концов сталкивается с суровой действительностью. Никто из интервьюированных не упоминал об этом виде механизма совладания, следовательно, его использовали не очень часто либо он не привел к позитивным результатам.

Группу людей, способных мобилизовать наиболее адекватный механизм совладания, составляли, согласно моему опыту, те, кто по разным причинам смог сохранить свою личность и систему ценностей более или менее неповрежденной даже в условиях почти полной социальной анонии. Больше всего повезло тем, кто благодаря своей профессии мог проявлять интерес и был интересен другим, кто мог сохранить свои нормы и ценности в лагере на таком же уровне, как и за его пределами. Несколько счастливыми были доктора, медсестры, даже социальные работники и священники, как описал Крал [5] в Терезинштате (Терезин). Все они были больше поглощены мыслями о проблемах своих товарищей-заключенных, нежели о своих собственных, и проходили через испытания в лучшем психическом состоянии, чем обычные узники лагеря. Однако только немногим это удалось. Большая часть должна была искать другие способы

совладания, о которых можно узнать, наблюдая за теми, кто не был способен поступить так же.

Наиболее легко прекращали сопротивляться заключенные, полностью изолированные от своих семей, лишённые всех контактов с теми, с кем они были связаны до войны, люди, которые быстро отрекались от своих сокровенных ценностей, те, кого угнетала мысль о том, что у них нет никого и ничего, ради чего можно бороться или жить, кто чувствовал себя абсолютно подавленным и потерял способность сохранять какую-либо энергию. Симптомы чувства безнадежности и покорности опытные наблюдатели могли заметить достаточно рано.

С другой стороны, мои интервью показали, что заключенные, у которых была возможность оставаться с некоторыми членами своей семьи, контактировать с отдельными людьми из своего довоенного окружения, помогать другим и получать помощь, стойко сопротивлялись. Наряду с другими это установил и Люхтерханд [6]. Они не утратили полностью чувство собственности и человеческого достоинства и ценности — ни в своих глазах, ни в глазах своего ближайшего окружения. В некоторой степени это соответствует данным, полученным у бывших заключенных, интервьюированных в Норвегии и Израиле. Когда бывших узников-норвежцев спрашивали о том, что больше всего помогло им выжить, ответы были почти стереотипные — пребывание вместе с другими норвежцами.

Ответы израильтян были разнообразнее из-за сложных семейных и групповых взаимоотношений во время заключения.

Были также и другие механизмы совладания. Один — тоже описанный Беттельгеймом [1] — заключался в позиции отстраненного наблюдателя. Некоторым людям действительно удавалось убедить себя, что жизнь в лагере на самом деле не имела отношения к их жизни. Они не были невольниками и теми, с кем жестоко обращались. Они были просто зрителями ужасной драмы, в которой их собственные тела случайно были также актерами. Или, как выразился Беттельгейм, «эта пытка происходит с моим телом, а не со мной». Однако лишь менее 1% интервьюированных упоминают об этом механизме совладания. Это значит, что он или не очень востребованный, или не очень удачный. Учитывая собственный опыт, я склонен поддержать следующее мнение. Человек, который считал свое окружение ненас-

тоящим, неизбежно становился изолированным и постепенно терял контакт с другими и с реальностью. Но мне кажется, что такой контакт был необходим для того, чтобы воспринимать себя и своих собратьев-заключенных как дружественных человеческих существ.

Невозможно подробно рассказать обо всех механизмах совладания, упомянутых теми, кто давал интервью. Но один из самых важных — это сохранение способности принимать, хоть изредка, решения. Например, как поступить с дневной пайкой хлеба, как соблюдать личную гигиену. Решающим фактором всегда было то, что они не считали себя совершенно пассивными, не теряли мыслительной способности планировать и осуществлять свои планы.

Они были способны управлять крошечным остатком права решать для себя, не желали быть совершенно подавленными обстоятельствами, а продолжали быть личностями и индивидуальностями.

Стоит заметить, что некоторые из выживших признавали, что им помог случай или просто повезло, без какого бы то ни было влияния с их стороны.

Сравнивая группы выживших, которые мобилизовали механизмы совладания более или менее сознательно и активно, с теми, кто приписывает свое выживание просто везению или случаю, кажется, на статистически достоверном уровне, что у первых наблюдается меньше психиатрических осложнений, нежели у вторых. Другими словами, механизмы совладания, которые усиливали личностный контакт с группой, совладание, основанное на целостной и позитивной системе ценностей, на сохранении самоуважения как человека в самом лучшем и подлинном смысле этого слова, оказались важными в отношении не только способности непосредственного выживания, но и способа выживания, при незначительном количестве психологических нарушений и без разрушения личности, если испытания, подобные испытаниям концлагерей, позволяют это вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bettelheim, B.: Individual and mass behaviour in extreme situations. J. abnorm. soc. Psychol. 38: 417—452 (1943).

2. Eitinger, L.: Concentration camp survivors in Norway and Israel (Oslo University Press, Oslo 1964 / martinus Nijhoff, The Hague 1972).
3. Eitinger, L. and Askevold, F.: in Strøm: Norwegian concentration camp survivors (Oslo University Press, Oslo 1968).
4. Frankl, V.E.: From death-camp to existentialism (Beakon Press, Boston 1959).
5. Kral, V.A.: Psychiatric observation under severe chronic stress. *Am. J. Psychiat.* 108: 185–192 (1951).
6. Luchterhand, E.: Prisoner behavior and social system in the Nazi concentration camps. *Int. J. soc. Psychiat.* 13: 245–264 (1967). ■

Нанси Адлер, Семен Глузман

Пытка психиатрией. Механизм и последствия

Вісник АПУ, № 2, 1995, стр. 98-113

Существование злоупотреблений психиатрией с целью репрессирования политических противников, инакомыслящих, к сожалению, неопровержимый факт для СССР. Сегодня мир получил возможность читать воспоминания прежних жертв карательной психиатрии, таких как В.Буковский, П.Григоренко, Л.Плющ.

История сделала крутой вираж. Нет прежнего СССР, внимание мира приковано к бурной политической жизни разделяющихся частей этой последней империи, некоторые бывшие диссиденты-узники оказались в законодательных и властных структурах своих суверенных государств. Но — только некоторые. Большинство тех, кто составлял костяк «тюремной оппозиции» в СССР, по-прежнему весьма малоинтересны общественности как в собственной стране, так и за рубежом. Постаревшие, больные, измученные люди, отдавшие лучшие годы своей жизни на противостояние молоху тоталитаризма, сегодня в одиночестве решают свои собственные проблемы. Или не решают их вовсе.

Наша работа преследует тем самым и совсем не научную цель. Мы хотим привлечь внимание к судьбе тех, кто ни по интеллекту, ни по образованию, ни по жизненным установкам не мог и не хотел быть избранным в парламент, писать воспоминания и

т.п., но чья жизнь, чья судьба заслуживают внимания. Иногда, впрочем, требуется не только внимание, но и помощь.

Мы поставили перед собой цель исследовать состояние людей, освобожденных из психиатрических тюрем, людей, наказанных психиатрическим лечением исключительно по политическим мотивам. Нами использованы только те случаи, в которых необоснованность психиатрического ярлыка подтверждена комиссиями Всемирной психиатрической ассоциации, Американской психиатрической ассоциации, экспертами других стран или компетентными неполитизированными психиатрами в самом СССР.

Сбор материала для исследования представлял определенные трудности, типичные при обследовании людей, подвергшихся насилию с проявлением жестокости. Такие люди редко спонтанно рассказывают о пережитых потрясениях [22], болезненно реагируют на воспоминания ухудшением ночного сна, легкой депрессией, снижением коммуникабельности.

Всего исследовано 22 человека, из них — две женщины. Основным методом исследования было так называемое свободное интервью, но с выведением на интересующие нас темы. Кроме этого, мы опирались на официальные документы — как судебные, так и медицинские, письменные воспоминания, в том числе и неопубликованные.

Исследуемые нами люди находились на принудительном психиатрическом лечении в разное время в различных психиатрических учреждениях СССР в период с 1968 по 1987 г. Их возраст во время психиатрического заключения варьировался от 23 до 62 лет; 14 испытуемых имели к моменту ареста законченное высшее образование, 17 — имели семьи.

Для сравнения мы использовали источники, сообщающие о психических последствиях сходных стрессовых воздействий в другие эпохи и в других странах (т.е. в иных культурных традициях) [3; 6; 12; 15; 17–20].

Все нами исследованные люди были арестованы, а затем направлены на принудительное психиатрическое лечение исключительно по политическим мотивам. В большинстве случаев арестам предшествовали прямые конфликты с органами власти, потеря любимой работы, давление властей на членов семьи. Из 22 исследуемых лишь один в прошлом наблюдался психиатром

по месту жительства по поводу невротического состояния, что никак не сказывалось тогда на его социальной адаптации и высокой профессиональной компетентности. У прочих какие-либо психиатрические эпизоды в анамнезе отсутствовали.

У семи исследуемых первому принудительному осмотру психиатрами предшествовали очевидные, косвенно документированные конфликты с представителями властей, связанные с поступками или политическими высказываниями. Обращает на себя внимание, что принудительному психиатрическому осмотру всегда предшествовали контакты с офицерами КГБ (естественно, по инициативе самого КГБ). Остальные пятнадцать были направлены на психиатрическую экспертизу после ареста, до этого каких-либо формальных контактов с психиатрами не имели.

Все 22 человека экспертными комиссиями были признаны психически больными и затем на этом основании определены судом невменяемыми и нуждающимися в принудительном лечении в стенах специальных психиатрических больниц Министерства внутренних дел. Распределение по диагнозам было следующим: параноидная шизофрения — 3, вялотекущая шизофрения — 11, сутяжно-параноидальное развитие личности в рамках психопатии — 8.

Специфика условий «лечения» в специальных психиатрических больницах МВД СССР описана достаточно выпукло [4; 10]. Несомненно, что эта мера сугубо психиатрических репрессий была более серьезной, более устрашающей, нежели обычное, тюремно-лагерное заключение. Здесь власти применяли стрессовые воздействия гораздо более широкого спектра и более интенсивного действия. Все многообразие стрессорных факторов, которые ощущали на себе узники психиатрических тюрем, можно разделить на три вида.

1. Стрессоры физического характера.

а) *Чрезвычайная скученность в камерах.* Бывшие узники специальных больниц и международные эксперты свидетельствуют о том, что пройти между кроватями было трудно даже одному человеку. Говорить о каком-либо передвижении одновременно нескольких не приходится. Таким образом, узники были обречены постоянно пребывать на кроватях сидя или лежа, дыша спертым воздухом (отсутствие принудительной вентиляции в камерах повсеместно).

б) *Грубая, однообразная, скверная пища.* В советских пенитенциарных учреждениях скудный пищевой рацион традиционно является одним из наиболее эффективных методов воздействия на поведение узника. Но специфика психиатрических тюрем состояла в том, что узники получали пищи меньше, нежели в тюрьмах или лагерях, по одной очевидной причине: значительную часть содержимого общего пищевого «котла» съедали так называемые санитары, набранные для принудительной работы в специальных больницах из числа обычного тюремного контингента — преступников, осужденных за уголовные преступления к лишению свободы. Бывшие узники специальных психиатрических больниц сообщают также, что эти санитары при полном попустительстве администрации шантажом, угрозами и побоями вымогали у узников значительную часть продуктов питания, передаваемых в весьма ограниченном количестве родственниками с воли.

в) *Отсутствие приемлемых условий для физической разрядки и пребывания на свежем воздухе.* Предусмотренные ежедневные прогулки в течение 1 часа на деле сводились к тому, что узников покамерно выводили в небольшие тюремные дворики, совершенно лишённые растительности и какого-либо спортивного инвентаря. Бетон стен, асфальт под ногами, частая сетка из колючей проволоки сверху — таковы типичные условия для прогулок. К тому же время прогулок почти всегда произвольно сокращалось вдвое в соответствии с желанием администрации, но не узников (это облегчалось и полным юридическим бесправием узников, признанных психически больными, и отсутствием у них часов, что типично для всей советской пенитенциарной системы).

г) *Самым тяжелым физическим мучением,* по словам бывших узников, *было отсутствие в камерах туалетов.* Отправление физиологических потребностей допускалось только в установленное администрацией время суток и в строго предусмотренные для этого три минуты для каждого. Полагаем, нет смысла комментировать это... Достаточно лишь напомнить, что основную часть контингента составляли не диссиденты, а действительно тяжело больные, психически дефектные люди с разрушенными нравственными нормами. Следует также вспомнить, что все узники специальных психиатрических больниц в боль-

ших дозах получали нейролептики, отнюдь не ускоряющие перистальтику кишечника.

д) Несомненным физическим стресс-фактором были для узников и *избиения*, которым они подвергались со стороны уголовников-санитаров. Зачастую эти избиения были столь жестокими, что влекли за собой тяжелейшие последствия. Свидетели рассказывают и о конкретных случаях смертей в результате побоев, называют соответствующие имена.

2. Стрессоры морально-психологического характера.

а) Сам *факт диагностирования тяжелого психического расстройства* и необходимости интенсивного принудительного лечения являлся, несомненно, чрезвычайно сильным стресс-фактором для психически здоровых диссидентов.

б) Тяжелейшим моментом такого наказания являлось *отсутствие конкретного срока заключения*. Регулярные комиссионные обследования (один раз в шесть месяцев) всегда проводились явно для проформы; решение об освобождении или хотя бы о переводе в более мягкие условия обычной психиатрической больницы принималось КГБ и лишь символически визировалось врачами и судом.

в) Значительным психотравмирующим фактором являлось понимание, что *и после освобождения реальная жизненная перспектива фактически отсутствует*, так как предстоял пожизненный психиатрический учет по месту жительства.

г) Пребывание в психиатрической больнице *лишало узника элементарных юридических прав*, неотъемлемых даже в тюрьмах и лагерях.

д) *Тяжелые переживания об оставленных семьях* также усугублялись в больнице; как рассказывал нам один из бывших узников специальной психиатрической больницы в Днепропетровске: «Я завидовал и семье Стуса, и семье Сверстюка, они могли гордиться, пусть и сквозь слезы, но гордиться.. А мои родственники не были семьей политзаключенного, мои были семьей сумасшедшего...».

е) Категорическое *требование медицинского персонала*, неприкрыто выполнявшего оперативно-следственные функции, *отказаться от своих политических убеждений*, подкрепля-

шея резкой интенсификацией лечения шоками, нейролептиками и сульфозином, вынуждало многих узников-диссидентов прибегать в конце концов к идеологической мимикрии, демонстрируя «угасание бредовых образований».

ж) Несмотря на то, что в каждой специальной психиатрической больнице МВД находились одновременно несколько диссидентов, их никогда не содержали в одной камере. Каждый из них «лечился» *в камерах с исключительно тяжелыми больными*, совершившими тяжкие, омерзительные преступления. Общение с себе подобными диссидентами было запрещено, их уделом было годами наблюдать глубоких олигофренов, возбужденных кататоников и т.п.

з) Узникам специальных больниц *запрещалось иметь в камере бумагу и ручку*, строго ограничивалось поступление книг и журналов. Таким образом, было невозможно всерьез переключиться на какие-либо иные занятия, хотя бы временно отгородиться и от собственной горькой судьбы, и от невыносимого окружения... В тех случаях, когда узники начинали заниматься изучением иностранных языков, врачи немедленно констатировали «ухудшение состояния» и увеличивали дозы нейролептиков. Один из бывших узников, врач по профессии, рассказывал нам, что его лечащий врач серьезно пострадала, когда стало известно, что она принесла ему медицинскую книгу по его специальности, хотя бы таким способом пытаясь помочь коллеге сохранить свое «я».

3. Собственно медицинские стрессоры.

а) Первым в этом ряду бывшие узники называют *эффект инъекций сульфозина*. Как известно, сульфозинотерапию предложил в 1924 г. датский психиатр Зеродер-Кнуд для лечения прогрессивного паралича. Несмотря на отсутствие каких-либо серьезных исследований, на биохимическом или электрофизиологическом уровне подтверждающих терапевтическую активность сульфозина, это весьма специфическое средство применяется в СССР и сегодня [1, с. 157]. Откровенное использование пролонгированной сульфозинотерапии как метода наказания (интенсивные мышечные боли, изматывающий, астенизирующий пирогенный эффект) подтверждают все бывшие узники психиатрических тюрем.

б) Отдельные диссиденты и посещавшие психиатрические тюрьмы в СССР международные эксперты сообщают о практике *атропинокоматозной терапии*. Специальная медицинская литература в СССР подтверждает эту практику, сообщая и о значительной опасности этого архаичного метода лечения [1, с. 142–145].

в) Значительное число диссидентов, переживших принудительное лечение в психиатрических больницах, сообщает, что их подвергали *мощному воздействию инсулинокоматозной терапии*.

г) *Терапия нейролептиками* осуществлялась постоянно, изо дня в день, из года в год. Почти все бывшие узники сообщают, что выдаваемые им корректоры (с целью купирования или смягчения экстрапирамидных расстройств) часто под угрозой избития изымались у них так называемым младшим медицинским персоналом, т.е. санитарями-уголовниками, использовавшими их с целью наркотизации.

Бывшие узники выделяют терапию нейролептиками как самый тяжелый фактор воздействия на них, и в связи с отчетливым немедленным действием, и в связи с непрерывностью и длительностью применения. Многолетний узник специальных психиатрических больниц (врач по профессии) так описал состояние психически здорового, спокойного человека после введения высокой дозы нейролептика мажептила (тогда — наиболее употребляемого): «Представьте себе огромную камеру, где кроватей так много, что с трудом пробираешься между ними. Свободного места практически нет. А вам ввели мажептил, и вы в результате испытываете непреодолимую потребность двигаться, метаться по камере, говорить, и рядом с вами в таком же состоянии с десятков убийц и насильников... а двигаться негде, любое ваше невыверенное рассудком движение приводит к столкновению с такими же двигательно возбужденными соседями... и так — дни, месяцы, годы».

д) *Самоощущаемые изменения психики* как результат действия медикаментов фиксировались всеми узниками. Страх, что эти изменения необратимы, что никогда не восстановятся прежний характер, прежние жизненные и профессиональные интересы, угнетал узника чрезвычайно. Врачи, как правило, скрывали обратимость этих изменений, старались фиксировать страх

с целью модификации политических или религиозных убеждений узника.

Остается лишь добавить, что интенсивность использования собственно медицинских стрессоров — иными словами, интенсивность «лечения» — резко уменьшалась, если узники прибегали к своеобразной идеологической мимикрии, вынужденно сообщали о переоценке своих прежних взглядов, суждений, произведений. И — наоборот.

По аналогии с В.Франклом, описавшим психическое состояние узников нацистских концлагерей [6, с. 131], мы можем утверждать, что реакции заключенных в советских специальных психиатрических больницах имели три основные фазы: шок поступления, типичные изменения характера при длительном пребывании в больнице, реакция на освобождение.

Шок поступления. Здесь описания всех впервые попавших в условия специальной психиатрической больницы достаточно сходны. Наиболее яркое описание первой своей ночи там дал нам узник-врач; свое впечатление от всего увиденного и прочувствованного им тогда (вплоть до избияния санитаром) он определяет как острую реакцию ужаса. Четыре человека сообщили нам, что именно тогда, в первые часы и дни в специальной больнице у них появились отчетливые суицидальные мысли, чего не было ни в момент ареста, ни в следственной тюрьме, ни во время этапирования.

Типичные изменения характера (иначе — фаза адаптации). В свое время Б.Беттельхейм [9] поражался тому, что человек в состоянии вынести столько, не покончив с собой и не сойдя с ума. Бессрочное заключение в психиатрической больнице, являвшееся конгломератом сверхсильных стрессоров длительного действия, тем не менее не приводило к суицидальным попыткам у заключенных-диссидентов.

Бессрочность существования в больнице-тюрьме приводит к переживанию утраты будущего. Без фиксированной точки отсчета в будущем человек не может существовать. Узники психиатрических больниц, в отличие от узников политлагерей, такой точки отсчета не имели. То, что узники больниц рассказывали о своем периоде адаптации к условиям больницы, позволяет говорить о таких изменениях характера, как появление безразличия к прежде значимым раздражителям, снижение внешних прояв-

лений эмоциональности. Вероятно, это отражает возникновение той самой защитной апатии, о которой сообщал на примере узников нацистских концлагерей В.Франкл [6, с. 137].

Однако не следует смягчать ситуацию. Все без исключения исследуемые сообщают, что окружающие их узники-уголовники, как тяжело больные психически, так и вполне сохранные (а было немало и таких), периодически на фоне привычного ровного безразличия, апатии проявляли выраженное агрессивное возбуждение. На наш взгляд, здесь идет речь не о собственно психотическом, болезненном возбуждении, вернее, не только о нем. По-видимому, и апатия, и агрессия — имманентные, неизбежные состояния в тех условиях, взаимодополняющие друг друга. Более того, можно предположить, что именно этот «маятник» состояний есть явление защиты. Исследователи психологии узников нацистских концлагерей также высказывают такое предположение [6, с. 138].

Судя по описаниям узников-диссидентов, их поведение в больницах отличалось большей уравновешенностью, отсутствием ауто-и гетероагрессии. Тщательный опрос позволяет нам привести перечень позиций (по мере уменьшения их субъективной значимости; опрос проведен авторами), позволивших этим людям сохранить свое «я» в условиях такой «тотально-репрессивной организации» [13]:

- 1) Вера в Бога. Если вначале искренне, глубоко верующими считали себя лишь некоторые, то в конце заключения в больницах уверовали почти все.
- 2) Уверенность в том, что твои политические убеждения состоятельны и ты не страдаешь психическим заболеванием.
- 3) Привыкание к жутким условиям (ср. апатию по В.Франклу).
- 4) Уверенность, что мир, в том числе и психиатры в других странах, знают о тебе и хотят помочь, защитить, спасти тебя (увы, мы знаем, что в действительности все было не так, мир жил своей жизнью, и подавляющее большинство психиатров не желало «пачкаться политическими интригами»...).
- 5) Информация с воли, пусть и скудная, прорывавшаяся иногда в эти почти герметичные учреждения, помогала не ощущать депривацию, укрепляла уверенность в том, что «мир знает о моих страданиях и борется за меня».

От себя мы можем добавить то, чего не высказал ни один из исследуемых, не мог, не должен был высказать. И мы не смели задавать такой вопрос... Но мы уверены, что именно массивные дозы нейролептиков, которыми казнили психику диссидентов, одновременно спасали их, уменьшая боль разрыва с близкими, боль от ощущения безысходности и даже саму физическую, реальную боль от побоев. Спасая — казнили, или казня — спасали...

Р.Бартон [8], изучая совершенно иной феномен — так называемый «больничный невроз» у больных шизофренией — в обычных американских лечебницах, определил следующие причины специфической невротизации пациентов, которые, на наш взгляд, обуславливают и специфические изменения характера узников специальных психиатрических больниц в СССР: 1) потеря контакта с внешним миром; 2) вынужденное безделье; 3) непререкаемый авторитет персонала; 4) потеря близких, личных вещей и личных дел; 5) чрезмерное применение лекарств; 6) атмосфера опеки; 7) потеря перспектив за пределами лечебного учреждения.

При поступлении в любую тотально-репрессивную организацию человека лишают его обычного внешнего облика, средств и возможностей его поддержания, поэтому он страдает от обезличивания. Тем не менее в этих условиях проявляются нравственные и культурные ценности у людей, имевших их до начала репрессий. Здесь уместно вспомнить наблюдения Э.Коэна [II] о нацистских концлагерях: «Действительно, были заключенные, не охваченные полностью эгоизмом, у которых еще оставалось место для альтруистических чувств и переживаний и которые пострадали своим товарищам. По-видимому, условия обитания в концлагере не смогли оказать на них такое же влияние, как на других заключенных».

То, что писал В.Франкл о своих соузниках по Освенциму, вполне приложимо к диссидентам, пережившим опыт заключения в советских психиатрических тюрьмах: «Они никогда не рассматривали лагерную жизнь как простой эпизод — для них она была скорее испытанием, которое стало кульминацией их жизни. Об этих людях, во всяком случае, нельзя говорить, что они испытали регрессию; наоборот, в моральном отношении они испытали прогрессию, претерпели эволюцию — в моральном и религиозном отношении. Ведь у очень многих заключенных имен-

но в заключении и благодаря ему проявилась подсознательная, т.е. вытесненная, обращенность к Богу» [6, с. 144].

Так проходили годы. За ними начиналась другая жизнь. Иная, желанная... Но — не свобода. Эта жизнь не могла быть свободной по ряду причин.

Исследователь — объективный, непредвзятый исследователь — не должен быть судьей, его дело — не выносить приговоры, но понимать. Было бы чрезвычайно просто назвать имена врачей, обречших своих безвинных сограждан на столь интенсивные муки, и тем самым закрыть тему. Но имена исполнителей здесь второстепенны. Впрочем, как и имена жертв.

И все же... Как объяснить, что психиатр А.В.Снежневский, истово защищавший права своих пациентов во фронтовом госпитале во время страшной мясорубки, именуемой Второй мировой войной, — что этот же А.В.Снежневский освящал своим академическим титулом и научными регалиями психиатрическое заключение диссидентов?.. Вечный вопрос. Вспомним французского историка Люсьена Февра, вопрошавшего: «Как объяснить, что Боден, великий Жан Боден, один из могучих умов своего времени... как он мог в 1580 году напечатать одну из самых удручающих книг этой эпохи — «Трактат о демонии колдунов», книгу, переиздававшуюся несчетное число раз?» [5, с. 497].

Ответ — не в личных качествах Ж.Бодена или А.Снежневского. Он — в ментальности эпохи и общества. Каждой цивилизации присущ собственный психологический аппарат. Он отвечает потребностям данной эпохи и не предназначен ни для вечности, ни для человеческого рода вообще, ни даже для эволюции отдельной цивилизации. Ментальность, способ видения мира, отнюдь не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли; она во многом — может быть, в главном — остается непрорефлектированной и логически не выявленной. Ментальность — это не философские, научные или эстетические системы, а уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания — люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность [2].

Все эти, казалось бы, отвлеченные философские рассуждения прямо связаны с нашей темой. Ибо паранойя (а именно этот

диагноз в различных модификациях выставлялся диссидентам) может быть понята только в непосредственной связи с той культурой, к которой принадлежит больной, так как бред есть такое ложное убеждение, которое несовместимо с убеждениями именно данной культуры. Диагностика паранойи усложняется, когда речь идет о больном, принадлежащем к чужой и малознакомой культуре [21]. Не учитывая существующих в определенной культуре норм и традиционных взглядов, психиатр, диагностирующий паранойю, совершает заведомую ошибку.

Сознательно отвлекаясь от сегодняшних изменений в СССР, мы задаем себе вопрос: что лежало в основе практики диагностирования психозов у диссидентов? Если менталитет общества действительно включал в себя непоколебимую веру в декларируемые государством идеологические ценности, то вина врачей в таком случае минимальна, ибо тогда их грех — от неведения.

К сожалению, неведения не было, позиция Снежневского и К° была осознанной. Есть одно абсолютное доказательство того, что общество не испытывало иллюзий ни по отношению к своим лидерам, ни по отношению к государственной идеологии. Это неоспоримое доказательство — в фольклоре, в тысячах и тысячах остроумных анекдотов, циркулировавших в обществе десятилетиями, несмотря на опасность «распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», — как было сказано в статье 190—1 Уголовного Кодекса РСФСР, что служило обычной формулировкой судебного обвинения диссидентов. Анекдотов, откликавшихся немедленно на любые идеологические новации, в том числе и на саму практику использования психиатрии для расправы над анекдотчиками...

В такую жизнь, в такое общество они возвращались из психиатрических больниц. Возвращались не все, лишь некоторые. Кто-то — чтобы навсегда покинуть страну, кто-то — чтобы спустя какое-то время опять идти под суд «за антисоветскую деятельность».

Освобождение из психиатрического заключения, как правило, было ступенчатым. Жесткие стены специальных психиатрических больниц сменялись на более мягкие, более открытые стены обычных психиатрических лечебниц. Лишь спустя месяцы начиналась собственно свобода.

По воспоминаниям самих узников, а также из их ответов следует, что значительная часть их после освобождения замечала у себя ранее отсутствовавшие симптомы, которые мы вправе отнести к невротическому кругу. Это чувство усталости, ухудшение концентрации внимания, возбудимость, вегетативные нарушения, раздражительность. В свое время были проведены аналогичные исследования оставшихся в живых узников нацистских концлагерей [14]. Сравнение с нашими данными представлено в таблице.

Сравнение нарушений после освобождения из нацистских лагерей и специальных психиатрических больниц

Виды нарушений	Частота проявления у заключенных (%)	
	нацистских концлагерей	специальных психиатрических больниц
Невротические симптомы	78	60
Ночные кошмары в образе концлагеря (психиатрической больницы)	47	45
Хронизация состояния	44	31

Нам приходится оценивать чью-то боль, чьи-то муки во внеэтических, специальных категориях... Понимаем К.Колле, еще в 1958 г. в аналогичной ситуации писавшего: «Язык психиатрии слишком беден, чтобы выразить в понятиях все то, что наблюдает эксперт при обследовании этих людей. Особенно опасным мне кажется с помощью расплывчатого понятия «невроз» давать официальным инстанциям видимость научного диагноза» [16].

Действительно, как описать в терминах медицинской дисциплины так называемую свободу прежних узников, если она, эта свобода, включала в себя (если не для всех, то для многих): а) продолжение репрессий, как закамуфлированных, так и явных; б) одиночество, как моральное, так и физическое; в) бед-

ность, отсутствие собственного жилья; г) использование властями родственников для оказания давления или для банальной слежки; д) отсутствие в стране каких-либо реабилитационных центров для жертв пыток (в отличие от государств с авторитарными режимами — Пакистана, стран Латинской Америки и т.д.); е) наличие психиатрического «ярлыка» со всеми вытекающими из этого опасностями и правовыми ограничениями.

Исследователи, описывающие состояние людей, освобожденных из нацистских лагерей, обращают внимание на распространенность и выраженность у них депрессивных состояний. Поясняют, что у тех, кто был пассивной жертвой оголтелого расизма, на депрессию мало влиял даже факт освобождения.

Мы не нашли явных депрессивных симптомов у бывших узников специальных психиатрических больниц (при расспросах о прошлом использовались как прямые, так и косвенные, «спрятанные» вопросы). Объясняем мы это следующим образом. Заключение в нацистском лагере и советской специальной психиатрической больнице несопоставимо ни по характеру, ни по интенсивности стрессоров. Если в первом случае заключенные были, как правило, пассивными жертвами, то узники специальных больниц попали в заключение в результате активных действий (ибо Уголовный кодекс и сказанное, и написанное слово приравнивал к действию).

Сама ситуация относительности «свободы» со всеми перечисленными ее особенностями требовала мобилизации всех психических сил человека в борьбе за выживание. Иное дело с бывшими узниками нацистских концлагерей: опустошенность, утрата близких, бессмысленность дальнейшего существования и многое другое... но без продолжающейся непосредственной реальной опасности. Здесь следует отметить, что бывшие узники специальных больниц, вскоре после освобождения уехавшие в эмиграцию (среди обследованных нами — трое), обнаружили там гораздо худшее психическое состояние: временные состояния деперсонализации, острое чувство тоски, хронизацию невротических симптомов, алкоголизацию. Как следует из неопубликованного сообщения Ю.Л.Нуллера на IV Международном симпозиуме по пыткам и медицинской профессии (24–26 октября 1991 г., Будапешт), аналогичные состояния деперсонализации наблюдались и у освобождающихся узников сталинских концлагерей.

Обращает на себя внимание тот факт, что бывшие узники психиатрии, вернувшиеся в семью или создавшие семью вскоре после освобождения, показывают минимальную хронизацию невротической симптоматики. Очевидно, что именно семья была единственным институтом социальной реабилитации для этих людей, вернувшихся жить во враждебный мир умирающего тоталитаризма.

Разумеется, люди, освободившиеся из психиатрического заключения в так называемый период перестройки, были в несколько иной ситуации. Как правило, им уже не угрожало преследование со стороны властей. Хотя и здесь были исключения: двое из наших исследуемых вновь подвергались принудительной психиатрической госпитализации, но на короткий срок, в обычные психиатрические больницы и без интенсивного медикаментозного «лечения».

Сейчас, как и ранее, в стране отсутствуют независимые центры по реабилитации жертв пыток, подобные тем, что оказывают помощь в Исламабаде, Копенгагене, Буэнос-Айресе. Понятно, что люди, подвергавшиеся психиатрическим репрессиям в СССР, никогда не пойдут за помощью, например психотерапевтической, или за советом к врачам, работающим в официальных структурах здравоохранения. Они пытаются решать свои психологические проблемы самостоятельно. Даже в независимые Ассоциации психиатров эти люди обращаются исключительно с целью добиться психиатрической и юридической реабилитации, и никогда — за терапевтической помощью.

За годы целенаправленной работы Международная ассоциация по политическому использованию психиатрии (IAPUP) — единственная международная организация, сосредоточившая свое внимание на поиске жертв психиатрического произвола и максимально возможной помощи им, собрала сведения о 98 советских гражданах, необоснованно помещенных в психиатрические учреждения либо страдающих от последствий так называемого психиатрического учета *. Это люди, либо вовсе не проявляющие никаких признаков психических расстройств, либо страдавшие

* В книге А. Копперса о политических злоупотреблениях психиатрией в СССР упоминается около 300 фамилий жертв, но более 70 из них с неубедительными сведениями — см. рецензию А.Е. Дичко (Обзор психиат. и мед. психол., 1991, № 4, с. 99–105). — *Прим. ред.*

ими, но в такой степени, что исключались их принудительная госпитализация, принудительное лечение и экскульпация. Представителями этой организации прослежены явные злоупотребления в 13 советских специальных психиатрических больницах (сейчас на территории бывшего СССР восемь таких больниц «со строгим наблюдением»).

При среднем возрасте диссидентов, направленных на «лечение» в специальные больницы, 35 лет средний срок пребывания в них был 2 года. Но были случаи, когда необоснованное содержание в специальных больницах достигало 20 лет. Следует учитывать, что многие диссиденты в течение своей жизни направлялись на такое «лечение» неоднократно. Достаточно сказать, что часто вслед за освобождением из психиатрической больницы человека арестовывали и наказывали уже тюремно-лагерным заключением (т.е. эпизоды психиатрического наказания сопровождались общеуголовным наказанием).

Согласно данным IAPUP, 64% диссидентов-узников советских психиатрических больниц имели законченное или незаконченное (прерванное в связи с репрессиями, арестом и госпитализацией) высшее образование; 68% к моменту ареста и госпитализации имели семью. По сведениям, поступившим от самих узников, им известны 4 случая смертей в психиатрических больницах, связанных с избиениями больных надзирателями или младшим медицинским персоналом. Проверить эти сведения пока не представляется возможным.

К сожалению, IAPUP не располагает статистикой экскульпации при вменении советскими судами политических и религиозных деликтов, так как таковая не публиковалась. Однако известны относительные величины, убеждающие, что среди тех, кто обвинялся в так называемой антисоветской деятельности, процент «душевнобольных» оказывался во много раз выше, чем среди уголовных преступников. Нынешний директор Института имени Сербского в Москве профессор Т.Б.Дмитриева сообщила: «...институт проводит в год до двух тысяч экспертиз. Из этих двух тысяч экспертиз даже в самые «урожайные» годы лишь 1–2 процента касались тех, кто обвинялся в антисоветской деятельности...» («Новое время», 1991, № 5, с.32). Как было написано в газете «Известия» в феврале 1991 г., «в настоящее время в СССР 1100 пенитенциарных учреждений, в каждом из кото-

рых содержится в среднем по 1500 человек». В 1970-е годы — а это был пик использования психиатрических репрессий против диссидентов — в пенитенциарных учреждениях СССР находилось как минимум 2 млн человек. Среди них было минимум 1000 диссидентов, т.е. 0,05% от общего количества осужденных. Теперь вернемся к словам профессора Дмитриевой: 2% от всех экспертируемых в институте имени Сербского — диссиденты. Итак, 2% больше, нежели 0,05%, в 40 раз! Иными словами, внимание советских психиатров к политическим заключенным превышало как минимум в 40 раз их внимание к обычным, общеуголовным делинквентам.

И еще одно косвенное доказательство «особого внимания» к диссидентам: при обследовании 156 несовершеннолетних правонарушителей было выявлено, что 20 из них страдают неврозами, а 35 — патохарактерологическим развитием [7]. При этом не было никаких «психиатрических» последствий для этих 55 психически нездоровых подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авруцкий Г.Я., Недува А.А. Лечение психически больных. Руководство для врачей. — М.: Медицина, 1988.
2. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра. — М., 1991.
3. Ландау. О паранойяльных состояниях среди душевнобольных каторги. — СПб, 1910.
4. Оценка последних изменений в советской психиатрии. Доклад делегации психиатров и других специалистов США в Советский Союз. — Вашингтон, 1989.
5. Февр Л. Бои за историю. — М., 1991.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
7. Чечель Г.И. Профилактика преступлений несовершеннолетних, поставленных на учет в инспекции по делам несовершеннолетних / Правовые вопросы борьбы с преступностью. — Томск, 1984. — С. 164.
8. Barton R. Institutional neurosis. — Chicago, 1976.
9. Bettelheim B. Individual and mass behavior in extreme situations. — Abnormal Psychol. (Albany), 1943, vol. 38, p. 432.
10. Bloch S., Reddaway P. Diagnosis: Political dissident. — London, 1981.
11. Cohen E.A. Human behavior in the concentration camp. — London, 1954.

12. Eitinger L., Strom A. Mortality and morbidity after excessive stress. — Oslo; New York, 1968.
13. Goffman E. Asylums. — New York, 1961.
14. Helweg-Larsen P. et al. Famine disease in German concentration camps. — Kopenhagen, 1952.
15. Kinzie T.D., Sack W.H., Tugel R.H. et al. The psychiatric effect of massive trauma on Cambodian children. — The children J. Amer. Acad. Child Psychiat., 1986, vol. 25, № 3, p. 370–376.
16. Kolle L. Die Opfer der nationalsozialistischen Verfolgung in psychiatrischer Sicht. — Nervenarzt, 1958, № 29, S. 148.
17. Norwegian concentration camp survivors / Ed. A.Strom. — Oslo; New York, 1968.
18. Psychological effects of political repression / Ed. D.R.Cordon, L.I.Edelman, D.M.Lagos et al. — Buenos Aires, 1988.
19. Radil-Weiss J. Menschen unter extremen Bedingungen. Einige medizinische und psychologische Aspekte des Konzentrationslagers Auschwitz. — Z. Klin. Mod., 1986, Bd. 41, № 24, S. 1979–1986.
20. Speed N., Engdahl B., Schwartz T., Eberly R. Posttraumatic stress disorder as a consequence of the POW experience. — J. Nerv. Ment. Dis. 1989, vol. 177, №3, p. 147–153.
21. Waini K.M. Paranoia as a cultural phenomen: Treatment of an Indian physician. — Am. J. Psychother., vol. 39, № 4, p. 587–592.
22. Westermeyer I., Wahmenholm K. Assessing the victimized psychiatric patient. — Hosp. Comm. Psychiat., 1989, vol. 40, № 3, p. 245–249.

Людмила Гуменюк

Профилактика насилия среди сотрудников ОВД

(по материалам социологических
и психологических исследований)

РОЛЬ ОРГАНІВ ВНУТРІШНІХ СПРАВ У СФЕРІ ЗАПОБІГАННЯ ТА ПРОТИДІЇ НАСИЛЬСТВУ В СУСПІЛЬСТВІ: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції.
Львів, 17-18 квітня 2000 р.

© Львівський інститут внутрішніх справ при НАВС України, 2000

Нарушение законности и правопорядка работниками ОВД проявляется в форме как деструктивного, так и аутодеструктивного поведения, о чем общество узнает, как правило, из СМИ. Однако скрытых (латентных) проявлений значительно больше. Следовательно, своевременно проанализировать и адекватно отреагировать на насилие со стороны работников ОВД достаточно трудно, поскольку именно латентные явления свидетельствуют об определенных тенденциях и закономерностях развития социальных и общественных систем.

Особенно ярко это проявляется в функционировании сложных профессиональных систем, в частности в системе ОВД. В условиях дестабилизации общества каждая система некоторое время существует за счет внутренних резервов, целостности и саморазвития. Социальная фрустрация на государственном уровне может привести к тому, что сила внешних воздействий на системы более низкого уровня превысит силу внутрисистемных

связей. Тогда эти системы будут близки к распаду. Опасность усиливается в том случае, если профессиональная система является силовой структурой государства. В такой ситуации возникает угроза непосредственно для государства, поскольку система, которая призвана бороться с насилием, сама может превратиться в насильственную либо уничтожить себя как таковую. Об этом важно помнить особенно сегодня, когда незаконный оборот денег, теневой капитал, торговля живым товаром, насилие по отношению к окружающим стали неотъемлемой составляющей обогащения определенной категории населения. Такое государство, таких дельцов удовлетворяет «карманная милиция»: она имеет мизерную заработную плату — и ее можно использовать как вздувается. Это создает психологический барьер, который мешает самореализации индивида в системе ОВД, нивелирует формирование его как личности, создает условия, провоцирующие проявление насилия как в отношении других, так и в отношении себя самого. Агрессия и депрессия — индикаторы нестабильного состояния индивида, обусловленного прежде всего объективными факторами макроуровня. Как считает А.Ратинов, «социально-психологическим источником преступности являются деформации в общественном сознании» [3, с. 225].

Ежеквартальный, полугодовой и годовой анализ статистических данных МВД Украины о совершении личным составом на местах тяжких преступлений, о случаях нарушения ими законности и об их причастности к другим чрезвычайным происшествиям на протяжении последних восьми лет свидетельствует об объективном характере динамики преступности среди сотрудников ОВД. Так, «пик роста» совпал с периодами обострения социально-экономического кризиса в обществе, что приводило к увеличению теневого капитала и к обнищанию работников бюджетной сферы, а с ними — и низовых звеньев сотрудников милиции.

«Выравнивание» резкого повышения преступности среди работников ОВД в 1995—1996 гг. осуществлялось силовыми мерами, методами дисциплинарного воздействия руководства МВД Украины с целью наведения порядка на местах. Однако это только частично и лишь на некоторое время улучшило ситуацию. Радикальных изменений, которые оздоровили бы систему, укрепили внутрисистемные связи, не произошло.

За первое полугодие 1999 г. работниками ОВД совершено 5 преднамеренных убийств (8 — за тот же период 1998 г.), 11 случаев телесных повреждений (4 — в 1998 г.), 4 разбойных нападения (3 — в 1998 г.), 9 краж (10 — в 1998 г.).

Динамика как возрастания, так и снижения количества преступлений обусловлена на внутрисистемном уровне причинами объективного и субъективного характера.

Один из основных «факторов риска» — специфика правоохранительной деятельности, для которой характерны *конфликтность и экстремальность служебных ситуаций, физические и психические перегрузки*.

Специфика работы в ОВД обусловлена также *наличием формы* (внешний атрибут воплощения власти), которая привлекает особое внимание окружающих. Всех, кто работает в системе, характеризует еще и такая черта, как *сверхвнимательность*. Не менее, а возможно, и более существенным является фактор служебной зависимости, предполагающий полное подчинение другому человеку, независимо от его интеллектуально-мотивационных качеств. Это и *«открытая изоляция»*, обусловленная принадлежностью к ОВД (некоторые, стремясь избежать ее, идут иногда на конфликт с совестью, защищая близких, друзей от кары Закона). Это также общение с *маргиналами*, социальная и профессиональная депривация, которая возникает вследствие риска несения службы и относительной жестокости системы. Ни один из работников ОВД не может быть уверен, что не останется без работы. А если останется, то защитит ли его система в условиях общественного кризиса? Все эти факторы являются для работника правоохранительных органов «тяжелым грузом», который невозможно преодолеть без ежедневной работы над собой.

Противоречие, возникающее, с одной стороны, между увеличением — вследствие сокращения личного состава ОВД — объема выполняемых заданий, а с другой — психофизиологическими возможностями работников, стало причиной агрессии, а следовательно, насилия, привело к возрастанию количества психосоматических заболеваний, случаев суицида и (после снятия льгот) резкого возрастания количества желающих уволиться из ОВД.

Важным направлением профилактики насилия среди работников ОВД был и остается психофизиологический отбор. Пятнадцать процентов выпускников (2000 г.) на вопрос: «Что Вы

предлагаете для усовершенствования подготовки работников правоохранительных органов в вузах МВД Украины?» ответили: «...более требовательно подходить к отбору на работу в ОВД». Результаты ПДТ и психологического сопровождения подтверждают это мнение. Довольно часто в «группу риска» попадают так называемые льготники — дети, чьи родители погибли при исполнении служебного долга, сироты и другие, по отношению к которым требования были ослаблены.

Семьдесят процентов опрошенных в январе этого года (по методике изучения профессиональной мотивации работника ОВД в качестве кандидата на обучение на курсах переквалификации ЛИВД) принадлежат к так называемому компенсационному типу. Они выбрали эту сферу деятельности, чтобы благодаря профессии, требующей проявления мужества, самостоятельности, преодоления слабых черт характера (неуверенность, недостаток интеллекта, некоммуникабельность, чувство собственной неполноценности и т.п.), укрепить, закалить себя. Гиперкомпенсация слабых черт нередко становится причиной стремления доминировать над другими, пробуждает эмоциональную холодность, даже жестокость, что приводит к серьезным профессиональным просчетам и к нарушению Закона (в том числе к насилию).

Работники правоохранительных органов, совершившие правонарушения (по результатам анализа материалов служебных расследований), как правило, малообразованны (со средним и средним специальным образованием), малокоммуникабельны, замкнуты, имеют небольшой стаж работы. В основном это посредственности (ни взысканий, ни поощрений). Распространенная практика «бросать» вновь принятую молодежь — без профессиональных знаний, подготовки и профессиональной мотивации — «на ППС», ГАИ приводила как к недооценке роли службы и падению ее авторитета, так и к злоупотреблениям властью и т.д. Приказ МВД о запрещении аттестации без соответствующей профессиональной подготовки позволил более скрупулезно подходить к профотбору.

На динамику деструктивного поведения влияет также начальная нацеленность субъектов на службу в органах внутренних дел. Опрос, проведенный СПЗ ВРОС ЛИВД среди участников чемпионата Украины (учебные заведения МВД) в 1997 г., показал, что

основными мотивами выбора ими профессии работника правоохранительных органов были: уклонение от службы в армии (1-й ранг), возможность иметь неплохой заработок, дополнительная прибыль (2-й ранг). Желание работать на благо народа Украины заняло одну из последних позиций. Что касается курсантов нашего института, то 67% выпускников 2000 г. из четырех альтернативных вопросов выбрали ответ: «это то, что я люблю, чем живу».

Отрицательным фактором, который вызывает делинквентное поведение работников ОВД, является отсутствие высокой психологической готовности к действиям в экстремальной ситуации. В общем количестве выпускников ЛИВД, уволенных по ст. 64-ж, 40% — это те, кто во время исходного ПДТ показал такие результаты: «удовлетворительная НПС; в экстремальных условиях возможны срывы», а также два бывших члена «группы риска». В анкетах-откликах руководители практических подразделений комплектующих органов часто, отмечая надлежащую специальную подготовку, указывают на недостаточную психологическую готовность выпускников к действиям в экстремальных ситуациях. И действительно, у многих выпускников занижен уровень нервно-психической стойкости, недостаточно выражены волевые качества (не могут постоять ни за себя, ни за других). О недооценке роли психологического фактора свидетельствуют также результаты опроса выпускников этого года. Оценивая себя и своих коллег в отношении того, насколько они овладели профессиональными качествами и навыками, респонденты (как факультета № 1, так и факультета № 2) отметили низкий уровень знаний по основам психологии и педагогики.

Недостаточная психологическая готовность, особенно неумение осуществлять саморегуляцию поведения, приводит к тому, что психологическую нагрузку после изнурительного, полного стрессов дня работник снимает с помощью алкоголя, а это в свою очередь вызывает всплеск эмоций и проявление насилия по отношению к другим (в том числе к собственной семье) и к себе. Изучение уголовных дел и заключений суда в отношении насильственных преступлений, совершенных работниками милиции Львовской области, показало, что все грабежи и разбои совершены в состоянии алкогольного опьянения. Опрос, проведенный в 1999 году СПЗ ВРОС среди курсантов ЛИВД, показал, что они употребляют алкоголь, курят, «чтобы расслабить-

ся, снять стресс». Некоторые из них уже имеют психологическую алкогольную зависимость.

К сожалению, у большинства практических подразделений нет не только кабинетов психоэмоциональной разгрузки, но и должности психолога. Правда, «Комплексным планом улучшения работы и дальнейшего развития службы психологического обеспечения МВД Украины на 2000—2003 годы» предусмотрено обязательное обеспечение подразделений и служб ОВД кабинетами психологической разгрузки. Однако для реализации проекта необходимы значительные средства, а выделение помещений без надлежащего оборудования мало что изменит.

Среди факторов влияния существенное значение имеет социально-психологическая адаптация молодого работника к условиям службы, морально-психологический климат в коллективе.

Одной из важных проблем остается личностная разобщенность работников милиции, отсутствие единства личных и коллективных профессиональных интересов, позиция собственной исключительности у одних и, следовательно, представление о неполноценности других.

Нельзя не обратить внимание и на такой фактор, как отрицательное отношение населения к работникам милиции. Результаты оперативного телефонного опроса и пилотного интервью жителей Львова, проведенного группой курсантов института, показали, что большинство респондентов отрицательно оценивают работников правоохранительных органов, «не хотят иметь с ними ничего общего».

Противоречия, возникающие между объективным (Законом) и субъективным (требованиями населения, которое он охраняет), порождают двухсторонний негативизм, когда ни одна из сторон не может быть удовлетворена. Такой негативизм часто приводит к насилию по отношению как к тем, так и к другим.

Таким образом, профилактика деструктивного поведения работников ОВД, в частности насилия, предусматривает **на макроуровне:**

- установление социального равновесия в обществе, обеспечение социальной и профессиональной защиты населения в целом и работников ОВД в частности;
- содействие повышению авторитета милиции со стороны органов государственной и местной власти, что предусмат-

ривает ряд мер, направленных на сохранение лучших кадров правоохранительных органов;

на уровне социального института ОВД:

- усиление ОВД как системы путем профессионального отбора и высококвалифицированного психологического сопровождения служебной деятельности сотрудников. Создание условий для психофизиологической и физической реабилитации работников правоохранительных органов;
- создание оптимальных жилищных и материально-бытовых условий жизнедеятельности работников милиции; особое внимание следует обратить на обустроенность и социально-психологическую и профессиональную адаптацию молодых специалистов.

Иначе значительная и нередко не самая худшая часть контингента работников правоохранительных органов будет искать работу в народном хозяйстве, а органы внутренних дел и дальше будут иметь дело с проявлениями насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуменюк Л.Й. Акмеологічні основи педагогічної діяльності. Навчально-методичний посібник для офіцерів-педагогів, викладачів закладів освіти МВС України. — Львів: ЛІВС при НАВСУ, 1999.
2. Медведев В.С. Проблемы професійної деформації співробітників органів внутрішніх справ (теоретичні та прикладні аспекти). — К.: НАВСУ, 1996.
3. Ратинов А.Р. Социально-психологические аспекты юридической теории и практики / Прикладные проблемы социальной психологии. — М.: Наука, 1983. ■

Региональная сеть реабилитационных центров

Международный Совет по реабилитации жертв пыток (IRCT) поддерживает развитие региональных и субрегиональных сетей реабилитационных центров и программ посредством:

- профессионального и организационного усовершенствования реабилитационных услуг в (суб) регионах;
- репрезентации (суб) регионов в Совете IRCT представителями регионов;
- усиления реабилитационных центров в регионах.

29 сентября — 1 октября 2000 г. в рамках Региональной программы развития IRCT и при финансовой поддержке Комиссии Европейского Союза в Киеве проходила встреча представителей реабилитационных центров из Санкт-Петербурга, Еревана, Тбилиси, Москвы, Киева, Бельц (Молдова), Фонда «Женевская инициатива в психиатрии» (GIP, Голландия).

Признавая необходимость и пользу сотрудничества, участники этой встречи приняли решение о создании региональной сети реабилитационных центров (NISNET network). Кроме того, были совместно выработаны долгосрочная (на следующие два-три года) и краткосрочная (на 2001 г.) стратегии и составлен план мероприятий в регионе (на 2001 г.) в сфере реабилитации, а также превенции пыток и других видов жестокого, негуманного и унижающего человеческое достоинство обращения и наказания.

Среди приоритетных направлений деятельности созданной сети реабилитационных центров было выделено развитие механизма обмена профессиональной информацией (создание информационно-документационного центра, издание журнала «Социально-психологические и медицинские аспекты жестокости»), определение специфических потребностей в обучении и повышении профессионального уровня специалистов реабилитационных центров, проведение тренингов, выработка универсальной системы регистрации клиентов, документации и мониторинга, развитие стратегий превенции на национальном и региональном уровнях. ■

Abstracts

Introduction

INGE GENEFKKE. Torture in the World Today

This article addresses one of the most severe problems in the world, that of torture – the plague of modern times. The author especially underlines the medical aspects and the specific responsibility of the medical profession.

LARS WIESÆTH. Psychiatric Problems in War

The article describes the following phases of the wars: peace 1, threat, attack, invasion, occupation, liberation, post-war, and peace 2. Each stage has a number of particular stressors and accompanying stress reactions, generally overlapping several phases. The effects may be cumulative. However, people often demonstrate an almost astonishing capacity for adaptation to war stress.

VLADIMIR HEĆIMOVIĆ. Unrecognised Needs for Psycho-Social Help in Modern War

It is difficult to recognise the real dimension of psycho-social needs of people traumatised by war. This article analyses the factors that obscure the recognition of true needs. The most important among these factors are the victim him – or herself, identification of victims in the group, lack of psychological education of medical specialists treating the victims, low level of motivation among helpers, countertransference, helpers from foreign countries, and social factors. However, in spite of the fact that it is not possible to adequately meet the majority of the needs for psycho-social help, it still remains more appropriate to access the needs in realistic way, to evaluate available resources, and to establish priorities in the planned provision of the psycho-social help, than to try to repress the facts in the psychological zone of obscured uncertainty.

JOSE QUIROGA, ROGER GURR. Cultural Issues in Psychotherapies with Torture Survivors

The article considers the major differences between cultures in their concepts about the process of torture and its meaning, which obviously affects the type of therapy required. Some societies have no history of psychological therapies and expect cures based on medications or religious ceremonies. Western therapies are individualistic and seldom emphasize the social and cultural context. More of the rest of the world has a socio-centric ideology. Illness, tension and

conflicts are resolved in these societies through existing in-built cultural processes. Interventions that do not recognise these factors could be detrimental.

The United Nations and the struggle against torture

26 June — United Nations International Day in Support of Victims of Torture

Declaration of Principles of Tolerance

OLE VEDEL RASMUSSEN, BENT SØRENSEN. The Council of Europe's Committee for the Prevention of Torture (CPT), 1989–1999

The European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (CPT)

«Substantial» sections of the general reports of CPT.

Police detention | holding in custody

Coalition of International NGOs against Torture (CINAT)

JACOB LYKKE. Amnesty International Reports on Torture and Ill-treatment in Tibet

Numerous Amnesty International (AI) reports indicate continuous massive human rights violations in Tibet, including ill-treatment, torture, and death of prisoners during or immediately after detention. This article is a brief summary of reports from the past ten years.

From Amnesty International (AI)

Annual Report 2000

International Rehabilitation Council for Torture Victims (IRCT)

METTE HOLM. It Could Be Anyone

Psychologist: Torturers are not necessarily particularly evil. They are obedient and nurture blind trust in authority. And they like to be good at their job.

In this article author brings up questions for discussion: What does it take to make a person a torturer? Are they inherently bad people with sick minds, filled with evil, hatred and bitterness? The author considers that perpetrators of torture are not particularly happy or sad. They are not necessarily easy going, nor the opposite. They are conscientious and obedient authority figures. They nurture blind in whatever authority that empowers them.

The author summarises that entire societies, like the individual victims, need healing after torturous regimes. The torturers and their superiors have to be prosecuted and punished.

LIBBY T. ARCEL. Justice in the Wake of Torture Regimes: Punish or Pardon?

In this article author brings up problems of impunity and oblivion.

Throughout history humanity has witnessed cries for justice. For justice to be fulfilled, the perpetrator of the violation must be identified. The notion of justice must have a subject. Lack of justice leads to lack of forgiveness. And lack of forgiveness leads to lack of reconciliation. Justice must be done in full for forgiveness to be unconditional, and for all desire for revenge and the recurrence of violence to disappear.

BRUNO BETTELHEIM. About the psychological appeal of totalitarianism

Doctor Leo Eitinger

Biography

LEO EITINGER. Coping with Aggression

A short review of the coping mechanisms used by concentration camp inmates, as described by several authors, and a tentative definition of coping mechanisms is given. Based on interviews with more than 2,000 concentration camp survivors, it is shown that persons who could retain their system of values more or less intact even under conditions of social anomie, were those who were able to mobilize the most adequate coping mechanism. This proved also to be the best way of survival without too many psychological disturbances after the war.

NANCY ADLER, SEMYON GLUZMAN. Torture by Psychiatry. Mechanism and consequences / after-effects

In this paper authors examine a sample of dissidents whose views were suppressed in special psychiatric hospitals, explore the broader problems of victims of psychiatric trauma in the former USSR, and discuss the necessity for rehabilitative treatment of these cases.

LYUDMILA GUMENYUK. Preventive measures of the Violence among the Staff of Law-enforcement Agencies

The author presents review the sociological and psychological researchers of Institute of Internal Affairs in Lviv. Gumenyuk analyses the reasons of violence among staff of low-enforcement agencies and gives some recommendation for violence prevention.

About NISNET Regional Network of the Rehabilitation Centres

International Rehabilitation Centre, Kyiv

The International Medical Rehabilitation Centre for the Victims of Wars and Totalitarian Regimes (IRC) is non-profit NGO. The founders of IRC are Ukrainian Psychiatric Association, the Geneva Initiative on Psychiatry (Hilversum, Netherlands) and the International Rehabilitation Council for the Victims of Torture (IRCT) (Copenhagen, Denmark).

The main task of the Centre is rendering assistance to the citizens of Ukraine that were exposed to political repression including those of extrajudicial character, and to the refugees from other countries who are living in Ukraine at present time.

The IRC has direct purposes:

- 1) medical, psychological and social assistance to the clients;
- 2) lobbying of their problems in the state;
- 3) giving information to the public about their problems in order to draw attention to them;
- 4) scientific researches including publication of the results of studies in special journals.

The main group of clients includes the former prisoners of «Stalin» camps, victims of political repression of extrajudicial character, adult and young prisoners of nazi camps, ostarbaiters and former prisoners of «Brezhnev» camps. A part of them are united in 3 NGOs. According to these NGOs's (probably not full) information the number of that category of clients comes up to 3.000 people only in Kyiv.

The Centre provides medical, psychological and social help to its clients. It is absolutely free of charge. Also IRC supplies it's clients with free medicines bought at the expense of the Centre because of the extreme poverty of the clients. ■